

A man with a beard and long hair, wearing a brown cowboy hat and a worn leather jacket, is shown in profile, looking out over a vast, rugged desert canyon. The landscape features layered rock formations and sparse vegetation under a clear sky. The title is overlaid in white script font.

*Легенды
Дикого
Запада*

Алексей Головин

Алексей Головин

Легенды Дикого Запада

«Автор»

2026

Головин А. Г.

Легенды Дикого Запада / А. Г. Головин — «Автор», 2026

Захватывающий вестерн с элементами мистики о судьбе Били — одинокого ковбоя, вынужденного встать на путь мести после загадочной гибели младшего брата Джейка. В поисках правды о смерти брата главный герой оказывается втянут в древнюю тайну, связанную с таинственным каньоном Чёрной Змеи. Там, в самом сердце тexasской прерии, Джейк обнаружил нечто, привлёкшее внимание не только обычных преступников, но и сверхъестественных сил. Интригующий сюжет разворачивается на фоне суровых пейзажей Дикого Запада, где Били предстоит столкнуться не только с человеческими врагами, но и с древним злом, охраняющим свои тайны. В его поисках правды ему помогает загадочная женщина Оса, владеющая знаниями о древних пророчествах и силах, пробудившихся в каньоне. Книга сочетает в себе: * Напряжённое действие классического вестерна * Элементы мистики и сверхъестественного * Глубокую психологическую драму * Атмосферу Дикого Запада

© Головин А. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Легенды Дикого Запада

Глава

КНИГА ПЕРВАЯ: КАНЬОН ЧЁРНОЙ ЗМЕИ

Глава 1. Земля принимает своих

Техасская земля была твёрже греха. Лопата входила в неё с глухим, надсадным хрипом, и каждый удар отзывался в спине Билли тупой болью. Солнце стояло в зените, воздух над прерией дрожал маревом, но жары он почти не замечал. Он чувствовал только тяжесть мокрой глины на лезвии и запах свежей смерти, смешанный с полынной горечью. Яма вышла неглубокой — по пояс. Он торопился. Кругом не было ни души, только стервятники где-то высоко вычерчивали терпеливые круги. Билли снял шляпу, вытер ладонью пот со лба и посмотрел на тело, завернутое в старый брезент. На тело своего младшего брата Джейка.

—Зря ты полез в тот каньон — сказал Билли в пустоту. Голос сел, будто он не говорил уже три дня. — Я же предупреждал: за рекой чужая земля. Он спрыгнул в яму, подхватил Джейка за плечи. Тело уже начало коченеть, но жара ещё не успела раздуть его. Билли перекатил брата в могилу. Брезент глухо ударился о глину. Билли замер на миг, глядя на бесформенный холмик ткани. Он не знал, что говорят в таких случаях. Отец всегда твердил: «Земля своё заберёт. Ты ей не мешай». Билли выбрался наверх, взял лопату и начал засыпать яму. Комья падали тяжело, с мокрым шлепком, один за другим скрывая брезент, скрывая лицо, которое до сих пор стояло у него перед глазами: испуганное, белое, с широко открытым ртом, будто Джейк хотел что-то спросить перед самой смертью, но не успел. Когда могила сравнялась с землёй, Билли воткнул лопату в холмик и долго стоял на коленях, упираясь ладонями в колючую траву. В голове была тишина. Ни молитв, ни проклятий. Только пустота — сухая и бездонная, как пересохший колодец. Он поднялся, собираясь уйти, но нога зацепилась за что-то твёрдое, торчавшее из травы. Билли опустил взгляд. Старая, потёртая кожаная сумка Джейка. Та самая, с которой брат никогда не расставался. Билли обыскал тело, но сумки не нашёл — должно быть, она выпала, когда он тащил Джейка к месту погребения. Он поднял сумку, расстегнул пряжку. Внутри лежали сухари, кусок вяленого мяса, пара патронов и потрёпанная книжица в твёрдой обложке. Дневник. Билли сел прямо на могильный холмик, не заботясь о грязи на штанах, и открыл дневник на первой странице. Почерк Джейка он узнал сразу — корявый, торопливый, будто строки выводили дрожащей рукой при свете свечи. «23 мая. Если ты читаешь это, значит, меня уже нет. И, вероятно, ты — Билли. Прости, что оставляю тебя с этим. Ты всегда был старшим и всегда убирал за мной дерьмо. Но теперь дерьмо — большое. Я нашёл не то, что искал в каньоне Чёрной Змеи. Я нашёл не золото. Я нашёл то, чего нам обоим следовало никогда не видеть. К северу от Техаса есть старый заброшенный амбар. Там, под третьей...» Строка обрывалась. Дальше шёл неровный, дрожащий текст, словно Джейк дописывал уже в темноте: «Они идут за мной, Билли. Я думал, это просто бандиты, но они не люди. По крайней мере, не совсем. У них глаза как у сов, и они не оставляют следов. Если я не доберусь до амбара — иди ты. Но знай: там, куда ведёт карта, лежит то, что может изменить всё. Или уничтожить всё. Ты решай, брат. Ты всегда лучше меня решал.» Билли захлопнул дневник и прижал его к груди. Сердце колотилось часто, но лицо оставалось спокойным. Он поднял взгляд на север, туда, где за волнами прерий едва виднелась серая точка — крыша старого амбара.

— Ну, Джейк, — прошептал он, — зачем же ты во всё это влез? И зачем оставил мне эту головную боль?

Он подобрал лопату, сунул дневник в седельную сумку и направился к коню, привязанному к чахламу кусту. Старый гнедой мерин по кличке Гром настороженно прятал ушами, будто тоже чувствовал: в воздухе пахнет не просто дымом — пахнет неизбежностью. Билли

вскочил в седло, натянул поводья и, не оглядываясь на свежий холмик, взял курс на север. Туда, где в пыльной дымке лежал его город — Техас. Где его никто не ждал, но где брат оставил ему билет в ад.

Глава 2. Пепел и вопросы

Техас встретил Билли привычной вонью: навозом, пережжённым жиром из салуна «Красный петух» и сладковатым запахом прелой соломы. Главная улица в этот час пустовала — солнце только начинало клониться к западу, и нормальные люди прятались в тени, пережидая пекло. Только у коновязи топтались двое парней с винчестерами — братья Диллоны, местные шестёрки. Когда Билли проезжал мимо, старший, Карл, сплюнул и проводил его взглядом, как гремучая змея.

— Джейка не видели? — крикнул он вслед.

Билли натянул поводья. Гром недовольно фыркнул, перебирая копытами.

— Не твоё дело, Карл.

— Это дело шерифа, — раздался голос с крыльца офиса.

Билли повернул голову и встретился взглядом с Уиллом Харпером, шерифом округа Киллин.

Харпер был из тех мужчин, что не меняются с годами: та же клетчатая рубашка, тот же потёртый значок, те же стальные глаза под кустистыми бровями. Он стоял, опершись на перила, и жевал травинку, не спеша говорить.

— Спешивайся, Билли — сказал он без приветствия. — Поговорим.

Билли вздохнул, спрыгнул с коня и привязал Грома к столбу. Сердце у него забилося чаще, но лицо осталось каменным. Он знал этот ход: шериф не звал просто так.

Кабинет Харпера пах старым табаком и пылью. На стене висела карта округа, испещрённая карандашными пометками. Шериф сел за стол, сдвинул бумаги и уставился на Билли.

— Где Джейк?

Это прозвучало не как вопрос, а как приговор. Билли сел напротив, положил шляпу на колени и выдержал короткую паузу.

— В земле — сказал он тихо.

Шериф не вздрогнул. Только вынул изо рта травинку и бросил её в пепельницу.

— Это всё, что ты мне скажешь?

— Он погиб, Уилл. В каньоне Чёрной Змеи. Сорвался с уступа, когда искал воду для лошадей,

— Билли говорил ровно, почти безжизненно. — Я нашёл его через два дня. Слишком поздно.

Харпер наклонился вперёд; тяжёлые ладони легли на стол, заслонив часть карты.

— Билли, я знаю тебя двадцать лет. Ты никогда не врешь мне так плохо. — Он помолчал.

— Твой брат не попёрся бы в каньон за водой. Джейк знал эти места как свои пять пальцев. Он ехал туда за другим. И ты это знаешь.

Билли встретил его взгляд, не моргнув.

— Он мёртв, Уилл. Ему уже всё равно, за чем он ехал. Я пришёл сказать тебе это как человек, а не как подозреваемый.

— А вот это уже интересно, — шериф усмехнулся и подошёл к маленькому зарешеченному окну. На улице Диллоны уже курили, привалившись к коновязи. — Ты знаешь, что ходят слухи?

— Слухи дешево стоят.

— Верно. Только эти слухи — о золоте. Будто Джейк нашёл в каньоне жилу. — Харпер резко обернулся. — И будто он мог кому-то помешать.

— Ты думаешь, я убил родного брата?

Тишина легла в комнате тяжело, как сырое одеяло. Шериф не моргал. Его лицо стало похожим на старую маску — изношенную, но всё ещё видящую насквозь.

— Я думаю — сказал он медленно, — что у тебя в седельной сумке лежит то, что он нашёл. И что ты знаешь больше, чем говоришь. Поэтому я тебя предупреждаю, Билли: если вздумаеть что-то делать, делай это законно. Потому что на многое я могу закрыть глаза. Но не на труп мирного жителя.

Билли поднялся, надел шляпу и направился к двери. У самого порога он обернулся.

— Завтра, Уилл, я принесу тебе его вещи. Чтобы ты успокоился.

Он вышел под полуденное солнце. Гром приветственно фыркнул. Билли отвязал коня, но в седло не полез. Вместо этого окинул взглядом улицу. Диллоны уже скрылись в салуне. В лавке старика Маккензи кто-то задернул штору. Всё было как всегда — и всё уже стало другим.

Он сунул руку в седельную сумку и нащупал дневник. Кожа обожгла пальцы.

«Они не оставляют следов» — вспомнил он слова Джейка.

Билли поднял голову к небу. Там, за тонкой пылью, что-то блеснуло. Он проморгался — просто игра света, наверное. Стервятник. Марево.

Но в груди шевельнулся холодок. Не страх — он давно забыл, что это такое. Предчувствие.

Будто кто-то смотрел на него из той далёкой точки, где небо сходится с прерией, и уже знал: Билли из Техаса сделает следующий шаг. И этот кто-то ждал.

Глава 3. Дом, где не ждут

Дом Билли стоял на отшибе, в миле от Техаса, у подножия плоскогорья, где прерия начала ломаться и уходить вверх каменистыми уступами. Три комнаты, покосившееся крыльцо и старый колодец, который уже два года не давал воды. Когда-то здесь жили они с Джейком — вдвоём, как два волка в одной норе. Теперь нора казалась пустой и чужой. Билли спешился у конюязи, бросил поводья на столб и замер.

Ворота в загон для скота были приоткрыты — он точно запирали их утром. Дверь в дом тоже оказалась неплотно закрыта, хотя Билли всегда проверял засов, даже если уходил всего на час.

Он вытащил кольт из кобуры и шагнул на крыльцо. Доски скрипнули под его весом, и в ответ — тишина. Не та, что бывает в пустом доме, а натянутая, как струна. Будто кто-то затаился и боялся дышать. Билли толкнул дверь ногой, и она с противным скрипом распахнулась.

Комната напоминала поле боя. Стол перевёрнут, стулья разбросаны, подушки на кровати вспороты — перо валялось по всему полу, липло к сапогам. Ящики комода выдвинуты, их содержимое — рубахи, старые карты, потрёпанная Библия матери — валялось в беспорядке.

Кто-то искал что-то. Искал тщательно, яростно, не считаясь с последствиями.

Билли медленно обвёл взглядом стены. На крюке, где висел его старый карабин, пусто. На камине — разбитая фарфоровая кружка, единственная вещь, оставшаяся от матери. Осколки поблёскивали на полу в лучах закатного солнца, пробивавшихся через пыльное окно.

Он присел на корточки, осматривая пол. Следы. Много следов. Нечёткие отпечатки пыльных сапог — обычные, грубые, сорок третьего размера. Но были и другие. Тонкие, почти незаметные вмятины, словно кто-то ходил босиком. Или в чём-то, что не оставляет чёткого следа. Они тянулись от двери к тому месту, где обычно лежал дневник Джейка — на нижней полке у кровати. Дневника уже не было, но под кроватью Билли заметил маленькую деревянную шкапу, которой прежде не видел.

Он пододвинул её носком сапога, присел и открыл крышку. Внутри лежал сложенный вчетверо лист бумаги, пожелтевший от времени. Билли развернул его. Грубо набросанная карта. Каньон Чёрной Змеи, отмеченный крестом. И надпись внизу — незнакомым, ровным почерком, который явно принадлежал не брату:

«Ты пришёл позже, чем мы ожидали. Это вещь не твоя, Билли. Она всегда была нашей. Отдай дневник, и ты останешься жив. Мы оставляем тебе эту карту, чтобы ты понял: мы знаем, где ты. И где ты будешь завтра.»

Билли перевернул лист. На обороте, тем же почерком, была только одна фраза:

«Уходи из Техаса. Через три дня здесь будет нечего спасать.»

Он сжал бумагу в кулаке, чувствуя, как старая, запёкшаяся злость поднимается в груди. Не страх. Злость. Наглость этих тварей — вломиться в его дом, перерыть его вещи, угрожать ему лично. Они обращались к нему на «ты», будто знали его с пелёнок. Будто имели на это право.

Он подошёл к окну, выглянул наружу. Прерия пустовала. Только ветер гнал перекати-поле по дороге, только где-то далеко заржала чужая лошадь. И всё. Ни теней, ни всадников. Но ощущение чужого взгляда не проходило. Оно висело в воздухе, как запах озона перед грозой.

Билли вышел на крыльцо, сел на ступеньки и уставился на закат. Рука машинально нащупала в кармане дневник — с самого каньона он не выпускал его из рук. Значит, обыскивавшие не нашли то, что искали. Но теперь они знали, что дневник у него. И они придут снова.

— Джейк, — прошептал он, глядя на краснеющее небо, — за что ты меня втянул? Что ты там нашёл такого, что они готовы сжечь весь город?

В ответ были только стрекот цикад и далёкий тоскливый вой койота. Но Билли показалось, что среди этих звуков он расслышал ещё один: тихий, ровный, почти ласковый голос, доносящийся с той стороны дома, где не было ни окон, ни дверей.

«Отдай дневник, Билли. Тебе он не нужен. Ты не понимаешь, что хранишь.»

Билли резко обернулся. Никого. Только тень от старого дуба вытянулась до самого крыльца, принимая странные, неестественные очертания. Или ему просто показалось?

Он тряхнул головой, встал и решительно направился в дом, чтобы собрать самое необходимое.

Ночь он проведёт не здесь. Переночует в амбаре у дальнего поля, где его не найдёт никто. А завтра — амбар на севере. Карта. И ответы.

Он не собирался уходить из Техаса. Он не умел уступать.

Но он понял одно: враг уже здесь. И это не просто грабитель. Это тот, кто говорит голосом, которого не слышно, оставляет следы, которых не должно быть. И он знает имя Билли.

Обращается к нему на «ты», как к старому знакомому. И это бесило больше всего.

Билли стиснул револьвер и прошептал в темноту:

— Посмотрим, кто из нас завтра будет просить пощады.

Глава 4. Женщина у пересохшего ручья

Ночь навалилась на прерию, как чёрное одеяло. Луна скрылась за тучами, и только звёзды — колючие, холодные — едва освещали дорогу. Билли ехал уже второй час, не сбавляя хода. Гром храпел, но нёс ровно: старый конь чуял в хозяине ту самую злую решимость, когда лучше не перечить.

Билли хотел добраться до амбара до полуночи. Враги сказали «завтра» — значит, он должен успеть сегодня. Он сжимал поводья одной рукой, другой то и дело касался кобуры — кольт был заряжен, а холод металла успокаивал.

Когда Гром замедлил шаг у пересохшего русла, Билли уже собирался пришпорить его, но конь вдруг фыркнул и встал как вкопанный. Насторожил уши и замер.

Билли напрягся. Пальцы легли на рукоятку револьвера.

— Да что там ещё? — пробормотал он, вглядываясь в темноту.

И тут он услышал её.

Голос раздался справа, от старого искривлённого дуба, ствол которого много лет назад расколола молния:

— Ты всегда так громко едешь, Билли? Или только когда бежишь от того, чего не понимаешь?

Билли дернул поводья, развернул коня и вскинул револьвер. Дуло смотрело туда, откуда шёл голос. Сердце билось часто, но рука не дрожала.

— Выходи, — сказал он тихо, но жёстко. — Пока я не решил, что ты одна из них.

Из тени дуба шагнула фигура. Луна на миг выскользнула из-за туч, и Билли разглядел её.

Женщина. Невысокая, в тёмном плаще, с посохом в руке, на котором были вырезаны странные знаки — змеи, круги, ломанные линии. Лицо скрывал глубокий капюшон, но когда она подняла голову, Билли увидел глаза. Светлые, почти прозрачные, с желтоватым отливом, как у старой волчицы.

Она улыбнулась уголками губ.

— Убери пушку, ковбой. Если бы я хотела тебя убить, ты бы уже лежал в пыли, а твой конь жевал мою ладонь.

Билли не опустил револьвер. Но и не выстрелил. Что-то в её голосе — ровном, без дрожи — заставляло слушать.

Он медленно опустил руку с оружием и положил револьвер на колено.

— Кто ты?

— Меня зовут Оса, — сказала она. — Я живу на том берегу, где прерия встречается с пустыней.

Твой брат пришёл ко мне за три дня до того, как ты его нашёл.

Билли почувствовал, как холод пробежал по спине. Гром под ним беспокойно переступил ногами, но женщина подняла руку, и конь затих.

— Значит, ты знала, что он погибнет? — голос Билли дрогнул.

— Я знала, что он пойдёт туда, откуда не возвращаются, — ответила Оса, откинув капюшон. Её лицо оказалось молодым — лет тридцать, — но изрезанным морщинами, как старая карта. — Он нашёл то, что лежало в каньоне с тех времён, когда первые люди боялись огня. Это не золото, Билли. Это хуже.

— Дневник, — сказал он, доставая потёртую книжицу из-за пазухи. — Ты знаешь про него?

Она кивнула и шагнула ближе. Билли невольно отодвинулся, но она не протянула рук — только посмотрела на дневник, как на змею, готовую укусить.

— Он пришёл ко мне, трясясь, как осиновый лист. Сказал, что откопал ящик в каньоне. Внутри — не скелет, не клад, а эта тетрадь. И амулет. Тёмный камень в оправе из кости. Он не понял, что делает, когда открыл ящик. А когда прочитал первую страницу, они уже знали о нём.

— Кто — «они»? — Билли слез с коня, подошёл ближе. Он стоял в шаге от неё и чувствовал странный запах — не цветов и не пота, а чего-то древнего, как земля после дождя, смешанная с полынью.

Оса посмотрела ему прямо в глаза. Её зрачки на миг расширились, почти поглотив радужку.

— Их называют Тени, Билли. Они не люди, хотя когда-то были. Они живут в каньонах, в пещерах, в тех местах, куда не заглядывает солнце. И они охраняют то, что лежит в ящике. Или того, кто лежал в нём. Твой брат разбудил их.

Билли сжал дневник так, что побелели костяшки.

— Что мне делать?

— Я дала твоему брату оберег, — она вынула из-под плаща кожаный шнурок, на котором висел маленький серебряный кружок с тем же узором, что и на посохе. — Сказала: носи, не снимай.

Он посмеялся, сказал, что в Бога верит, а в побрякушки — нет. Он не надел его. И они нашли его в каньоне. Он упал не случайно, Билли. Они столкнули его, потому что он не отдал им дневник.

Она протянула ему шнурок. Билли взял его, чувствуя холод металла.

—Теперь это твоё — сказала она. — Надень, пока не поздно. Но запомни: амулет не спасёт тебя от них. Он только даст время. Они не могут коснуться того, кто носит этот знак. Но ждать умеют веками.

—А карта — сказал Билли, вспомнив о шкатулке. — В моём доме оставили карту. Они хотят, чтобы я пошёл в каньон.

Оса горько усмехнулась.

— Конечно, хотят. Ты думаешь, они просто так вломились в твой дом? Они оставили тебе карту, чтобы ты сам пришёл к ящику. И открыл его. Или принёс им дневник. Но, Билли, — она наклонилась вперёд, — если ты откроешь тот ящик или отдашь им эту тетрадь, всё, что ты знаешь, исчезнет. Техас исчезнет. Ты исчезнешь. Не так, как умирают. А так, будто тебя никогда и не было.

Она выпрямилась и указала посохом на север, где за грядой холмов уже угадывался тёмный силуэт заброшенного амбара.

— Там, под третьей доской, лежит карта Джейка. Не та, что оставили они. Другая. Она ведёт к месту, где можно уничтожить ящик навсегда. Твой брат не успел туда попасть, но успел спрятать путь. Иди, Билли. Но помни: когда войдёшь в амбар, они будут знать. И ждать тебя будут не там, а на выходе.

Она развернулась и направилась обратно к дубу, но Билли окликнул её:

— Почему ты помогаешь мне? Что тебе с этого?

Она обернулась, и лунный свет лег на её лицо, делая его почти прозрачным.

— Потому что я тоже когда-то была человеком — сказала она. — И тоже не послушала.

Поэтому я здесь, на границе, и охраняю переход. А теперь иди. Времени у тебя до рассвета, а потом они пойдут по следу.

Она шагнула за дуб и растворилась во тьме, словно её и не было. Только запах полыни и земли остался в ночном воздухе.

Билли постоял минуту, глядя на пустое место, потом на шнурок в руке. Надел его через голову, почувствовав, как амулет холодной монетой прижался к груди. Вдохнул, вскочил в седло и направил Грома к амбару.

Звёзды стали ярче, и ветер стих. Вокруг было тихо — слишком тихо. Даже цикады умолкли.

Они знали. Они уже знали, что Билли едет.

Но Билли ехал. Потому что он умел только одно — идти вперёд.

Глава 5. Амбар

Амбар стоял на краю низины, как сломанный зуб: старый, серый, с провалившейся крышей и выбитой дверью, которая ходила ходуном при каждом порыве ветра. Рядом не было ни деревца, ни воды. Только сухая, выжженная земля, поросшая жёсткой колючкой, и луна, наконец вырвавшаяся из туч, заливала всё бледным, мёртвым светом.

Билли остановил Грома за полсотни метров, спешился и прислушался.

Тишина.

Идеальная, противоестественная тишина — даже ветер, кажется, затаил дыхание. Он расстегнул верхнюю пуговицу рубахи, проверил: амулет висел на груди, серебряный кружок холодил кожу.

— Жди здесь, — шепнул он коню, привязал его к сухому кусту и пошёл к амбару, вытащив револьвер.

Дверь заскрипела, когда он толкнул её. Внутри пахло прелым сеном, плесенью и старым деревом. Лунный свет пробивался сквозь дыры в крыше, рисуя на полу полосы и пятна. Билли огляделся: в углу — ржавый плуг, куча гнилых мешков, старый скелет повозки. В центре — гнилой деревянный пол.

Он вспомнил запись Джейка: «под третьей доской слева».

Билли подошёл к левой стене, отсчитал три доски. На третьей — едва заметная царапина, как будто кто-то торопливо черкнул ножом. Он присел, сунул пальцы в щель, поддел. Доска подалась со скрипом, и Билли вытащил её.

Под ней — углубление. Внутри лежала жестяная коробка из-под табака, уже покрытая ржавчиной. Он открыл её. Там был сложенный, истлевший по краям лист бумаги и маленький серебряный ключ — старый, с замысловатой головкой, напоминавшей прищуренный глаз.

Билли развернул бумагу. На ней оказалась карта — тонкая, вычерченная тушью, почти ювелирно. Не похожая на почерк Джейка. Скорее, на старую карту, перерисованную рукой привыкшей к чернилам. В центре — значок, похожий на глаз, с той же насмешкой, что и на ключе. Внизу надпись:

«Вход закрывается на ключ. Только тот, кто носит знак, может войти.»

Билли нахмурился. Знак? Амулет? Он потрогал шнурок на шее. Похоже, Оса знала больше, чем сказала.

Он сунул карту и ключ в карман, проверил дневник — на месте. Пора было уходить. Он встал и направился к выходу, ступая бесшумно, как умеют только те, кто привык к ночным прериям.

У самого порога он замер.

Тени стояли в дверном проёме.

Их было трое. Или не трое — их трудно было сосчитать, потому что они не имели чётких контуров. Они колыхались, словно столбы дыма, но в то же время выглядели плотными, почти твёрдыми. Их головы были чуть вытянуты, а там, где у человека должны быть глаза, горели две тусклые угольные точки.

— Мы ждали тебя, Билли — голоса звучали не снаружи, а прямо у него в голове, скрежеща, как нож по стеклу. — Ты пришёл.

Билли вскинул револьвер. Рука не дрогнула.

— Вали с дороги — сказал он спокойно. — Или я пройду сквозь вас.

— Ты не можешь убить нас. Мы уже умерли. — Одна из фигур шагнула вперёд, и лунный свет прошёл сквозь неё, почти не изменившись. — Отдай дневник. И карту. И ключ. Всё, что забрал брат. И мы отпустим тебя. Мы не хотим тебя.

Билли усмехнулся, хотя внутри у него всё похолодело.

— А если не отдам?

— Тогда мы возьмём. И ты умрёшь здесь, как и твой брат. Только он упал красиво — с обрыва.

А ты просто исчезнешь. Тихо. Без следа. Как будто тебя никогда не было.

Тени двинулись вперёд, и Билли отступил на шаг в глубь амбара, лихорадочно думая. Пульс стучал в висках, но руки оставались спокойны. Он выстрелил — пуля прошла сквозь ближайшую фигуру и ударила в стену, выбив щепки. Никакого эффекта. Тени даже не шелохнулись.

— Я же сказал, — скрежет в голове усилился, превратившись в шёпот тысяч голосов, — нас не убить. Нас нельзя остановить. Только отдать.

Билли перекинул револьвер в левую руку, а правой нащупал амулет на груди. Серебряный диск нагрелся, стал почти горячим. Оса говорила: «Они не могут коснуться того, кто носит этот знак.»

Он сорвал амулет с шеи, размахнулся и швырнул его в центральную фигуру. Серебряный кружок блеснул, прочертил дугу и ударил тьму туда, где у человека была бы грудь.

Тень взвыла.

Звук был ужасным — нечеловеческим, скрежещущим, смесью плача и звериного воя. Фигура дёрнулась, на её месте вспыхнула белая искра, и она исчезла, растворилась в воздухе. Но двое других бросились на Билли одновременно.

Он не успел увернуться. Одна Тень схватила его за плечо — и пальцы, холодные как лёд, вонзились в мышцы, вырывая крик из горла. Колыт выпал. Билли рванулся, ударил второй рукой туда, где должна была быть голова, — кулак прошёл сквозь пустоту. Удар не достиг цели.

Он рухнул на колени, чувствуя, как холод расплзается от плеча по груди, парализует мышцы.

Вторая Тень нависла над ним, и Билли увидел, как в её «лице» открылась чёрная дыра — рот, жадно втягивающий его дыхание.

— Ты умрёшь, Билли, — прошелестело у него в голове. — Твой брат умер. Ты умрёшь. И Техас умрёт. Всё станет прахом.

Билли стиснул зубы, рванул плечом, пытаясь освободиться. И тут вспомнил о дневнике — он был у него за пазухой, в левом кармане рубахи. Тяжёлая книга, почти как камень. Наугад он выхватил её и швырнул в лицо Тени, державшей его.

Дневник Джейка, пропитанный запахом земли и смерти, ударил тьму. На миг вокруг него разлился слабый золотистый свет, и Тень взвыла, отшатнулась, выпуская плечо Билли. Она забилась, как раненая змея. Билли откатился в сторону и вскочил на ноги.

Теперь они стояли друг против друга: Билли — тяжело дыша, с разорванной рубашкой и кровью, капающей с плеча, и две фигуры, колеблющиеся, неуверенные. Они не подходили к дневнику, лежавшему на полу и испускавшему тусклое свечение.

— Ты... — прошипела та, что была дальше. — Ты не знаешь, что сделал. Ты открыл вход. Теперь они придут. Он придёт.

Билли не понял, о чём она, но медлить не стал. Он прыгнул вперёд, схватил дневник, прижал к груди и рванул к выходу. Тени не бросились за ним — только завывали в голос, но звук быстро стих, будто ветер унёс его в пустоту.

Билли вылетел из амбара, споткнулся, упал на колени в сухую траву и замер, прислушиваясь.

Тишина.

Он обернулся на амбар — и в ту же секунду понял: тишина была ловушкой.

Изнутри не доносилось ни шороха, ни стопа, ни шагов. Но сама темнота у дверного проёма будто сгущалась, собираясь в комок. Воздух вокруг амбара стал холоднее, чем был минуту назад. Гром, привязанный у куста, нервно ударил копытом и захрапел.

Билли поднялся на одно колено, потом на ноги. Дневник прижимал к груди, как раненого ребёнка. Пальцы на левой руке онемели, плечо пекло чужим холодом. Он быстро огляделся: поле пустое, луна висела низко, и всё вокруг казалось вырезанным из старой, выцветшей фотографии.

И тут за его спиной раздался голос.

— Ты думал, всё так просто, Билли?

Он резко развернулся, вскинув револьвер, но никого не увидел. Только у коновязи, в тени сухого куста, стояла фигура. Высокая, неподвижная, слишком тонкая, чтобы быть человеком.

Не Тень — что-то иное. Чуть более плотное. Чуть более живое.

Фигура медленно наклонила голову.

— Ты забрал то, что не должен был трогать.

Билли прицелился.

— Подойди ближе, и я сделаю в тебе лишнюю дыру — сказал он.

Фигура не ответила сразу. Потом сделала шаг — и луна на миг осветила лицо.

Это был парень. Молодой, худой, в потёртой шляпе и длинном пыльном пальто. Лицо бледное, с впалыми щеками и тёмными глазами, в которых не было зрачков. Билли узнал его не сразу — слишком уж тот изменился. Но потом сердце у него сжалось.

— Джейк?..

Парень улыбнулся, и улыбка вышла кривой, не своей.

— Почти, — сказал он. — Я — то, что от него осталось. И ты только что снял крышку.

Билли застыл.

— Что значит — снял крышку?

— Амулет, ключ, карта. Ты сложил всё вместе, как и хотели. Они ждали, что ты доберёшься сюда. Амбар — не просто тайник. Это узел. Место, где тонкая стена между этим миром и тем, другим, становится тоньше всего. Твой брат спрятал карту не для того, чтобы ты нашёл ящик.

Он спрятал её, чтобы ты не нашёл вход слишком рано.

Билли не опустил револьвер.

— Тогда почему ты здесь?

Парень медленно провёл рукой по лицу, будто стирая его, и в том жесте было что-то болезненно знакомое.

— Потому что они меня держат. Не целиком. Но достаточно, чтобы говорить. Слушай внимательно, Билли. Ящик в каньоне не единственный. Их несколько. И тот, что внизу, не заперт. Он ждёт ключа. Если ты пойдёшь к нему сейчас, откроешь. И тогда придёт Хозяин.

— Хозяин чего?

— Всего этого, — прошептал Джейк и кивнул в сторону амбара, будто за стенами лежала не прерия, а пропасть. — Теней. Каньона. Той штуки, что жрёт имена. Он не человек. Он никогда им не был. Но он может говорить голосом знакомого человека. Может носить лицо мёртвого.

Может сделать так, что ты забудешь, кого любил.

Билли почувствовал, как по спине пробежал холод. Он хотел спросить ещё что-то, но Джейк поднял руку.

— Не верь всему, что увидишь там, внизу. И если услышишь мой голос — не отвечай сразу.

— Почему я должен тебе верить? — жёстко спросил Билли.

Джейк посмотрел на него так, как смотрел при жизни — устало, почти с досадой, но по-доброму.

— Потому что я — твой брат. Даже если это уже не совсем я.

В это мгновение амбар изнутри глухо ударил, будто кто-то бросился в дверь плечом. Доски затрещали. Зазвенела ржавая петля. Гром заржал и дёрнулся назад, натянув повод.

Джейк обернулся на звук и побледнел ещё сильнее.

— Они поняли, что я здесь. Уходи, Билли. Сейчас. Возьми карту, ключ и дневник. И не возвращайся сюда один.

— Куда идти? — спросил Билли. — Что делать?

Джейк поднял дрожащую руку и указал на север, туда, где над землёй висела чёрная полоска каньона.

— Вход есть только один. Но к нему можно подойти не с земли. Найди старую тропу у северной стены. Там будет знак — три царапины на камне. Дальше увидишь сам.

Он сделал ещё шаг назад, и его очертания начали расплываться, как дым.

— Джейк! — рявкнул Билли. — Что ты не сказал мне?

Парень остановился. На секунду его лицо стало совсем настоящим — усталым, виноватым, почти живым.

— Что бы ты ни выбрал — сказал он тихо, — тебе всё равно придётся потерять что-то своё.

И исчез.

Амбар снова глухо ударил изнутри. На этот раз двери распахнулись, выплеснув в ночь холод и шорох множества голосов. Билли не стал ждать. Он вскочил в седло, рванул поводья, и Гром сорвался с места, будто сам почуял: за ними идёт нечто куда хуже людей.

За спиной поднялся вой — низкий, рваный, нечеловеческий.

Билли обернулся лишь на миг. У дверей амбара уже никого не было. Но из темноты, что ползла следом, тянулись длинные тени — и среди них на секунду мелькнуло знакомое лицо, похожее на Джейка.

Он стиснул зубы и погнал Грома к северу.

Потому что теперь он знал: амбар был только началом. А в каньоне его ждало нечто, что умеет говорить голосами мёртвых.

Глава 6. Свет в окне шерифа

Техас встретил Билли тишиной.

Было далеко за полночь, и даже салун «Красный петух» погасил огни — только одинокий фонарь болтался над крыльцом, бросая жёлтое пятно на пыльную мостовую. Город спал, не зная, что над ним уже нависла тьма, проснувшаяся в каньоне Чёрной Змеи.

Билли ехал с трудом, едва удерживаясь в седле. Плечо горело ледяным огнём, но это был странный огонь — не жаркий, а холодный, пробирающийся под кожу и немеющий в пальцах.

Он прижимал дневник к груди и чувствовал, как тусклое свечение, исходящее от страниц, ещё держит его на плаву.

Гром сам остановился у крыльца офиса шерифа. Старый конь знал дорогу лучше хозяйина.

Билли сполз с седла и на ватных ногах поднялся на крыльцо. Ударил кулаком в дверь раз, другой, третий. Внутри зашевелились, вспыхнула лампа.

— Какого чёрта? — раздался хриплый голос Харпера. — Билли? Ты что, с ума сошёл? Ночь на дворе...

Дверь распахнулась. Шериф стоял в нижней рубашке, с растрёпанными волосами, с револьвером в руке. Он хотел что-то сказать, но увидел лицо Билли — бледное, в пыли и крови, — и осёкся.

— Господи, Билли... — выдохнул он. — Заходи. Быстро.

Он схватил Билли за здоровую руку и втащил внутрь, оглянулся на пустую улицу и захлопнул дверь на засов. Билли прислонился к стене и сполз по ней на пол, чувствуя, как комната начинает вращаться.

Харпер зажёл вторую лампу, присел перед ним на корточки и осмотрел плечо. Рубашка была разорвана, и под ней чернели пять глубоких вмятин — следы пальцев Тени. Кожа вокруг побледнела, почти посинела, а из ран не текла кровь — вместо неё сочилась тёмная, маслянистая жидкость, пахнувшая сырой землёй.

— Что это, Билли? — спросил шериф, и голос его дрогнул. — Что случилось с твоим плечом?

Это похоже... на ожог. Или на обморожение.

Билли открыл глаза. В его взгляде было то, чего Харпер не видел никогда — страх. Не паника, а холодный, осознанный ужас.

— Уилл, — сказал Билли хрипло, — я сейчас расскажу тебе такое, во что ты не поверишь. Но ты должен поверить. Времени мало.

Он закашлялся, прижимая дневник к груди.

— Плечо? Это Тени. Те, что у Джейка. Они схватили меня. Я сбежал. Но они сказали... они придут. Все придут. Сюда.

Харпер поднялся, прошёл к столу, налил стакан виски и протянул его Билли. Тот сделал глоток

— обжигающее тепло разлилось по горлу и немного отогнало оцепенение.

— Говори, — сказал Харпер садясь напротив. — С самого начала. И не ври, как в прошлый раз.

Билли говорил. Рассказал, как нашёл Джейка в каньоне, как похоронил его, как нашёл дневник.

Как вернулся в дом и увидел разгром. Рассказал про Осу — женщину у пересохшего ручья, про амулет, амбар, карту и ключ. И про Тени — как они стояли в дверях, как скрежетали голосами у него в голове, как одна из них схватила его и как дневник спас ему жизнь, заставив Теней отступить.

Харпер слушал молча. Не перебивал, не задавал вопросов. Только смотрел, как Билли выкладывает на стол карту, ключ и дневник, всё ещё тускло мерцающий в жёлтом свете лампы.

— Я должен был поверить, когда Джейк приходил ко мне, — тихо сказал Харпер. В голосе его впервые прорезалась горечь. — Он был сам не свой за день до исчезновения. Приходил, стоял, переминался с ноги на ногу. Сказал, что в каньоне есть нечто, чему там не место. Что он нашёл ящик. Спрашивал, не знаю ли я про чёрный камень и глаз. Я тогда посмеялся, сказал: «Джейк, ты пил что-то крепче виски?» Он ушёл. А наутро его не стало. Я не поверил. А надо было, Билли. Надо было.

— Теперь веришь? — спросил Билли, глядя на него.

Харпер взял дневник, открыл первую страницу. Джейковы каракули прыгали перед глазами, но он всё же прочёл вслух, сбиваясь и хмурясь:

«Они идут за мной, Билли. Я думал, это просто бандиты, но они не люди. По крайней мере, не совсем. У них глаза как у сов, и они не оставляют следов...»

Шериф закрыл книгу и посмотрел на карту. Глаз, прищуренный в усмешке, смотрел с пожелтевшей бумаги.

— Верю, — сказал он коротко. — Потому что последние две недели в округе пропадают люди.

Трое. И скот находят обескровленным — не как после нападения зверя. Шеи сломаны, а крови нет. Я думал, это какой-то новый хищник. А это... — он кивнул на плечо Билли, — это не зверь.

— У нас мало времени, Уилл. Они сказали, что придут через три дня. И если не остановить то, что в каньоне, Техас не выживет. Я должен идти туда. Сейчас. Пока они не очнулись.

Харпер поднялся, подошёл к стене, снял с крюка винчестер и дробовик. Один бросил Билли, и тот поймал его здоровой рукой.

— Сейчас, Билли, ты никуда не пойдёшь. Ты еле стоишь на ногах. Рана... — он посмотрел на плечо, которое уже темнело выше, подступая к шее. — Рана дышит холодом. Ты сам не дойдёшь до каньона. Сдохнешь по дороге.

Билли хотел возразить, но Харпер поднял ладонь.

— Я не говорю, что мы не пойдём. Я говорю — надо подготовиться. И не одному. У меня есть люди, которые поверят мне. Я разбужу их через час. Соберём отряд. А ты ляжешь на кушетку, я перевяжу твоё плечо хоть чем-то... Не знаю, чем, но хотя бы остановлю это. И когда рассветёт, мы поедем вместе, Билли. Если ты, конечно, доживёшь до утра.

Билли хотел что-то сказать, но вдруг почувствовал, как стены качнулись. Холод поднялся по шее, забрался в голову. Он уронил дробовик и схватился за стол, но ноги подкосились.

— Чёрт, — прошептал он, падая на колени. — Уилл... они идут. Я чувствую. Они уже близко...

И вдруг снаружи, со стороны пустой улицы, раздался звук. Протяжный, тоскливый вой.

Похожий на волчий, но слишком низкий, слишком глубокий, будто шёл из-под земли. Он прокатился по городу, заставив стёкла дрожать в рамах.

Харпер вздрогнул, вскинул винчестер и подошёл к окну, осторожно отодвинув занавеску. На улице было пусто. Только ветер гнал сухие листья по пыльной мостовой.

Но где-то там, на окраине, мелькнула тень — слишком высокая для человека, слишком тонкая для дерева. Она исчезла за крышей салуна, и вой стих.

Харпер повернулся к Билли. Тот лежал на полу, прижимая дневник к груди, и сквозь зубы шептал:

— Они уже здесь, Уилл. Они не ждали завтра. Они пришли сегодня.

Глава 7. Один против ночи

Вой затих, но тишина, что пришла следом, была хуже любого звука. Она давила на уши, заставляла прислушиваться к каждому шороху — а шорохов не было. Даже ветер замер, будто боялся привлечь внимание того, что бродило на окраине.

Билли сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Плечо горело ледяным огнём, но он тзаставил себя подняться. Шериф стоял у окна, сжимая винчестер, и смотрел в темноту.

— Уилл, — голос Билли был тихим, но твёрдым. — Слушай меня. Они пришли за мной. За дневником и за картой. Если я останусь, они нападут на город. Они не будут ждать рассвета. Не будут ждать твой отряд. Они придут и заберут всех.

Харпер обернулся, и в его глазах Билли увидел понимание — тяжёлое, горькое, как у человека, который знает: это правда.

— Ты хочешь сказать, что уйдёшь? Один? С раной, из которой течёт чёрт знает, что, с рукой, которая почти не работает?

— Хочу, — сказал Билли. — И уйду. Если я двинусь к каньону, они пойдут за мной. Они хотят, чтобы я пришёл к ящику. Чтобы открыл его. Или чтобы принёс им дневник. Я дам им повод идти за мной. А ты прикроешь меня отсюда. Поднимешь людей, устроишь шум, стрельбу.

Отвлечёшь их. Дай мне пару часов.

Харпер молчал. Смотрел на Билли, на его бледное лицо, на разорванную рубаху, на чёрные следы пальцев на плече. Потом перевёл взгляд на стол, где лежали дневник, карта и ключ.

— Я пойду с тобой — сказал он.

— Нет. — Билли покачал головой. — Если уйдём оба, город останется без защиты. Тени разорвут его в клочья. Ты нужен здесь. А там, в каньоне... — он усмехнулся, и в усмешке мелькнула старая, злая решимость, — там я должен быть один. Это моё дело. И Джейка.

Харпер шагнул к нему, схватил за здоровое плечо, заглянул в глаза.

— Ты не дойдёшь, Билли. Ты рухнешь через милю.

— Дойду. Я всегда доходил, — ответил Билли и мягко освободился. — Я возьму Грома. Он довезёт. А ты приготовь дробовики и скажи людям, что приближается неведомая хрень. Они поверят тебе, если увидят твою морду в этой лампе. Скажи, что на город напали бандиты. Что угодно, лишь бы они не спали и держали оружие наготове.

Он подошёл к столу, взял карту, ключ и дневник. Потом замер, подумал и, достав нож, вырезал из дневника последнюю страницу, где Джейк писал про каньон. Половину оставил себе, половину положил обратно на стол.

— На, — сказал он Харперу. — Если я не вернусь, найди Осу. Женщина у пересохшего ручья.

Она знает, что делать. И... прости, Уилл. За то, что втравил тебя в это.

— Ты не втравливал, — хрипло сказал Харпер. — Ты мой друг. И Джейк был моим другом. Я должен был верить ему тогда. Теперь я верю тебе.

Он протянул Билли дробовик, патронташ и флягу с водой.

— Иди. Я задержу их, сколько смогу. Но, Билли... — он помолчал. — Если не вернёшься, я лично найду твою душу и всыплю ей за то, что ты такой упрямый.

Билли усмехнулся, надел шляпу, сунул дневник и карту за пазуху.

— Договорились.

Он вышел на крыльцо. Ночь была тёмной, но звёзды уже начали меркнуть — на востоке занималась бледная полоса рассвета. Гром стоял у коновязи, настороженно прятал ушами, но, увидев хозяина, заржал и потянулся мордой к его груди.

— Тихо, старый, — прошептал Билли, погладив коня. — Ещё одна поездка. Самая главная.

Он вскочил в седло, взял поводья здоровой рукой. Левая беспомощно висела вдоль тела. Обернулся. Шериф стоял на крыльце, сжимая винчестер, и смотрел ему вслед.

— Стреляй, когда увидишь их, — крикнул Билли. — Громко. Чтобы они поняли, что здесь их не ждут.

— Не учи меня, шенок! — крикнул в ответ Харпер, но в голосе его слышалась улыбка.

Билли дёрнул поводья, и Гром сорвался с места в галоп.

Они промчались по главной улице Техаса — мимо тёмных домов, мимо салуна, мимо церкви, где на колокольне тихо покачивался колокол. Город спал. Спал и не знал, что его защитник покидает его, чтобы увести тьму за собой.

За окраиной Билли обернулся. У офиса шерифа зажглись огни — в окнах вспыхнули несколько ламп. Харпер поднимал людей. Потом раздался выстрел — один, второй. Шериф начал отвлекающий бой.

И вдруг из темноты, со стороны амбара, донеслось сначала шипение, потом гул, а потом — вой.

Тот самый, ледяной, пронизывающий до костей. Но теперь он был ближе. И двигался не к городу — за Билли.

Они шли за ним. Он уводил их прочь от Техаса.

Билли прижал дневник к груди и шепнул Грому:

— Держись, старый. Нам надо дотянуть до каньона.

И конь, словно поняв, рванул вперёд, в темноту прерий, где на горизонте уже угадывался силуэт Каньона Чёрной Змеи. А за спиной, нарастая, раздавался мягкий, беззвучный топот множества ног, которые не оставляли следов.

Они шли за ним.

И он знал: если доберётся до входа, у него будет один шанс — закрыть его навсегда или открыть и встретиться с тем, кто ждал внизу.

Выстрелы затихали вдали. Остались только звёзды, ветер и бесконечная прерия, где один человек на лошади мчался навстречу своей судьбе.

И в груди у Билли билась одна мысль:

«Я приду, Джейк. Я закончу то, что ты начал. Обещаю.»

Глава 8. Вход в Чёрную Змею

Каньон Чёрной Змеи встретил Билли тишиной.

Она была другой — не той, что в прерии, не той, что в городе. Эта тишина была живой, тягучей, как густая смола. Она обволакивала, заставляла каждый шаг отдаваться в голове глухим эхом.

Билли спешил к самому краю обрыва. Гром тяжело дышал, бока ходили ходуном — старый конь выложился до последнего. Билли погладил его по шее, достал флягу, плеснул воды в ладонь и поднёс к морде коня.

— Отдохни, — хрипло сказал он. — Дальше я сам.

Он оглянулся. Теней не было видно, но он знал: они близко. Чувствовал холод за спиной. Они не нападали, пока он ехал, только шли следом, выжидая, когда он доберётся до цели. Они знали, куда он направляется.

Билли подошёл к обрыву. Внизу, в чёрной глубине каньона, змеилась тонкая нить пересохшей реки. Солнце уже поднялось над горизонтом, но сюда свет почти не проникал — стены каньона нависали, создавая вечные сумерки.

Он развернул карту. Глаз, прищуренный в усмешке, смотрел на него с пожелтевшей бумаги.

Метка указывала не на дно каньона, а в середину его левой стены, туда, где красовался странный узор — три вертикальные трещины, сходящиеся в одной точке.

Билли подошёл к стене. Потрогал её рукой — камень был тёплым, несмотря на тень. Три трещины сходились в центре, образуя нечто похожее на глаз. Он провёл пальцами по камню и вдруг почувствовал, как амулет на шее нагрелся, а ключ в кармане завибрировал.

— Вход закрывается на ключ. Только тот, кто носит знак, может войти, — прочитал он надпись на карте.

Билли достал серебряный ключ с головкой в виде прищуренного глаза. Поднёс его к центру узора. Ключ сам потянулся к камню, как иголка к магниту. Билли вставил его в узкую щель, которая до этого казалась обычной трещиной. Ключ вошёл идеально, словно был вырезан под эту скалу тысячу лет назад.

Он повернул.

Камень вздохнул — низко, протяжно, почти как живое существо. Стена дрогнула, и в центре глазного узора начала расходиться расщелина, расширяясь сантиметр за сантиметром. Она вела вглубь скалы — тёмный, узкий проход, откуда тянуло холодом и запахом древней, спёртой земли.

Билли вытащил ключ, убрал его в карман. В руках у него остались только дневник, дробовик и кольт. Он шагнул внутрь.

Темнота обступила его сразу. Темнота, как в могиле. Билли достал спичку, зажгёт её — слабый огонёк осветил коридор, вырубленный в скале. Стены были гладкими, словно их шлифовали веками. Пол — ровным и сухим. Он пошёл вперёд, сжимая в одной руке дневник, в другой — револьвер.

Коридор петлял, уходя всё глубже в камень. Билли чувствовал, как меняется воздух — становится плотнее, тяжелее. Он шёл уже минут десять, когда впереди показался свет. Слабый, тусклый, не похожий на солнечный — скорее на свечение гнилушек, холодное и болезненное.

Он вышел в пещеру.

Пещера оказалась огромной — своды терялись в темноте, а посередине, на каменном постаменте, стоял ящик.

Чёрный. Гладкий. Без единой трещины. Он был сделан из камня, который не блестел, а поглощал свет, делая пространство вокруг ещё темнее. Он выглядел так, будто его вырезали из самой тьмы.

Билли шагнул ближе, и из темноты раздался голос:

— Ты пришёл, Билли?

Голос был спокойным, тёплым. Похожим на голос его брата. Билли замер, почувствовав, как по спине пробежали мурашки.

Из тени выступила фигура. Он узнал её мгновенно — ковбойская шляпа, та же походка, тот же разрез глаз. Джейк.

Только Джейк был мёртв. Он сам похоронил его два дня назад.

— Джейк... — прошептал Билли, сжимая револьвер.

— Не стреляй — сказал Джейк. — Я не то, что ты думаешь. Я не призрак. Я — его часть. Часть того, что лежит в ящике. И я знаю, что ты должен сделать выбор.

Билли не опустил оружие. Он смотрел на брата — на бледное лицо, на глаза, в которых больше не было прежней искры. Они были пустыми, как небо без звёзд.

— Какой выбор? — спросил он.

— Ты видишь ящик, — Джейк шагнул в сторону, открывая обзор. — Внутри — нечто, что нельзя уничтожить. Его можно только закрыть. Навсегда. Карта, что ты нашёл, показывает путь к месту, где его можно запечатать. Но для этого нужно отдать ящику то, что он просит.

— Что он просит? — голос Билли дрогнул. Джейк посмотрел на дневник в его руках.

— Дневник, — сказал он. — Но не просто книгу. Каждая страница в нём — это частица жизни твоего брата. Когда он писал эти строки, он вкладывал в них свою душу. Отдай дневник ящику — и он примет плату. Вход закроется. Тени исчезнут. Но ты потеряешь всё, что осталось от Джейка. Память о нём исчезнет. Ты забудешь его.

Билли сжал дневник так, что побелели костяшки. Дневник вспыхнул слабым, тёплым золотым светом, защищая его от холода, идущего от ящика.

— А если не отдам? — спросил он.

— Если не отдашь — сказал Джейк, и голос его изменился, стал глубже, будто говорил не один человек, а множество разом, — ящик откроется сам. И тогда выйдет то, что внутри. Оно уничтожит всё. Техас. Прерии. Всех, кого ты знаешь. Тени — лишь слуги. Они пришли, чтобы подготовить путь. Он... тот, кого они ждут.

Билли молчал.

Он смотрел на дневник, где корявым почерком брата были написаны последние слова.

Вспомнил Джейка — смеющегося, упрямого, вечно влезающего в неприятности. Вспомнил, как они сидели у костра, как Джейк учил его стрелять из лука, как он боялся темноты в детстве. Всё это было здесь, в этих страницах. И если он отдаст дневник, он потеряет брата навсегда — даже память о нём исчезнет.

Но если не отдаст — умрут все.

Он перевёл взгляд на ящик.

Чёрный камень смотрел на него, как зрачок бездны, и ждал. Тени уже начинали проявляться у входа в пещеру — стояли молча, наблюдая, как человек принимает решение.

Билли подошёл к постаменту. Дневник дрожал в его руках, излучая тепло. Он поднял его, зажмурился, потом открыл глаза и положил книгу на поверхность чёрного ящика.

Книга вспыхнула белым светом — ослепительным, чистым. Ящик задрожал, загудел, и свет начал втягиваться в него, засасывая, забирая страницы одну за другой. Билли смотрел, как слова Джейка исчезают, как стираются его воспоминания о брате, как уходит тепло из груди, оставляя только холодную пустоту.

Когда свет погас, ящик стал гладким, чёрным, мёртвым. Он больше не излучал угрозы. Он закрылся.

Тени у входа взвыли — пронзительно, тоскливо — и начали таять, как дым под ветром. Они исчезали, оставляя только запах полыни и земли.

Билли стоял на коленях перед постаментом. Он не помнил, кто такой Джейк. Он знал, что у него был брат, но лицо его расплывалось, имя ускользало, как песок сквозь пальцы. Только пустота — и лёгкая, сосущая боль в груди.

— Ты сделал правильный выбор — сказал голос Осы.

Он обернулся. Она стояла в проходе, держа посох, и смотрела на него с печальной улыбкой.

— Ты забыл его — сказала она. — Но это цена, которую приходится платить, чтобы спасти других.

Билли поднялся. Плечо всё ещё болело, но холод отступал, рана начинала затягиваться. В голове появилась странная лёгкость, как после долгой болезни.

— Кто он был? — спросил он хрипло.

— Твой брат, — ответила Оса. — Он был твоим братом. И он любил тебя. Ты сделал так, чтобы его смерть не была напрасной.

Билли кивнул, не чувствуя ни боли, ни радости. Он посмотрел на ящик, стоявший неподвижно, закрытый навсегда.

— Пойдём, — Билли кивнул, не чувствуя ни боли, ни радости. Он посмотрел на ящик, стоявший неподвижно, закрытый навсегда.

— Пойдём, — сказала Оса тихо. — Здесь больше нечего делать.

Она сделала шаг к нему, но Билли не двинулся с места. Его взгляд был прикован к чёрной поверхности ящика. Что-то в ней было не так. Не просто гладкость — а ощущение, будто камень смотрит в ответ.

— Ты уверена? — спросил он. Голос прозвучал хрипло и пусто. — Это всё?

Оса помолчала. В свете, исходявшем от угасающего дневника, её лицо казалось старше, чем было минуту назад.

— Нет, — сказала она. — Но это конец того, что могло выйти наружу сегодня.

— А что внутри?

Она не сразу ответила.

— То, что нельзя называть вслух без причины.

Билли медленно опустился на колено, провёл пальцами по холодному камню ящика. И вдруг в голове у него вспыхнула короткая, чужая мысль — не его собственная, как искра в сухой траве:

«Не открывай второй раз.»

Он резко отдернул руку.

— Ты это слышала? — спросил он.

Оса нахмурилась.

— Что?

— Голос.

Но она уже смотрела не на него, а на вход в пещеру.

Тени исчезли до конца.

Сначала Билли решил, что это лишь обман зрения: клочья дыма, что не успели развеяться. Но затем из темноты у входа отделилась фигура. Высокая, неподвижная, слишком ровная для человека. За ней — ещё одна. И ещё.

Оса тихо выдохнула.

— Нет...

— Это ещё не всё? — Билли поднялся, сжимая револьвер, хотя в груди у него уже поселилась мерзлая уверенность: стрелять будет бесполезно.

Фигуры двинулись вперёд. Их было не трое, не пятеро — больше. И среди них Билли вдруг увидел лицо, которое не мог вспомнить и всё же узнал кожей, как узнают запах грозы. Лицо Джейка.

Но теперь оно было не бледным и усталым. Оно улыбалось.

Не по-доброму. Не по-братски.

Улыбалось как ловушка.

— Ты сделал первый шаг правильно — сказал голос Джейка. — Но не конец выбирает человек.

Билли прицелился. Палец лег на спуск.

— Ещё шаг — и я попробую всё-таки сделать из тебя дырку.

— Попробуй, — ответил Джейк. — Только на сей раз выстрелишь не в меня.

Одна из фигур скользнула в сторону, и за её спиной Билли увидел узкий проход в камне, которого секунду назад там не было. Тёмная щель, уходящая вниз. Оттуда тянуло ледяным воздухом и запахом сырой, древней земли.

— Ящик — это дверь, — тихо сказала Оса. — Я ошиблась. Или знала не всё.
Билли посмотрел на неё, потом на щель, потом снова на ящик.

— Тогда кто в нём?

Оса побледнела.

— Не кто. Что.

Фигуры у входа уже почти добрались до постамента. Тени не нападали — они окружали, отрезали пути к выходу, как пастухи загоняют скот. Джейк стоял чуть впереди остальных, и в его глазах теперь не было ничего человеческого.

— Ты лишил нас одной нити — сказал он. — Но узор не порвётся. Ты всё ещё можешь спуститься добровольно.

Билли медленно выдохнул.

— И куда же?

Джейк поднял руку и указал на тёмный проход в полу, появившийся между каменными плитами у постамента.

— Вниз.

В этот момент где-то далеко, за пределами пещеры, глухо раскатился звук — будто по скале ударили чем-то огромным. Каменная пыль посыпалась с потолка.

Оса схватила Билли за рукав.

— Нам надо уходить. Сейчас.

— А если я не пойду?

Она посмотрела на него с той печалью, которую хранят только те, кто слишком долго живёт на границе между мирами.

— Тогда ты останешься здесь с тем, что ждет под ящиком.

Билли снова взглянул на проход. Ноги сами сделали шаг к нему. Не потому, что он хотел. Потому, что что-то внутри — холодное, пустое, как вынутая косточка — тянуло вниз.

Он стиснул зубы, разозлился на себя, на ящик, на Джейка, которого не помнил, и на это чувство, будто его собственная воля уже не совсем его.

— Ладно, — сказал он. — Если это дверь, значит, я её закрою.

И прежде чем Оса успела что-то ответить, Билли шагнул в тёмный проход.

Глава 9. Глубже, чем тьма

Спуск оказался не лестницей и не туннелем, а чем-то вроде выдолбленной в камне глотки.

Стены сужались, воздух становился влажнее и холоднее с каждым шагом. Билли шёл, ощупывая стену левой рукой, правой сжимая револьвер. За спиной всё быстро исчезло — свет пещеры, голос Осы, даже собственное дыхание стало чужим.

Внизу было темнее, чем бывает в закрытых глазах.

Он зажёл спичку. Пламя дрогнуло, бросив на стены желтоватый свет. Камень был испи-сан знаками — тонкими, как царапины когтей. Не слова. Не рисунки. Что-то среднее между молитвой и предупреждением.

Билли провёл по одному из символов пальцем и тут же отёрнул руку: камень оказался ледяным, будто его только что вынули из зимней воды.

Снизу донёсся звук.

Не шаги. И не скрежет.

Скорее дыхание. Медленное, тяжёлое, очень терпеливое.

Билли двинулся дальше.

Коридор вывел его в круглую камеру. Потолок терялся во тьме, а в центре, на полу, была выложена спираль из чёрного и белого камня. В середине спирали стоял низкий пьедестал.

Пустой.

Билли остановился.

— Ну и где ты, чёрт бы тебя... — пробормотал он, но голос его растворился в тишине.

Ответ пришёл не от стен, а из глубины камеры.

— Здесь.

Голос был тихим. Женским. И странно знакомым.

Билли повернулся, вскинув револьвер.

У дальней стены, в полумраке, стояла девушка. Молодая, босая, в длинном платье, испачканном землёй. Волосы тёмные, заплетённые в косу. Лицо бледное, почти прозрачное.

Он никогда прежде её не видел. Но сердце почему-то неприятно сжалось, как будто кто-то дёрнул за тонкую нить памяти.

— Кто ты? — спросил Билли.

Она не ответила сразу. Только посмотрела на него с таким выражением, будто знала его всю жизнь и устала ждать, когда он наконец поймёт.

— Ты пришёл слишком поздно — сказала она.

— Я задал вопрос.

— Я знаю.

Она сделала шаг ближе, и Билли заметил: её тень не повторяла движений. Она не просто отставала — она жила отдельно, медленно извиваясь по полу, будто живая.

Билли прицелился точнее.

— Назовёшь имя — или я перестану быть вежливым.

Девушка чуть склонила голову.

— У меня было имя. Давно. Потом его забрали. Здесь всё забирают.

— Кто забрал?

Она подняла руку и указала вглубь камеры.

Там, где должен был быть только камень, темнота начала колыхаться. Из неё выдвинулся высокий силуэт. Слишком высокий. Слишком тонкий. Он не шёл — он как будто складывался из тьмы по мере того, как двигался. Лица не было видно. Только две бледные точки там, где могли бы быть глаза.

Билли выстрелил не целясь. Пуля прошла сквозь силуэт, ударила в камень и разметала искры.

Фигура даже не дрогнула.

— Не трать патроны, — тихо сказала девушка. — Он любит, когда по нему стреляют. Это часть игры.

Билли отступил на шаг.

— Что это за дрянь?

— Хозяин, — ответила она. — Или то, что осталось от него.

Слово ударило по нервам, как по голой проволоке.

— Хозяин чего?

— Всего, что ты видел наверху. Ящика. Теней. Памяти. Снов. Имён. Он кормится тем, что люди теряют, когда боятся. И тем, что отдают добровольно, надеясь спасти других.

Билли понял не всё, но достаточно, чтобы стало ещё холоднее.

— Тогда ты кто?

Девушка помолчала, потом сказала очень тихо:

— Я — та, кого он оставил здесь.

Тьма за её спиной шевельнулась. Фигура стала ближе.

И тогда Билли увидел: на груди у неё, под рваной тканью платья, висел такой же серебряный кружок, как у Осы. Только расплавленный, почерневший по краям.

— Оса... — выдохнул он.

Девушка кивнула.

— Ты помнишь её лучше, чем должен. Это хорошо. Значит, не всё ещё выжжено.

— Выжжено? — Билли нахмурился. — О чём ты?

Она подняла на него глаза.

— Твой брат не просто писал дневник. Он удерживал нить. Когда ты отдал книгу ящику, ты спас город, но заплатил памятью. И это не всё. Ящик принял не только его слова. Он принял след. Твоё имя тоже начало стираться.

Билли на секунду замер.

Имя. Его собственное имя.

Он попытался произнести его в уме — и почувствовал пустоту, будто одна из букв уже провалилась в дыру.

— Нет... — прошептал он.

— Да, — сказала она. — Поэтому ты здесь. Не только за братом. За собой.

Силуэт в темноте склонил голову. Голос Хозяина прозвучал мягко, почти ласково:

— Он начал понимать.

Билли резко обернулся к тёмной фигуре.

— Заткнись.

— Ты можешь уйти — сказал Хозяин. — Но уйдёшь уже не тем, кто пришёл. Или можешь остаться и вернуть себе то, что потерял. Память. Имя. Брата. Всё, что ты отдал.

Девушка рядом с ним вдруг побелела ещё сильнее.

— Не слушай, — прошептала она. — Он не возвращает. Он меняет местами

— Что значит — меняет местами?

Она не успела ответить.

Пол под спиралью дрогнул.

Из центра камеры донёсся глубокий стон камня. Спираль начала светиться тусклым серым светом, и на месте пустого пьедестала стала медленно подниматься чёрная плита. На ней был вырезан глаз — тот же знак, что на карте, только гораздо древнее и грубее.

Билли инстинктивно шагнул назад. Девушка схватила его за рукав.

— Теперь он просыпается. Если хочешь выбраться, слушай внимательно: не смотри ему в лицо, когда он назовёт твоё имя. И что бы ни увидел — не бери это в руки.

— А если уже поздно?

Она посмотрела на него почти с жалостью.

— Тогда тебе придётся решить, кем ты готов стать.

Плита поднялась полностью. Под ней открылась новая пустота — не дыра в полу, а глубокая вертикальная шахта, уходящая куда-то вниз, в невозможную темноту.

Оттуда пахнуло холодом и старыми костями.

И Хозяин заговорил снова.

— Билли.

Он обернулся, хоть и знал, что не должен был.

И на мгновение увидел перед собой не тень, а брата. Не мёртвого Джейка из каньона, не пустое лицо из амбара. Настоящего. Живого. Улыбающегося так, как улыбаются только свои.

— Билли, — сказал Джейк, протягивая руку. — Идём домой.

Что-то в груди у Билли болезненно дёрнулось. Мир качнулся.

Девушка сжала его руку до боли.

— Не верь, — прошептала она. — Он учится на твоей памяти.

Билли застыл между двумя голосами, двумя лицами, двумя правдами.

А шахта под ногами дышала.

Глава 10. Имя на дне

Билли не сразу понял, что именно удержало его от шага вперёд: рука девушки, холод спины или то, что в лице «Джейка» было слишком много правильного. Настоящий брат никогда не улыбался так спокойно в темноте.

Хозяин смотрел на него из тёмного силуэта, и от этого взгляда хотелось забыть собственное отражение.

— Не спеши — сказал он голосом Джейка. — Ты уже почти вспомнил.

Билли сжал револьвер до боли в пальцах.

— Ты не он.

— А кто решает? — спросил Хозяин. — Ты ведь сам не уверен, как тебя зовут.

На миг всё внутри Билли провалилось. Он открыл рот, чтобы ответить, и не смог. Имя ускользнуло, как мыло в воде. Осталась только форма — человек, ковбой, брат, сын. Но имя... имя было на краю, там, где его уже можно было не узнать.

Девушка резко шагнула вперёд.

— Хватит, — сказала она. — Ты хочешь его — так бери. Но не играй с тем, что ещё держится.

Тень повернулась к ней, и воздух в камере стал плотнее.

— Ты всё ещё защищаешь его? После всего?

Она не отвела взгляда.

— Именно поэтому.

Билли посмотрел на неё, потом на тёмную шахту, потом снова на Хозяина.

— Что вы все от меня хотите?

Ответ пришёл не словами, а ощущением. Как будто сама камера сдвинулась на дюйм, а вместе с ней — память, боль и страх.

Хозяин поднял руку, и в воздухе между ними вспыхнуло бледное изображение: дневник.

Открытый. Страницы, исписанные почерком Джейка. Но теперь буквы дрожали, менялись, выцветали на глазах.

— Он оставил тебе дорогу — сказал Хозяин. — Но дорога не бывает бесплатной.

— Я уже заплатил.

— Нет, — мягко ответил голос. — Ты только начал.

Девушка вдруг побледнела ещё сильнее.

— Не слушай. Он покажет тебе то, что ты хочешь видеть. А потом возьмёт то, чем ты это видишь.

Билли хрипло выдохнул и сделал шаг к шахте — не потому что хотел, а потому что под ногами будто появилась тяга, как у лошадиной тропы в бурю.

— Если я спущусь, что там?

Хозяин ответил слишком быстро:

— Правда.

Девушка закрыла глаза на секунду, будто от боли.

— Ложь, — сказала она. — Не вся. Но достаточно, чтобы сломать.

Билли перевёл взгляд с одного на другую. И вдруг понял, что не доверяет ни одному из них полностью — но девушка, по крайней мере, говорила так, будто могла пострадать.

— Как мне вернуться? — спросил он.

Она кивнула вниз.

— Не смотри, не слушай, не бери чужого. И если услышишь своё имя... помни: оно может быть не твоим.

Он кивнул, хотя не до конца понял.

Хозяин сделал шаг назад, и тень за ним раздвинулась, открывая узкую каменную лестницу, уходящую по стене шахты вниз. Ступени были слишком правильные, словно высеченные не людьми, а терпеливым временем.

— Спускайся, — сказал Хозяин голосом Джейка. — Там ждёт то, что ты потерял.

Билли не пошевелился.

— А если я не пойду?

— Тогда ты останешься здесь, — ответила девушка. — И он всё равно возьмёт то, что сможет. Билли глубоко вдохнул. Запах в камере был уже не просто холодным — он был старым, как заброшенные могилы. Пальцы на левой руке дрожали, но он заставил себя двигаться.

— Ладно, — буркнул он. — Посмотрим, что у вас там за правда.

Он шагнул на первую ступень.

Камень был мокрым, хотя откуда здесь взяться воде, Билли не понял. Спуск шёл по спирали, всё глубже, всё тише. Сверху постепенно исчезали свет и голоса. Шахта глотала звук, как пустой колодезь.

Через несколько минут он оказался в узком коридоре. Стены были покрыты тончайшей белой солью, а по полу тянулись следы — не человеческие, не звериные. Словно кто-то полз на коленях и одновременно тащил за собой что-то тяжёлое.

Билли остановился у первого поворота.

На стене кто-то оставил надпись — свежую, выведенную пальцем по пыли:

«НЕ ОТДАВАЙ ЕМУ СВОЁ ИМЯ.»

Билли замер.

Почерк был не Джейка. И не Осы.

Он провёл ладонью по буквам. Пальцы сразу покрылись белой пылью.

Где-то далеко сверху что-то глухо ударило. Потом ещё раз.

Он двинулся дальше.

Коридор привёл его к двери — не металлической и не деревянной, а к плите из тёмного камня, в которой был врезан круглый замок. В центре замка — выемка в форме глаза.

У Билли был ключ.

Он достал его дрожащими пальцами и вставил в выемку. Ключ не сопротивлялся. Наоборот — будто ждал. Поворот. Щёлк. Дверь медленно ушла в стену.

За ней оказалась комната, в которой не было ничего, кроме стола и стула. На столе лежал один-единственный предмет.

Фотография.

Билли сделал шаг, потом ещё один. На снимке были он сам и Джейк. Двое мальчишек у костра. Один смеётся, второй хмурится, стараясь выглядеть старше. Снимок был старый, выцветший, но целый.

Билли поднял его дрожащей рукой.

— Не трогай.

Голос девушки прозвучал совсем близко, хотя её здесь не было.

Билли обернулся. В комнате никого.

Сзади что-то шевельнулось.

На стуле, которого секунду назад не было, сидел Джейк.

Живой. Настоящий. С тем самым выражением лица, которое бывает у брата, заставшего тебя за глупостью.

— Билли, — сказал он тихо. — Ты всегда опаздывал.

Билли застыл.

Фотография выпала из пальцев.

И в этот момент он понял самое страшное: он уже почти не помнил, как звучит его собственное имя, но этот голос мог заставить его ответить.

Глава 11. То, что садится рядом

Билли не ответил сразу. Он просто смотрел на Джейка и чувствовал, как в груди что-то медленно, нехорошо сжимается. Лицо брата было таким знакомым, что от этого становилось больно. Та же щетина на подбородке, тот же кривой прищур, будто Джейк вот-вот скажет что-нибудь язвительное и улыбнётся.

— Ты не он, — выдохнул Билли, но голос вышел слабым.

Джейк наклонил голову.

— А ты уверен? Уверенность — роскошь для живых.

Он сидел спокойно, как будто они были не в глубине каменной шахты, а у костра в обычную ночь. Не торопился. Не тянулся. И именно это пугало сильнее всего.

Билли поднял револьвер.

— Встань.

— Зачем? — спросил Джейк. — Ты же не выстрелишь.

— Проверим.

Палец лег на спуск. Но выстрелить он не смог. Не потому, что пожалел. Просто в голове внезапно вспыхнуло ощущение: если нажать, пуля уйдёт не в брата. А в самого себя.

Джейк едва заметно усмехнулся.

— Вот видишь.

Билли шагнул назад, не опуская оружия.

— Что ты хочешь?

— Сесть рядом, — спокойно сказал Джейк. — Поговорить. Ты столько лет был старшим, Билли. Хоть раз дай мне договорить.

— Ты мёртв.

— Да. Это неудобно, но факт.

Эта лёгкость в его голосе была почти невыносима. Настоящий Джейк даже в лучшие дни шутил бы грубее и нервнее. Этот же говорил так, будто знал слишком много.

Билли оглянулся на дверь. Позади было пусто. Только коридор и темнота. Никакого пути обратно не видно — словно шахта уже решила, что отпускать его не собирается.

— Где я? — спросил он.

— Там, куда не следовало спускаться, — ответил Джейк. — Но ты уже пришёл. Значит, теперь надо закончить.

Билли медленно подошёл к столу, поднял фотографию с пола. На снимке ещё слышалось дыхание прошлого: два мальчишки, костёр, ночь, мир до каньона, до ящика, до Теней. Он всмотрелся в лицо брата на фото — живое, хмурое, упрямое — и вдруг почувствовал укол страха: это лицо на снимке было яснее, чем лицо человека, напротив.

— Это настоящее? — спросил он.

Джейк посмотрел на фотографию.

— Настоящее было давно.

— Не уходи от ответа.

— Ответ зависит от того, что ты считаешь настоящим.

Билли стиснул зубы.

— Я считаю настоящим то, что можно потрогать.

— Тогда потрогай.

Билли резко поднял взгляд. Джейк сидел всё так же, но теперь его руки лежали на столе, а пальцы были чуть смазаны по краям, как мокрая тушь. Билли на секунду увидел под его кожей что-то тёмное, шевелящееся, и отёрнул взгляд.

— Что ты такое?

— Тот, кого ты потерял — сказал Джейк. — И тот, кто остался, когда потеряли слишком много.

Сверху снова ударило. Где-то по шахте прошёлся глухой толчок, и с потолка посыпалась каменная пыль. Билли машинально пригнулся.

— Оса говорила, что не надо брать чужого — сказал он. — И не отвечать, если слышу своё имя.

— Она умная, — кивнул Джейк. — Жаль, что слишком поздно поняла, с чем связалась.

— Ты её знаешь?

— Конечно.

Джейк улыбнулся — и в улыбке мелькнуло что-то не то. Не злорадство. Скорее усталость.

— Она одна из немногих, кто всё ещё пытается держать границу.

Билли молча ждал продолжения.

Джейк наклонился вперёд.

— Ты хочешь правду? Хорошо. Ящик не был тюрьмой. Он был узлом. Узлом, который держал всё это место в одном и том же виде слишком долго. Тени, каньон, голоса мёртвых — всё это не появилось вчера. Это здесь всегда было. Просто люди забывали, закрывали глаза, уезжали. А потом кто-то находил то, что не должен был находить.

— И ты нашёл.

— Я нашёл, — согласился Джейк. — Потому что был глупым. И потому что хотел доказать тебе, что я не хуже.

Билли дернулся, как от удара.

— Не ври.

— Не вру. Ты ведь всегда был лучшим стрелком, лучшим старшим братом, лучшим во всём, что значило что-то для отца. Я хотел хоть раз сделать что-то такое, что ты не смог бы исправить за меня.

В комнате стало тише.

Билли опустил взгляд на фотографию.

— И чего ты добился?

— Того, что ты здесь.

Он помолчал, затем добавил:

— И того, что ты ещё можешь выбрать.

Билли медленно поднял глаза.

— Выбрать что?

Джейк кивнул на дверь за его спиной.

— Вернуться наверх и жить с дырой в памяти. Или идти глубже и попытаться вернуть своё имя.

Но чем глубже спускаешься, тем меньше остаётся от тебя самого. Не уверен, что тебе это понравится.

— А если я останусь?

— Тогда останешься со мной.

Эти слова прозвучали слишком просто. И слишком страшно.

Билли почувствовал, как в груди что-то треснуло. Не от жалости — от того, что предложение было почти соблазнительным. Остаться здесь, в тишине, рядом с лицом брата, которое не ускользает. Не помнить, не терять, не возвращаться в город, где его ждут пустые взгляды и чужие истории.

Но это было бы не спасение. Это было бы сдачей.

— Почему ты не можешь пойти со мной? — спросил Билли.

Джейк опустил взгляд.

— Потому что я уже сделал выбор раньше.

Он встал со стула — и на миг показалось, что по комнате прошёл холодный сквозняк.

— Послушай внимательно, Билли. Внизу есть то, что знает твое имя. Не твоё — то, которое у тебя было до всего этого. Если найдёшь его, сможешь подняться обратно не пустым. Но если ошибёшься, вернёшься уже не человеком.

— И где это искать?

Джейк показал на узкую щель в стене, почти незаметную за столом.

— Там.

Билли нахмурился.

— И ты просто решил помочь?

Джейк посмотрел на него долго, без улыбки.

— Нет. Я решил не дать тебе умереть зря.

Из коридора донёсся звук, похожий на тихий смех. Или на шорох множества сухих листьев.

Билли обернулся, а когда снова посмотрел на брата, на стуле уже никого не было. Только фотография лежала на столе. И на обороте снимка теперь проступили новые слова, будто выцарапанные ногтем:

«НЕ ДОВЕРЯЙ ТОМУ, КТО ЗНАЕТ ТВОЮ БОЛЬ.»

Глава 12. Имя, которого нет.

Билли перечитал надпись на обороте фотографии трижды, прежде чем понял: буквы не просто появились — они проступили сквозь бумагу, будто кто-то писал их с другой стороны, изнутри.

«Не доверяй тому, кто знает твою боль.»

Он медленно опустил снимок. В голове всё ещё стоял голос Джейка, слишком живой, слишком мягкий. Но если это было не он, тогда кто? Или правильнее — что?

Билли сунул фотографию за пазуху и подошёл к узкой щели в стене. Пальцы нащупали скрытую выемку, и камень поддался с сухим щелчком. Часть стены сдвинулась внутрь, открывая проход — узкий, почти вертикальный, уходящий в темноту.

Оттуда пахло пылью, старой водой и чем-то ещё. Слишком знакомым и оттого неприятным.

Запахом дома после дождя. Запахом детства. Запахом вещей, которые уже не вернуть.

— Отлично, — пробормотал он. — Теперь ещё и воспоминания издеваются.

Он зажёл спичку и шагнул внутрь.

Проход был настолько тесным, что плечи цепляли камень. Стены шершавые, влажные. Где-то в глубине капала вода. Одинокие капли падали редко и ровно, как часы.

Билли шёл осторожно, по одному шагу, прислушиваясь к каждому звуку. Здесь не было ни пещеры, ни шахты — это было похоже на выдолбленную в скале кишку, ведущую куда-то вглубь земли. И с каждым метром росло ощущение, что его не просто ведут. Его узнают.

Наконец коридор расширился и вывел его в круглую комнату без потолка. Наверху зияла чёрная дыра, через которую не проходил свет. По стенам шли ряды ниш, и в каждой лежали предметы: сломанные часы, детская игрушка, фляга, сапог, кусок зеркала, перо, обугленный крестик. Вещи были самые обычные, но от них веяло такой тоской, будто у каждого предмета когда-то было имя.

В центре комнаты стоял каменный колодец.

Не глубокий — по пояс. Круглый. Сухой.

Билли медленно подошёл ближе.

На его внутренней стенке были вырезаны тысячи букв. Сотни имён, набитых одно на другое, будто кто-то годами записывал сюда всё, что забирал. Одни стёрлись почти до неразличимости, другие оставались свежими, как царапины на коже.

Билли склонился над колодцем и увидел внизу воду. Чёрную. Неподвижную. И в воде — своё лицо.

Он отшатнулся.

— Ну уж нет, — прошептал он.

Отражение не повторило его движение. Слишком поздно Билли понял, что смотрит не в воду.

Смотрит в глаз.

Он дёрнулся назад, поднял револьвер — но колодец уже начал говорить.

— Билли.

Голос шёл не сверху и не снизу. Он был внутри камня, внутри воды, внутри головы.

— Билли, — повторил он, и теперь это прозвучало почти ласково. — Ты пришёл вернуть своё.

Билли сжал челюсти.

— Я пришёл разнести это место к чёртовой матери.

Вода дрогнула. На поверхности показались круги.

— Ты не сможешь — сказал голос. — Потому что уже отдал главное.

В груди у Билли похолодело.

— Молчать.

— Ты отдал имя.

Он выстрелил в колодец.

Громкий треск выстрела ударил по комнате. Пуля вошла в камень, но не оставила следа. Вода даже не вздрогнула.

— Не трать патроны — произнёс голос теперь уже совсем рядом.

Билли резко обернулся.

У него за спиной стоял Джейк.

Не тот, что наверху. Этот выглядел хуже — темнее по краям, с глазами, в которых не было белков, только две серые глубины. И всё же лицо было его, брата, до последней черты.

— Ты опять пришёл слишком быстро — сказал он.

— Ты не Джейк.

— Нет, — спокойно ответил он. — Но я знаю, где он.

Билли не опустил оружие.

— Где?

— Там, куда ты ещё боишься смотреть.

Он указал на колодец.

Билли почувствовал, как по спине пополз холод. Он перевёл взгляд на воду. В ней уже было не его отражение. Теперь там стоял мальчик лет десяти — в грязной рубаше, босой, с разбитыми коленями. Мальчик смотрел прямо на него.

Это был он сам. Только младше. Гораздо младше.

— Нет, — выдохнул Билли. — Это...

— Ты, — сказал Джейк рядом. — До того, как всё началось.

Мальчик в колодце поднял руку и ткнул пальцем в сторону ниши у дальней стены.

Билли медленно посмотрел туда.

На камне лежала маленькая шкатулка из тёмного дерева. Совсем незаметная среди прочих предметов. Он шагнул к ней, не сводя глаз с неё и с колодца одновременно. Шкатулка была закрыта на тонкую костяную защёлку.

Он открыл её.

Внутри лежал обрывок бумаги и тонкое обручальное кольцо из меди. Бумага была сложена вчетверо. Билли развернул её.

На ней было написано всего одно слово: «Билли.»

Он замер.

Слово ударило сильнее выстрела. Не Билли. Не тот обломок имени, к которому он привык. Билли — как его называла мать, когда ещё была жива. Как звал Джейк, когда хотел позлить. Настоящее, старое, почти забытое.

И в тот же миг что-то внутри него щёлкнуло — как затвор. Память не вернулась полностью, но на миг поднялась завеса: мать у печи, Джейк с разбитой губой, отец, который не умел говорить «люблю», но чинил седло молча. И его собственный смех, молодой, живой.

Билли — Билли — резко вдохнул.

Колодец взвыл. Не по-человечески. Дико. Глубоко. Будто кто-то внизу схватился за стенки и заскребся наружу.

Джейк отступил.

— Не читай дальше — сказал он быстро. — Закрой шкатулку.

Но на дне лежал ещё один лист. Билли всё же взял его.

И тут же понял, что совершил ошибку.

На листе была записана его детская игра — слово в слово, как будто кто-то подслушал и законсервировал. А ниже:

«Тот, кто вспомнил имя, может открыть путь обратно. Но цена — тот, кто идёт следом.»

— Что это значит? — прошептал он.

Джейк закрыл глаза.

— Значит, ты не один уйдёшь.

Сверху, из чёрной дыры в потолке, донёсся звук шагов. Медленных. Тяжёлых.

И голос Осы, сорванный, едва слышный:

— Билли! Не оглядывайся!

Глава 13. Кто идёт следом

Билли не успел оглянуться, но уже по одному голосу Осы понял: наверху случилось то, чего она боялась.

Шаги над круглой комнатой были не человеческими. Слишком размеренные, слишком тяжёлые. Как будто кто-то большой и очень терпеливый спускался не по лестнице, а прямо по стене.

Джейк отступил к колодцу.

— Они нашли нас — сказал он тихо. — Или, вернее, нашли тебя.

— Кто? — рывкнул Билли, сжимая шкатулку так, что костяная защёлка впиалась в ладонь.
— Кого ты называешь «они»?

Джейк поднял взгляд к темной дыре в потолке.

— Те, кто собирают оставшееся. Когда человек теряет имя, они приходят забрать след. Память. Привычки. Голос. Если им дать достаточно, они могут надеть на себя целую жизнь.

Билли почувствовал, как по спине снова ползёт холод.

— Ты говоришь загадками.

— Я говорю, как могу, — резко ответил Джейк. — У нас мало времени.

Сверху раздался треск камня.

На край отверстия опустилась рука.

Не человеческая. Слишком длинные пальцы, чёрные, будто обугленные. Когти скребли по камню, высекая белую пыль. За рукой показалась тень головы — и Билли увидел не лицо, а провал, из которого торчали бледные нити, похожие на корни.

Оса снова крикнула сверху:

— Билли, вниз! Не стой там!

И почти сразу же в проёме мелькнул её силуэт — она упала на одно колено у края дыры, вцепившись в камень посохом.

— Я не удержу их долго! — выкрикнула она.

Билли уже двинулся к ней, но Джейк схватил его за плечо.

— Не туда. Смотри в шкатулку.

— Что?

— Там ключ к выходу.

— Ты спятил?

— Посмотри!

Билли резко опустил взгляд. На дне шкатулки, под листом бумаги, была ещё одна вещь — тонкая, почти невидимая серебряная пластинка, похожая на обломок зеркала. Он поддел её пальцем.

Как только металл коснулся воздуха, пластинка развернулась в маленькое круглое зеркало.

И в нём Билли увидел не себя.

Он увидел коридор наверху. Осу, стоящую у пролома. И позади неё — не тень, а целую фигуру, почти человеческую, в длинном пальто и шляпе, как у ковбоя.

Билли мгновенно узнал эту походку.

— Джейк?.. — прошептал он.

Но Джейк рядом с ним стоял неподвижно и смотрел на зеркало с таким выражением, будто ждал этого с самого начала.

— Не мой — сказал он глухо.

Фигура в зеркале подняла голову. Лицо было знакомым и чужим одновременно: слишком ровная кожа, слишком спокойные глаза, слишком правильная улыбка.

— Билли, — произнёс она голосом Джейка. — Ты долго шел.

Оса наверху захрипела, отступая.

— Не слушай! — крикнула она. — Это не он!

Но Билли уже понял, что голос из зеркала не просто похож. Он умеет подстраиваться. Делать боль точной.

Фигура протянула руку к зеркалу, и по его поверхности пошла рябь.

— Отдай мне то, что нашёл — сказал Джейк — И я верну тебе брата.

Билли машинально сжал шкатулку.

— Я уже устал от твоей лжи.

— Это не ложь. Это выбор.

Джейк рядом с ним — настоящий? нет, уже неважно — резко выдохнул.

— Не вздумай соглашаться.

Билли посмотрел на него.

— Тогда скажи, кто ты.

Джейк ответил не сразу. Лицо его дрогнуло, словно ткань на ветру.

— Я — то, что осталось после того, как тебя заставили забыть.

Билли не успел обдумать смысл этих слов: сверху рухнул камень, и в комнату пролезла та самая фигура — высокая, сухая, с нечеловечески длинными руками. Не человек. Не совсем.

Она упала на пол почти бесшумно, только каменная пыль клубом поднялась вокруг.

Оса закричала, замахнулась посохом, и из его конца вырвался тусклый белый свет. Существо отшатнулось, но не отступило.

Билли поднял револьвер и выстрелил почти в упор.

Пуля прошла насквозь, будто в пустоту. Однако существо всё же вздрогнуло — не от боли, а будто его на миг увидели настоящим.

— В шкатулке, — крикнул Джейк. — Там ещё одна вещь!

Билли снова заглянул внутрь. Под зеркалом лежала тонкая костяная игла, вся исписанная символами. На конце — крошечная петля, словно для нитки.

Он не понял, что это, но инстинкт уже подсказывал: это и есть путь.

Оса схватила его за плечо, когда он добрался до края комнаты.

— Что бы ты ни собирался сделать, делай быстро. Я не смогу держать их долго.

Билли сунул иглу в карман, потом на миг замер, глядя на Джейка.

— Если ты обманешь меня...

— Тогда ты это уже не заметишь, — устало ответил Джейк.

Существо бросилось вперёд. Оса ударила посохом в пол, и из камня вспыхнула светлая трещина, на секунду замедлив тварь.

Билли рванулся к нише у стены, туда, где раньше была спрятана шкатулка. Камень там оказался мягче. Он не знал зачем, но вставил костяную иглу в тонкую щель между плитами.

Щёлк.

Стена дрогнула.

За ней открылась узкая лестница вниз.

Не вверх. Не обратно к свету.

Ещё глубже.

— Нет, — прошептала Оса, заметив открывшийся ход. — Это не выход...

Но уже было поздно. Каменная плита позади них со страшным гулом начала опускаться.

Существо рванулось к ним, Оса отбила его посохом, Джейк шагнул в сторону, и Билли понял: выбирать уже нечего.

Лестница вела туда, где, возможно, был ответ. Или окончательная смерть.

Он успел услышать только крик Осы:

— Билли! Если увидишь комнату с дверью без ручки — не открывай её!

И затем он побежал вниз, пока над ним захлопывался камень и мир снова становился теснее, темнее и холоднее.

Глава 14. Комната без ручки

Лестница закончилась так же внезапно, как началась.

Последняя ступень ушла под ноги, и Билли вышел в узкий коридор, стены которого были выложены гладким камнем, почти белым от соли. Здесь стояла такая тишина, что он слышал собственное сердце — тяжёлое, неровное, как у загнанной лошади.

Сзади глухо дрогнул камень.

Путь назад закрылся.

Билли не обернулся. Оборачиваться здесь было опасно даже по привычке. Он только крепче сжал револьвер и пошёл вперёд, чувствуя в кармане костяную иглу — холодную, как рыба кость.

Через несколько минут коридор расширился и вывел его в комнату. Она была почти пустой.

Почти.

Посередине стояла дверь.

Без стены. Без рамы. Без ручки. Просто дверь — одинокая, тёмная, немного покосившаяся, будто кто-то воткнул её прямо в каменный пол.

Билли замер.

Оса сказала: не открывай. Значит, надо было либо не трогать вовсе, либо понять, что именно это и есть важная часть пути.

Он подошёл ближе. На двери не было замка, но по поверхности шли тонкие царапины — будто кто-то очень долго и упорно пытался вырваться изнутри.

Билли провёл пальцами по древесине. Дверь оказалась холодной, но не мёртвой. Скорее спящей.

— Ладно, — пробормотал он. — И что ты прячешь?

Ответом стал шорох.

Не за дверью. Внутри комнаты.

Билли резко обернулся и увидел у дальней стены женщину в тёмном плаще.

Оса.

Он выдохнул с облегчением и тут же насторожился: что-то было не так. Слишком тихо она стояла. Слишком прямо. И глаза — в них не было той усталой живости, что раньше.

— Оса? — осторожно спросил он.

Она медленно наклонила голову.

— Ты пришёл.

Голос был её. Но тянул слова иначе — мягче, глубже.

Билли тут же поднял револьвер.

— Не подходи.

Женщина улыбнулась.

— Ты всё ещё думаешь, что можешь отличить меня по голосу?

— Я думаю, что ты не Оса.

— А кто же я, Билли?

Он не ответил. Потому что ответ уже был: то, что умеет примерять чужие лица.

Фигура сделала шаг — и на секунду её контуры дрогнули, как отражение в воде. Под плащом Билли увидел не тело, а плотную тёмную массу, утыканную бледными прожилками.

— Где она? — спросил он.

— Там же, где был ты, когда тебя ещё звали по-настоящему, — ответила фигура.

Билли вздрогнул. Слова попали слишком близко.

— Назови имя — сказал он. — Моё настоящее имя.

— Ты его сам забыл.

Билли прицелился.

— Последний раз предупреждаю.

Фигура не двинулась. Лишь медленно подняла руку и указала на дверь.

— Открой, и увидишь.

— Почему бы тебе самому не открыть?

— Потому что я не могу.

Это было сказано с такой ясностью, что Билли впервые почувствовал: перед ним не просто обман. Что-то действительно было заперто за дверью, и оно не хотело выпускать ни это существо, ни, возможно, его самого.

Он перевёл взгляд на дверь. Пальцы на левой руке непроизвольно сжались. Тишина стала плотной. Потом из-за двери донёсся стук. Один. Пауза. Второй.

Очень тихий голос прошептал изнутри:

— Билли...

Он застыл.

Голос был детский. Слишком тонкий. Слишком знакомый.

— Не слушай — сказала фигура за спиной.

Но было уже поздно. Билли почувствовал, как в груди что-то сжалось до боли. Этот голос он помнил. Откуда — не знал, но помнил точно.

Стук повторился.

— Билли...

Он шагнул к двери.

Фигура резко дёрнулась вперёд, и плащ соскользнул с её плеч, открывая лицо. Билли увидел не Осу и не кого-то из своих знакомых. Это было лицо мальчика, бледного, с пустыми глазами и ртом, зашитым чёрной ниткой.

Билли выругался и выстрелил.

Выстрел не попал. Пуля врезалась в камень у стены, а существо кинулось в сторону, оставляя за собой шлейф темноты.

Дверь снова постучала.

— Не открывай её, — прошептала изнутри Оса. Настоящая Оса.

Билли замер.

Голос шёл из-за двери.

Тот же, настоящий, уставший и надломленный.

— Если откроешь — оно выйдет. Не меня ищешь, Билли. И не Джейка. И даже не своё имя.

— Где ты? — крикнул он.

— Рядом. Но не с той стороны.

Фигура мальчика в углу комнаты рассмеялась беззвучно и побежала к нему. Билли метнулся в сторону, ударил её рукоятью револьвера, и она рассыпалась в чёрную пыль.

Оса снова заговорила из-за двери, быстро и отчаянно:

— У тебя есть игла. Она не для замка — для шва. Дверь сшита. Разрежь стежок, только один. Не весь.

Билли моргнул.

— Что это значит?

— Просто сделай, как я сказала!

Он вытащил из кармана костяную иглу. Та сразу потеплела в руке, словно узнала, где находится. На поверхности двери Билли только теперь заметил тонкую линию нитяного шва вдоль края — почти незаметную, как трещина на старой коже.

Он осторожно вставил иглу в один из стежков и потянул.

Шов поддался с тихим звоном.

Изнутри двери ударил холод.

Комната дрогнула.

И в тот же миг голос у двери сказал уже не Оса, а кто-то другой — низкий, довольный:

— Спасибо.

Билли отшатнулся.

Дверь начала медленно открываться сама.

Глава 15. За дверью

Дверь открывалась без скрипа, но с ощущением, будто рвут старую ткань. Холод, который вырвался из щели, был не просто холодом — он был пустотой, откуда уже вынули всё живое.

Билли отступил на шаг, поднял револьвер, хотя понимал: если то, что за дверью, захочет выйти, пули не помогут.

В проёме стояла Оса. Настоящая. Бледная, с кровью на виске, в разорванном плаще, опирающаяся на посох так, будто тот был последней вещью, что ещё держит её на ногах.

Билли выдохнул, почти не веря своим глазам.

— Ты...

— Позже, — резко сказала она. — Не смотри за неё.

Он не понял, но послушался слишком поздно. Потому что за спиной Осы — в глубине за дверью — что-то шевельнулось.

Не фигура. Не тень. Скорее огромная тёмная масса, заполняющая пространство за её силуэтом, как дым в колоколе.

Оса захлопнула дверь ладонью.

— Не дай ему смотреть на тебя слишком долго, — выдохнула она. — Он учится с глазами.

Билли шагнул к ней и только теперь заметил, как дрожат её пальцы.

— Ты жива?

— Пока — да.

Сзади раздался шорох. Он развернулся и увидел то существо, что было в комнате прежде: теперь оно стояло у стены, уже не мальчик, а что-то выше, длиннее, с лицом, которое менялось на глазах. То Оса, то Джейк, то чужой старик, то пустое пятно.

— Ты нарушил шов — сказал оно. Голос был мягкий, почти довольный. — Теперь комната не удержит всё, что в ней было спрятано.

Оса выругалась сквозь зубы.

— Вот именно этого я и боялась.

Билли посмотрел то на неё, то на дверь, то на существо.

— Объясни нормально.

Оса коротко, почти зло усмехнулась.

— Эта дверь — не вход. Это крышка. За ней то, что помнят вместо тебя. Всё, что у тебя забрали, всё, что отнял ящик, всё, что ты не смог удержать. И то, что может притвориться этим.

— То есть там мои воспоминания?

— И чужие тоже. Смешанные. Испорченные.

Существо в углу дернулось, и Билли заметил, что у него больше нет ног — только длинная тёмная полоса, утекающая в пол.

— А оно кто?

Оса посмотрела на него почти с жалостью.

— Оно — сторож. Или то, что сторожем стало, когда слишком долго смотрело в одну и ту же боль.

Билли перевёл взгляд на дверь. Она была закрыта, но из-под неё уже сочился свет — бледный, сероватый, как луна через пыль.

— И что теперь?

— Теперь? — Оса опёрлась на посох. — Теперь мы делаем выбор быстрее, чем он успевает нас понять.

Она кивнула на костяную иглу в его руке.

— Ею можно либо снова зашить шов, либо распороть дверь до конца. Если зашьёшь — часть того, что внутри, останется. Если распорешь — выйдет всё.

— А что внутри? — спросил Билли.

Существо ответило вместо неё

— То, что ты называл братом.

Билли резко поднял револьвер, но Оса остановила его жестом.

— Не стреляй. Оно хочет тебя разозлить. Ему нужен открытый конец.

— А тебе? — спросил он, не сводя с неё глаз. — Тебе что нужно?

Оса посмотрела прямо ему в лицо.

— Чтобы ты выбрал сам. И не потому, что кто-то шепчет твоим голосом.

В комнате стало тесно от тишины.

Потом Билли услышал другой звук — очень тихий, почти неразличимый. Стук по дереву. Из-за двери. Три раза. И голос Джейка. Настоящий? Нет? Уже неважно.

— Билли, — прозвучало из-за двери. — Не выпускай это наружу.

Существо у стены застыло.

Оса закрыла глаза на миг.

— Он ещё там, — прошептала она.

Билли посмотрел на иглу. Потом на дверь. Потом на Осу.

— Если я зашью, смогу вернуть хоть что-то?

Оса покачала головой.

— Нет. Но сможешь сохранить то, что останется целым.

— А если распороть?

— Тогда узнаешь правду. И, возможно, сожрёшь её вместо него.

Снаружи, далеко наверху, по камню снова ударило что-то тяжёлое. Пыль просыпалась с потолка. Время уходило.

Билли выдохнул.

— Чёрт.

Он подошёл к двери и вставил костяную иглу в шов, уже распущенный на один стежок. Рука дрожала, но не от страха — от того, что любое движение теперь могло изменить всё.

— Готова? — спросил он.

Оса кивнула.

Существо в углу улыбнулось слишком широко.

— Поздно, — прошептало оно. — Он уже выбрал.

И в тот момент дверь распахнулась сама.

Глава 16. То, что вышло

Дверь распахнулась не наружу, а внутрь — как будто само пространство за ней сделало вдох.

Из щели вырвался свет: не яркий, а мертвенно-белый, холодный, режущий глаза. Билли инстинктивно зажмурился и отшатнулся, но было поздно — комната уже начала меняться.

Существо у стены вскрикнуло и попятилось.

Оса схватила Билли за рукав и дёрнула к себе.

— Не смотри прямо! — крикнула она. — Не дай ему имя!

— Кому?! — Билли с трудом перекрикивал гул, который рос из-за двери.

Ответом стало не слово, а фигура.

Из проёма вышло нечто высокое, слишком высокое, с длинными руками и плечами, которые будто не умещались в человеческую форму. Оно было одето в тёмное, как будто когда-то носило пальто, но теперь ткань висела лоскутами. Лица почти не было — только гладкая белая маска без глаз, с тонкой трещиной вместо рта.

Билли видел всё это будто сквозь воду.

И всё же узнал.

Не по лицу. По ощущению. Как узнают место, где однажды умирал от страха.

— Джейк?.. — вырвалось у него, и сразу же он понял, что не должен был говорить.

Фигура остановилась.

Трещина на месте рта растянулась в улыбку.

— Почти, — сказал голос. Тот самый. Братов. — Ты всё ещё ошибаешься.

Оса выругалась, вскинув посох. Из его конца вспыхнул бледный свет, и фигура отступила на полшага, как будто свет был ей неприятен. Но не больше.

Существо у стены, до этого игравшее в чужие лица, вдруг рухнуло на пол и начало быстро меняться: кожа темнела, пальцы вытягивались, рот расплзался в слишком широкую щель. Оно будто теряло контроль.

— Он просыпается, — прошипела Оса. — Это уже не сторож. Это оболочка.

Билли сжал револьвер. Рука была тяжёлой, будто из камня.

— Что значит оболочка?

— Значит, он входил в нас, пока мы думали, что слышим знакомых.

Фигура в дверях сделала шаг вперёд. Пол под ногами дрогнул.

— Билли, — сказал голос Джейка. — Ты ведь хотел вернуть меня.

— Ты не он.

— А если я — всё, что от него осталось?

Эти слова ударили слишком точно. Билли вспомнил шкатулку, фотографию, обрывки письма, имя на листке. И вдруг понял, что боится не того, что перед ним — а того, что оно может оказаться правдой в каком-то ужасном смысле.

Оса резко встала между ним и фигурой.

— Не слушай. Он умеет собирать осколки.

Фигура медленно наклонила голову.

— Ты тоже была осколком, Оса.

Она побледнела, но не отступила.

— И всё ещё живу.

— Ненадолго.

Она ударила посохом в каменный пол. По комнате разошлась тонкая светлая трещина, и на секунду тварь в дверях замерла. Билли понял — это его шанс.

— Что мне делать? — крикнул он.

Оса, не отводя глаз от фигуры, процедила:

— Или зашей дверь сейчас. Или режь до конца. Третьего не будет.

Билли посмотрел на костяную иглу. На дверь. На белую маску в проёме. На то, как фигура медленно вытягивала руку к нему — не угрожая, а будто приглашая.

И тогда он сделал единственное, что мог.

Он рванулся к двери и воткнул иглу не в шов, а глубже — прямо в тёмную древесину, туда, где, как ему показалось, что-то билось изнутри.

Древесина вскрикнула.

Да, именно вскрикнула — тонко, по-человечески, как раненый зверь.

Комната вздрогнула.

Свет из-за двери вспыхнул ослепительно, и Билли увидел всё сразу — слишком много, слишком быстро: костёр в детстве, Джейка смеющегося; каньон; яму; лицо брата в земле; амулет; карту; Осу; пустые глаза в амбаре; своё собственное имя, написанное сотней способов; и ещё что-то огромное, древнее, голодное, лежащее за всеми этими картинками, как тень под водой.

Он закричал.

Фигура в дверях дёрнулась, будто что-то вырвалось у неё из груди. Белая маска треснула шире, и за ней на миг показалось лицо — не Джейка, не человека, а пустота с отражением чужих воспоминаний.

Оса схватила его за плечи и что-то крикнула, но Билли уже не слышал. Он падал сквозь свет, и свет падал сквозь него.

А потом всё стало тихо.

Когда он открыл глаза, дверь была закрыта. Плотно.

На месте шва теперь тянулась новая линия — живая, тёмная, как свежий след на коже. В комнате пахло пеплом и мокрым камнем.

Билли лежал на полу. Голова гудела, рот был полон крови. Рядом, на коленях, сидела Оса — бледная до прозрачности, с руками, дрожащими от усталости.

— Оно... — выдохнул Билли. — Что это было?

Оса не сразу ответила.

Потом тихо сказала:

— Не что. Кто-то, кто слишком долго учился быть всем, кого ты потерял.

Билли попытался встать. Получилось не сразу.

— Джейк?..

Она опустила взгляд.

— Не весь.

Сверху, из-за закрытой двери, раздался тихий стук. Один.

Пауза. Ещё один. И знакомый голос, уже совсем тихий, почти человеческий:

— Билли...

Глава 17. Последний стук

Билли замер.

Стук повторился — тихий, вежливый, почти домашний. Такой стук бывает у человека, который не хочет тревожить спящих.

— Не отвечай — сказала Оса шёпотом.

Билли не сводил взгляда с двери.

— Это он?

Оса медленно покачала головой.

— Если бы я знала точно, нам бы не пришлось спускаться сюда.

Стук повторился снова. На этот раз чуть настойчивее.

— Билли, — прозвучало из-за двери, — открой.

Голос был ровный. Усталый. Почти братов.

Билли сжал челюсти. В голове всё ещё плавали обрывки видений: костёр, каньон, белая маска, чёрная бездна под дверью. Его мутило, но он держался на ногах.

— Если я открою — спросил он хрипло, — что будет?

Оса посмотрела на дверь так, словно та могла в любой момент вырастить зубы.

— Если это ловушка — оно выйдет. Если это не ловушка... — она замолчала. — Тогда тебе всё равно придётся решить, чего ты боишься сильнее.

Билли опёрся ладонью о стену и подошёл ближе. Дверь выглядела обычной: тёмное дерево, ровный шов, никаких ручек. Но теперь он чувствовал, что за ней не пустота. За ней кто-то стоял. Или что-то.

— Я не понимаю — сказал он. — Я только что...

— Зашил её. Да. На время, — мягко ответила Оса. — Но не закрыл навсегда.

— Тогда зачем мы сюда спускались?

Она посмотрела на него устало.

— Чтобы ты услышал то, что дверь хранит. И понял, что не всё, что говорит голосом Джейка,

— Джейк.

Стук снова. Три раза. Потом пауза.

И вдруг — смех. Короткий, сухой, совсем не братов.

— Он всё ещё выбирает — произнёс голос из-за двери. Уже другим тоном, более глубоким. — Какая милость.

Билли резко отпрянул.

Оса тихо выругалась.

— Видишь? — сказала она. — Вот поэтому нельзя было открывать до конца.

Билли провёл ладонью по лицу.

— Так что там, за дверью?

— Осколок. Остаток. Привязка. Всё, что Хозяин не успел забрать в ящик, он спрятал здесь. И, возможно, твой брат тоже.

— Возможно?

— Я не лгу, Билли. Просто не всегда знаю.

Он посмотрел на свои руки. Они дрожали. Не от страха — от усталости и от того, что внутри всё ещё что-то пыталось сложиться в целое, которое ему не нравилось.

— Я не помню его — сказал он вдруг. — Почти не помню. Знаю, что должен. Но лица расплываются.

Оса кивнула, не удивляясь.

— Это нормально.

— Нет, — Билли стиснул зубы. — Не нормально. Он был моим братом.

— И он всё ещё где-то рядом, — тихо сказала она.

Билли поднял взгляд.

— Ты уверена?

Оса не ответила сразу.

Потом достала из-под плаща маленький предмет — расплавленный серебряный кружок на обрывке шнура. Амулет.

— Он снова нагрелся, когда дверь открылась — сказала она. — Значит, здесь есть что-то, что ещё держится за тебя. За вас обоих.

Билли взял амулет. Металл был тёплый, почти живой.

И в тот же миг дверь дрогнула.

Не от удара. Изнутри.

По шву пробежала тонкая чёрная линия, будто кто-то в темноте провёл пальцем сажей.

Оса отступила на шаг.

— Нет...

— Что? — Билли мгновенно напрягся.

— Он понял, что ты здесь.

Билли глянул на дверь. Стук прекратился. Вместо него пришло другое — очень тихое дыхание.

Не снаружи. Изнутри. Медленное, тяжёлое.

— Это не Джейк, да? — спросил он.

Оса не стала врать.

— Нет.

Билли поднял револьвер. Патронов оставалось мало, но сейчас это было всё, что у него было.

— И что теперь?

Оса посмотрела на него странно спокойно.

— Теперь мы идём дальше.

— Дальше куда?

Она кивнула на тёмный коридор за их спинами. Там, где они пришли.

Билли нахмурился.

— А дверь?

— Дверь уже не удержит то, что внутри, если мы останемся. Нужно найти источник. Не остаток. Не след. Само место, где всё это началось.

— И где оно?

Оса посмотрела ему прямо в глаза.

— Ниже.

Сверху снова глухо ударило, и по коридору прокатился тонкий, противный вой. Что-то там, в глубине пещер, уже двигалось.

Билли медленно опустил револьвер.

— Ладно, — сказал он. — Но, если ты опять скажешь «ниже», я начну думать, что ты просто издеваешься.

Оса впервые за долгое время слабо усмехнулась.

— Поверь, если бы я издеваюсь, ты бы уже умер.

Она повернулась к коридору, и они двинулись дальше — туда, где камень становился старше, воздух тяжелее, а звуки не просто отражались, а возвращались изменёнными.

За их спинами дверь осталась неподвижной.

Но Билли знал: это ненадолго.

Глава 18. Ниже

Они шли молча.

Коридор сужался и снова расширялся, камень под ногами то был сухим и шершавым, то влажным, словно стены потели. Билли считал повороты, чтобы не потерять ориентир, но быстро сбился — проходы повторялись, изгибались, будто подземелье не хотело, чтобы его запомнили.

С каждым шагом запах менялся: соль уходила, оставался только сырой камень и что-то металлическое, как кровь на старом клинке.

— Ты ведь знаешь, куда идёшь — сказал Билли наконец.

Оса не обернулась.

— Нет.

Он хмыкнул.

— Прекрасно.

— Я знаю, куда нужно дойти, — ответила она. — Это не одно и то же.

Билли стиснул зубы, но спорить не стал. После всего, что случилось, её странная уверенность казалась почти надёжной — если не знать, что она сама могла ошибаться.

Коридор вывел их в зал, похожий на высохшее горло огромного зверя. Своды терялись во тьме, а в центре стоял круг из каменных столбов. На каждом — вырезанные лица. Мужские, женские, детские. Некоторые почти стёрлись, другие выглядели так свежо, будто их вырубил Билли вчера.

Билли остановился.

— Это ещё что за чертовщина?

Оса подошла к ближайшему столбу и провела пальцем по лицу, вырезанному в камне.

— Память.

— Чья?

— Всех, кто сюда попал.

Он посмотрел внимательнее. И понял, что лица — не просто лица. В них было что-то знакомое.

Один профиль напомнил ему отца. Другое лицо — женщину с фотографий, которую он должен был узнать, но не мог. Третье... совсем детское... шевельнуло в нём давно забытый страх.

— Это они их забрали? — спросил он тихо.

Оса кивнула.

— И оставили здесь формы. Чтобы было чем заполнить пустоту.

Билли провёл ладонью по камню и отёрнул руку.

— Значит, если человек теряет имя...

— Он остаётся здесь, — договорила она. — Или становится частью чего-то, что носит его вместо него.

Билли посмотрел в центр круга. Там на полу был выложен знак — не глаз, как раньше, а что-то похожее на переплетённые нити, сходящиеся в одну точку.

— И что это? — спросил он.

— Узел.

— Тот самый?

Оса кивнула.

— Сюда стягивалось всё. Имя, страх, память, смерть. Если разрушить узел, можно либо освободить тех, кто остался внутри, либо выпустить всё, что было связано.

— И как понять, что будет?

— Никак, — сказала она честно. — Поэтому никто не любит делать выбор.

Билли шагнул к центру круга и замер. По камню прошла едва заметная дрожь. Зал будто почувствовал его.

— Что нужно делать? — спросил он.

Оса вынула из-под плаща тот самый ключ — серебряный, с головкой в виде глаза. Только теперь он выглядел иначе: потемнел, по кромке пошли трещины.

— Этот ключ открывал вход — сказала она. — Но он же может и закрыть узел. Если вставить его в центр знака.

— И всё?

— Нет. Нужен ещё кто-то, кто назовёт своё имя вслух.

Билли медленно поднял взгляд.

— Моё имя?

Оса кивнула.

— Настоящее. То, что ты вспомнил в комнате с колодцем.

Он напрягся, пытаясь ухватить его в памяти, но оно снова ускользало. Осталось только ощущение — как будто слово было на кончике языка и всё время падало назад.

— Я не помню.

— Тогда попробуй.

Билли закрыл глаза. Перед ним вспыхнули обрывки: мать, костёр, Джейк, амбар, шка-тулка, стук за дверью, голос, который звал его домой. И вдруг — слово, короткое, знакомое, как собственное дыхание.

Он открыл рот.

— Билли...

Камень под ногами дрогнул.

Оса резко шагнула вперёд.

— Нет! Не так. Не уменьшенным. Не тем, как зовут дома. Полным.

Билли отступил, сердясь на себя.

— Да чтоб тебя...

С потолка посыпалась пыль. Каменные лица на столбах начали проступать сильнее, будто кто-то изнутри давил на них пальцами.

— Быстрее, — сказала Оса. — Он просыпается.

Из темноты за кругом донёлся низкий звук, похожий на дыхание огромного спящего зверя.

Билли сжал кулаки. В голове было пусто и шумно одновременно. Имя крутилось где-то рядом, как птица в клетке, но не садилось.

И тогда он услышал голос Джейка.

Не из воздуха. Не из памяти. Из самого центра зала.

— Билл...

Он застыл.

— Не туда, — тихо сказал Джейк. — Не в старое. Смотри глубже.

Билли развернулся.

В темноте между столбами стоял Джейк. Не тот, что был раньше. Не тень и не маска. Просто брат — бледный, уставший, с глазами, в которых было слишком много боли, чтобы быть ложью.

Оса резко побледнела.

— Не слушай его, — прошептала она.

Но Билли уже не мог отвести взгляд.

Джейк медленно поднял руку и указал на знак в центре круга.

— Это не конец — сказал он. — Это узел, который держал тебя. Назови себя, и он ослабнет.

Билли сглотнул.

— Ты... настоящий?

Джейк посмотрел на него так, как смотрел когда-то у костра — с усталой любовью и виной.

— Настолько, насколько может быть то, что осталось после смерти.

Глава 19. Полное имя

Билли стоял неподвижно, не сводя глаз с Джейка.

Не с «похожим» на Джейка, не с тенью в его лице — именно с ним. С тем упрямым взглядом, от которого когда-то хотелось и спорить, и смеяться, и лезть в драку. И от этого внутри всё ломалось сильнее, чем от любых чудовищ.

Оса резко шагнула к Билли и встала сбоку, почти заслоняя его от брата.

— Не верь ему — сказала она тихо, но жёстко. — Он знает, как говорить с тобой.

Джейк не посмотрел на неё.

— Я знаю, как говорить с ним, потому что он — мой брат.

— Или то, что осталось от этой мысли, — отрезала Оса.

Билли сжал зубы.

— Хватит. Оба.

Тишина легла на зал сразу, будто сам каменный узел прислушался.

Билли перевёл взгляд на центр круга. Серебряный ключ в руке Осы поблёскивал тускло, как рыба кость. Каменные лица вокруг стали отчётливее — некоторые будто следили за ним.

— Я должен сказать имя, — медленно произнёс он.

Оса кивнула.

— Да.

— Я не помню его целиком.

— Помнишь достаточно, чтобы начать.

Билли вдохнул.

В голове всё плыло. Он чувствовал, что любое неверное слово может разорвать не только этот зал, но и то, что ещё держится внутри него. И всё же где-то очень глубоко, под страхом и усталостью, жило простое упрямство: если уж его кто-то стёр, то он хотя бы попытается вернуть себя сам.

Он сделал шаг к знаку и опустился на одно колено.

— Если это сработает — сказал он, не поднимая головы, — что будет с Джейком?

Джейк ответил не сразу.

— То, что должно быть уже давно, — тихо сказал он. — Я уйду.

Слова ударили, как выстрел.

Билли поднял глаза.

— Это правда?

— Да, — сказал Джейк. И в голосе не было ни лжи, ни уверенности. Только усталость.

Оса отвернулась, будто не хотела слышать продолжение.

— А если я не скажу? — спросил Билли.

Джейк посмотрел на него долго и спокойно.

— Тогда ты останешься неполным. Но живым.

Билли стиснул кулаки так, что ногти впились в ладони.

Вот оно. Не злодейский выбор, не красивый. Самый мерзкий — между болью и пустотой.

Он закрыл глаза.

Имя пришло не целиком, а сначала как ощущение: тяжёлое, домашнее, звучащее из кухни матери. Потом буквы. Потом голос.

— Билли... — шепнул он.

Каменный зал вздрогнул.

— Нет, — сказал Джейк, и в этот раз голос его стал почти умоляющим. — Полное. Скажи полное.

Билли медленно выдохнул. И вдруг вспомнил, как мать звала его, когда он был маленьким, упрямым, вечно с грязными коленями. Не Билли. Не сокращённо. Полностью.

Он открыл рот.

— Уильям...

Оса резко повернула голову.

— Да.

Но Билли не остановился. Имя шло дальше, как река, которую долго запирали за плотинкой.

— Уильям Джейкоб...

Джейк закрыл глаза.

— Не надо...

— ...Кинн.

Знак в центре круга вспыхнул белым светом.

Столбы вокруг застонали. Каменные лица будто начали осыпаться изнутри. По залу пошла

дрожь, от которой у Билли подкосились ноги. Но он не остановился.

— Уильям Джейкоб Кинн, — повторил он громче.

И мир треснул.

Не буквально — но так, как трещит стекло, если долго держать его над огнём. Зал наполнился низким гулом. Ключ в руке Осы раскалится до белизны, она чуть не выронила его, но удержала и, по кивку Билли, вставила в центр знака.

Щелчок.

Глубокий, уходящий вниз звук, будто закрывали огромный замок.

В центре круга камень разошёлся тонкой линией, и оттуда поднялся столб тьмы — не дыма, а чего-то плотного, живого, будто сотканного из забытых голосов. Внутри этого столба Билли увидел лица. Неясные. Десятки. Сотни. И среди них — Джейка. Настоящего. Усталого. Почти улыбающегося.

— Билли, — сказал он очень тихо. — Спасибо.

Тьма потянулась к нему, и он начал растворяться, как мел в воде.

— Нет! — Билли рванулся вперёд, но Оса удержала его за плечо.

— Если пойдёшь за ним, ты тоже исчезнешь!

— Джейк! — крикнул Билли.

Брат посмотрел на него в последний раз.

— Теперь ты помнишь — сказал он. — Этого достаточно.

И исчез.

Туман из лиц начал втягиваться обратно в землю, как будто узел наконец ослаб. Каменные лица на столбах осыпались, превращаясь в пыль. Далеко в темноте раздался не вой, а скорее облегчённый выдох.

Билли упал на колени, тяжело дыша. В голове было пусто и вместе с тем полно — не воспоминаниями, а их отсутствием, которое наконец перестало жечь.

Оса опустилась рядом.

— Ты сделал это — сказала она.

Билли не ответил сразу. Потом тихо спросил:

— Я правда его помнил?

Она посмотрела на него с печалью.

— Да. И будешь помнить по-другому.

Билли закрыл глаза.

Где-то далеко сверху, в камне, что-то ещё глухо стукнуло. Но это уже не звучало угрозой.

Это звучало как конец.

Глава 20. Утро после тьмы

Когда Билли открыл глаза, зал уже не был тем же.

Каменные столбы потрескались и местами осыпались, будто их столетиями точила вода. Знак в центре круга погас, оставив после себя тонкую трещину в полу. Воздух стал легче — не тёплым, не приятным, но хотя бы не враждебным.

Он попытался встать и сразу ощутил, как всё тело протестует. Колени дрожали, плечо ныло, голова тяжело гудела. Рядом сидела Оса, прислонившись спиной к столбу. Она выглядела так, будто состарилась на десять лет за последние десять минут.

— Жив? — спросила она, не открывая глаз.

— Похоже, — хрипло ответил Билли.

— Это уже успех.

Он усмехнулся, но смех вышел слабым. Потом медленно огляделся.

Джейка нигде не было.

И всё же отсутствие уже не рвало его изнутри. Осталась боль — да. Пустота — тоже. Но они были другие: как шрам, а не как открытая рана.

— Он ушёл? — тихо спросил Билли.

Оса кивнула.

— Да.

— Совсем?

Она посмотрела на него долго.

— По-моему, да. Но то, что уходит отсюда, редко исчезает полностью.

Билли опустил взгляд на ладони. В них всё ещё будто ощущалось тепло имени, которое он произнёс. Уильям Джейкоб Кинн. Слова казались чужими и своими одновременно.

— Значит, теперь всё кончено? — спросил он.

Оса усмехнулась без радости.

— Если бы.

Билли поднял глаза.

Она указала на узкую трещину в полу, уходящую от центра зала вглубь тьмы.

— Узел закрыт. То, что держало всё это вместе, разрушено. Но такие места не любят оставаться пустыми. Где-то ниже есть ещё один слой. И если я права, мы только лишь добрались до крышки.

Билли устало выдохнул.

— Ты шутишь.

— Хотела бы.

Он посмотрел на трещину. Из неё не шёл холод, как раньше. Скорее слабый ветерок, пахнувший землёй и чем-то совсем далёким, почти солнечным.

— Что там? — спросил он.

Оса не ответила сразу.

Потом тихо сказала:

— Выход. Или новое начало. В таких местах разница редко бывает важна.

Билли медленно поднялся на ноги. Голова всё ещё кружилась, но теперь он хотя бы стоял.

— И что, мы просто пойдём туда?

— А у тебя есть лучший план?

Он усмехнулся.

— Нет.

— Тогда да.

Они подошли к трещине. Она была шириной с ладонь и уходила вниз по камню, будто кто-то провёл по полу лезвием. Билли осветил туда фонариком, но луч почти не доставал до дна.

— Слишком глубоко, — пробормотал он.

— У нас уже вошло в привычку, — ответила Оса.

Но прежде чем они двинулись дальше, из дальней стены донёсся звук. Тихий. Почти неслышный. Стук.

Билли застыл.

Оса сразу напряглась.

— Нет, — прошептала она

Стук повторился. Три раза. Потом голос, очень слабый, как будто издали, из-за камней:

— Билли...

Он не был таким, как раньше. Не был подделкой. Не был даже братов. Он был уставшим. Старым. И почему-то совсем не страшным.

Билли посмотрел на Осу.

— Это он?

Она побледнела.

— Не знаю.

Стук повторился ещё раз — уже ближе.

Билли медленно шагнул к стене, где звук казался сильнее. Пальцы сами нашли шов в камне. Там, где стены ещё минуту назад были цельными, теперь проступала узкая дверь. Совсем небольшая. Почти незаметная. Без ручки.

Билли и Оса переглянулись.

— Нет, — сразу сказала она. — Мы только что...

— Я не трону, — ответил он, хотя сам не знал, верит ли себе.

Из-за двери раздался тихий смешок. Женский.

Оса резко выпрямилась.

— Не открывай.

Билли замер.

Смешок повторился — ближе, отчётливее. И затем голос, очень спокойный, почти нежный:

— Уильям?

Билли похолодел.

Это был голос его матери.

Глава 21. Голос матери

Билли не двигался

Имя, произнесённое этим голосом, ударило по нему так, словно кто-то раскрыл старую рану и плеснул в неё ледяной водой. Уильям. Не Билли. Не ковбой с пыльной шляпой и револьвером.

Не человек, который спускался в бездну и возвращался с пустотой в груди. Это имя знала только мать.

Оса резко схватила его за локоть.

— Не отвечай — сказала она очень тихо. — Что бы ты ни услышал, не отвечай сразу.

Но дверь уже «смотрела» на него. Билли чувствовал это кожей. Узкая, гладкая, без ручки — она была не просто дверью, а чем-то, что ждало реакции. Как капкан ждёт, когда в него ступит зверь.

Из-за неё снова донёсся голос матери.

— Уильям, открой. Ты же не оставишь меня здесь.

Билли сглотнул.

Память ударила с неожиданной силой: дом у реки, запах кукурузного хлеба, её руки в муке, тихий стук ложки о миску. И потом — похороны. Земля, которой он не хотел верить. И всё это так ярко, что он на миг почти забыл, где находится.

Оса заметила, как он изменился, и побледнела ещё сильнее.

— Это не она — сказала она жёстко, будто рубила верёвку. — Оно берёт всё, что ещё болит.

Билли медленно вдохнул. Сердце билось тяжело, но ровно.

— Я знаю — сказал он.

Из-за двери снова заговорили, теперь уже другим голосом — его собственным, детским:

— Билли, мне страшно.

Он закрыл глаза на миг.

— Чёрт.

Оса выругалась сквозь зубы.

— Вот так они и работают.

— Кто?

— Те, кто умеют жить в потере.

За дверью послышался тихий стук — не тот, что раньше. Мягкий, как постукивание костяшками маленькой руки.

— Ты же помнишь дом — сказала «мать». — Помнишь кухню. Помнишь, как я пела тебе, когда ты болел.

Билли сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Хватит!

Тишина.

Потом новый голос — Джейка. Совсем близко.

— Не слушай её, Уильям. Открой мне.

Оса резко шагнула вперёд и встала между дверью и Билли.

— Он пытается заставить тебя выбрать не то, что живо, а то, что знакомо.

Билли посмотрел на неё.

— А если там действительно кто-то есть?

— Тогда ты откроешь не сейчас. Сначала поймёшь, кто зовёт.

Это было единственное разумное, что он слышал за последние часы.

С другой стороны двери ударили уже сильнее. Каменный пол под ногами дрогнул.

— Уильям, — повторил голос матери, и теперь в нём появилась обида. Настоящая. Тонкая, почти невыносимая. — Ты даже мне не веришь?

И Билли на секунду действительно захотел открыть.

Не потому, что верил. Потому, что хотел. Хотел увидеть мать ещё раз, хоть в каком угодно виде. Хотел, чтобы всё это оказалось жестокой, но ошибкой. Хотел услышать, что дом всё ещё существует, что детство не было стёрто, что Джейк сейчас просто шутит где-то за спиной.

Но он уже знал цену такого желания.

— Нет, — сказал он.

Голос с той стороны замолчал.

Оса не шевелилась.

Билли медленно поднял руку и коснулся двери костяшками пальцев.

Холодная.

— Если ты там настоящая — сказал он в пустоту — скажи то, что знаешь только ты.

Пауза

Затем голос матери, очень тихий:

— Ты боишься воды.

Билли застыл.

Оса быстро посмотрела на него.

— Это что-то значит?

Он не ответил. Потому что это было правдой. Ненавидел ледяные реки с детства. После того случая у мельницы — когда он едва не утонул и Джейк вытащил его за воротник — он никогда не заходил в воду без необходимости.

Он медленно опустил руку.

— Ещё, — сказал он.

С той стороны послышался вдох. Затем:

— У тебя под правым коленом шрам. От конского копыта. Ты соврал отцу, что упал с забора.

Оса перевела взгляд на его ногу, будто подтверждая.

Билли сглотнул.

Это знала только мать. Или... кто-то, кто очень хорошо его знал.

— И что это доказывает? — спросила Оса.

Он не успел ответить.

Потому что голос матери вдруг изменился. Стал ниже. Глубже. И очень спокойным.

— Доказывает, что я умею носить то, что ты потерял.

Пыль посыпалась с потолка.

Билли резко отскочил от двери.

Оса выхватила посох, но было поздно: по шву двери пошла тонкая чёрная линия, как трещина в стекле. И из-за неё повеяло тем самым холодом, который Билли уже ненавидел больше смерти.

— Назад! — крикнула Оса.

Дверь начала распухать, будто с той стороны что-то упёрлось в неё плечом.

И тогда Билли увидел, как по полу под дверью медленно проступает тень. Не человеческая. Огромная. Длинные пальцы. Искажённая голова. Оно не выходило полностью — лишь примерялось.

Голос матери произнёс уже другим тоном

— Открывай, Уильям. Или я войду сама.

Билли вытащил револьвер.

— Попробуй.

Глава 22. Если она войдёт

Билли стоял, не моргая, и держал револьвер так, будто от этого зависела не только его жизнь, но и право помнить собственное имя.

Дверь дрожала.

Не от удара — от напряжения. Что бы ни было по ту сторону, оно уже не просто изображало мать. Оно пыталось стать ею до конца.

Оса быстро подошла к Билли и, не отводя глаз от двери, прошептала:

— Если это сорвётся, не стреляй в лицо. Это не поможет.

— А что поможет?

— Не подпускай к себе.

— Отличный план, — прошептал он в ответ.

Из-за двери снова послышался голос матери — уже спокойный, почти уставший:

— Уильям, зачем ты так со мной?

Билли крепче сжал рукоять револьвера.

— Потому что ты не она.

— А если я — всё, что осталось?

Эта фраза ударила сильнее любого выстрела. На мгновение Билли даже усомнился: ведь и Джейк говорил почти то же самое. В этих местах любая тень могла носить остаток человека как чужую рубаху.

Оса заметила его колебание.

— Не отвечай на такие вопросы, — резко сказала она. — Они всегда ловушка.

Дверь снова дрогнула. На дереве выступили тонкие, влажные пятна — словно изнутри к ней прижималось что-то живое.

Потом из-под двери выскользнули пальцы. Длинные, тонкие, белые, с ногтями, как обломки кости

Оса выругалась и ударила посохом по полу. Из камня вспыхнула светлая трещина, но пальцы лишь дёрнулись и вцепились в край двери.

Билли выстрелил.

Пуля попала в дерево рядом с пальцами, оставив дыру, из которой тут же потянуло чёрным дымом. Пальцы не отдёрнулись — наоборот, будто стали ещё смелее.

— Это не остановит — сказала Оса.

— А что остановит?

— Надо закрыть шов. Полностью.

Билли опустил взгляд на костяную иглу, всё ещё зажатую у него в ладони.

— Ты же сказала — нельзя распарывать до конца.

— И нельзя оставлять открытым. Выбирай, что хуже.

Билли резко выдохнул.

Под дверью уже протиснулась рука. Сначала ладонь, затем запястье. Рука была не материнская — слишком длинная, слишком гладкая, как будто её вырезали по памяти, а не по телу.

Из-за двери раздался тихий, странно ласковый смех.

— Уильям, — сказала «мать». — Ты всегда был таким упрямым.

Билли метнулся вперёд и вонзил иглу в шов двери.

Оса одновременно ударила посохом по полу, и по камню побежала яркая белая линия. Комната вздрогнула.

Рука дёрнулась, будто её ошпарили. Из-под двери вырвался визг — высокий, пронзительный, нечеловеческий. Билли не остановился: он начал тянуть иглу вдоль шва, стежок за стежком, словно распарывал шрам.

Дверь завывала.

Да, именно так — не заскрипела, а завывала, как живое. С другой стороны, что-то врезалось в неё, затем ещё раз. В комнате посыпалась пыль.

Оса держалась рядом, лицо её было белым от напряжения.

— Быстрее!

Билли стиснул зубы и рванул иглу сильнее.

Шов лопнул.

Дверь распахнулась на ладонь.

И из щели на них посмотрело лицо его матери.

На мгновение Билли почти закричал от боли — потому что это было слишком похоже. Те же глаза. Те же морщинки у рта. Та же нежность, от которой в детстве хотелось или плакать, или спрятаться под одеяло. Но лицо было слишком ровным. Слишком неподвижным. И глаза — пустыми, как у куклы, долго лежавшей в пыли.

— Уильям, — сказала она.

А потом улыбнулась.

И Билли понял: это не мать. Это что-то, что научилось носить её лицо лучше, чем он когда-либо помнил его сам.

Оса резко схватила его за плечо и дёрнула назад.

— Не смотри! — крикнула она.

Но было уже поздно.

Из щели вырвался холод.

Комната покрылась инеем за один вдох.

И «мать» протянула руку к Билли — очень медленно, почти ласково, как зовут ребёнка домой.

— Иди ко мне — сказала она.

Глава 23. Лицо из инея

Билли рванулся назад так резко, что едва не упал. Оса успела подхватить его за плечо, но сама зашаталась — холод из щели ударил в комнату, как открытая дверь в морозную ночь.

По полу пополз иней.

Не просто тонкий слой — белая корка, стремительно захватывающая камень, их сапоги, край плаща Осы. Воздух стал плотным, тяжёлым, каждый вдох резал лёгкие.

И всё же глаза Билли были прикованы к щели в двери.

Лицо матери там не исчезло. Оно оставалось неподвижным, слишком спокойным, как будто никакой угрозы и не было вовсе.

— Уильям, — снова произнесло оно мягко. — Подойди.

Билли стиснул револьвер.

— Нет.

Улыбка на лице стала чуть шире. И тут же Билли заметил, что за этим лицом нет тела. Только темнота. Пустота. И в этой пустоте что-то шевелилось, словно множество рук сплеталось в один силуэт.

Оса ударила посохом по полу, и тонкая светлая дуга пробежала по камню, отделяя их от двери.

— Не дай ему закрепиться! — крикнула она.

— Кому? — выдохнул Билли, хотя ответ уже чувствовал.

— Тому, кто влез в неё. В твою мать. В память. В жалость. Во всё, что ещё может заставить тебя шагнуть вперёд.

Лицо за щелью моргнуло.

И вдруг заговорило уже совсем другим голосом — глухим, безликим:

— Ты ведь хочешь знать, кто я.

Билли молчал.

— Я тот, кто остаётся, когда человек не может отпустить.

Оса, побледнев ещё сильнее, прошептала:

— Это не просто маска...

— Что? — Билли не отводил взгляда.

Она сглотнула.

— Это привязка. Старый способ. Очень старый. Оно не может жить без чьей-то памяти. Без чьей-то боли.

— Тогда я его выгоню.

Он поднял револьвер и выстрелил в щель.

Пуля угодила не в лицо, а в саму тьму за ним. И на миг изнутри двери раздался крик — совсем не человеческий, но с оттенком такого горя, что Билли на секунду замер.

Это было ошибкой.

Потому что лицо матери исчезло — и сразу же вместо него в щели выросло что-то другое: огромное, бледное, с длинной шеей и слишком тонкой улыбкой. Оно не помещалось в двери, но всё равно пыталось выйти.

Пальцы, уже протиснувшиеся наружу, начали вытягиваться, царапая камень.

— Назад! — крикнула Оса

Билли отшатнулся, но существо уже тянулось к нему, будто знало его запах. Его правая рука с револьвером дрогнула, пальцы онемели. И тогда он почувствовал — не увидел, а именно почувствовал — как имя внутри него снова начинает размываться. Словно кто-то брали кусок мела и стирал его с доски.

— Оно забирает меня, — прохрипел он.

Оса резко рванула к двери, схватила с пояса маленький мешочек и швырнула его в щель.

Раздался всплеск света.

Существо взвыло и отдернуло голову. Щель на секунду заполнилась белым дымом.

— Соль и железо, — процедила Оса. — Не вечный ответ, но сгодится.

Билли моргнул и сумел сделать вдох.

— Что это было?

— Старый след. Оно не любит старые правила.

Существо за дверью не исчезло. Только стало тише. Опаснее.

И в этой тишине раздался новый голос — Джейка.

На этот раз не из прошлого, не из воспоминания. Он звучал прямо над ними, с другой стороны трещины, будто кто-то стоял совсем близко.

— Билли.

Он поднял голову.

На верхнем крае двери, в полосе холода, появилась рука. Человеческая. Живая. И за ней — знакомый силуэт. Джейк.

На этот раз настоящий? Или ещё одна подмена?

Оса тоже увидела его и стиснула зубы.

— Не верь ему. Не после этого.

Джейк смотрел только на Билли.

Лицо его было бледным, усталым, почти прозрачным по краям — как будто он не до конца был здесь.

— Не пускай её дальше — сказал он тихо. — Это не мать. Это рот.

Билли не понял

— Что?

— Рот, — повторил Джейк. — Она ест тем, что зовёт тебя домой.

И тут Оса резко выдохнула:

— Ты можешь это слышать?

Джейк не ответил ей. Только посмотрел на Билли и чуть кивнул в сторону двери.

— Закрой. Сейчас.

Билли перевёл взгляд на щель. Рука, протиснувшаяся наружу, уже тянулась к нему, но теперь медленно, почти ласково. Вторая рука нащупывала опору.

— Как? — крикнул он.

— Тем же швом — сказал Джейк. — Но на этот раз до конца.

Оса резко шагнула к нему.

— Если зашьёшь до конца, что будет с тобой?

Билли посмотрел на неё, потом на Джейка, потом на дверь, где в белой пустоте шевелилось нечто слишком голодное, чтобы быть просто тенью.

Он уже знал ответ.

Глава 24. Зашить до конца

Билли держал костяную иглу так крепко, что ладонь онемела.

Щель в двери уже расширялась сама, будто то, что было внутри, не собиралось ждать его решения. Бледная рука тянулась наружу, пальцы скребли камень, оставляя на нём морозные борозды. Снаружи, из-за белого инея, всё ещё мерцало лицо матери — или то, что знало, как им быть.

Джейк стоял наверху, по ту сторону трещины, и смотрел прямо на Билли.

— Если закроешь сейчас — сказал он, — оно не уйдёт сразу. Но выйдет меньше.

— Меньше чего? — хрипло спросил Билли.

Джейк не ответил. Только бросил взгляд на Осу.

Она сжала губы.

— Не делай из этого загадку, — резко сказала она. — Говори.

Но Джейк не смотрел на неё

— Меньше того, что может носить лица, — наконец сказал он Билли. — И, возможно, меньше того, что помнит тебя.

Оса тихо выругалась.

— Ты уверен?

Джейк кивнул, но в его взгляде не было уверенности — только необходимость.

Билли перевёл дыхание. В груди всё стянуло: страх, усталость, остатки жалости к тому лицу за дверью, которое почти убедило его. Почти.

— Ладно, — сказал он.

Он подошёл к двери ближе, чем хотелось бы, и вставил иглу в уже разорванный шов. Пальцы дрожали. Холод бил в кости. Рука из щели вздрогнула, будто почувствовала опасность, и потянулась к нему быстрее.

Оса быстро встала рядом, подняв посох.

— Я прикрою.

— Если сорвётся — сказал Билли сквозь зубы, — бей чем угодно.

— С удовольствием.

Он начал вести иглу по линии шва.

Раз. Второй. Третий.

Камень под ногами задрожал.

Из-за двери вырвался низкий вой — уже не человеческий, но не совсем звериный. Как будто само пространство за дверью сопротивлялось, не желая снова быть закрытым.

Билли дёрнул иглу сильнее. Шов натянулся, как жила. На секунду дверь выгнулась внутрь, затем наружу. Из щели вырвался ледяной пар. Лицо матери исказилось.

— Уильям, — прошептала она, и на этот раз в голосе было не столько притворство, сколько ярость. — Не бросай меня.

Билли замер на полсекунды. И этого хватило.

Рука из щели схватила его за запястье.

Холод ударил мгновенно. Не просто холод — ощущение, будто из него вытащили часть памяти одним рывком. Он вскрикнул, выронил иглу, но Оса тут же ударила посохом по руке.

Рука не отпустила

— Держи! — крикнула Оса.

Билли изо всех сил рванул руку назад и, не думая, воткнул иглу прямо в тёмную ладонь.

Существо за дверью взвыло так, что заложило уши. Рука разжалась. Билли отшатнулся, упал на колено и тут же снова потянулся к шву. Теперь уже без пауз. Провёл иглу вверх. Потом вниз. Затем ещё раз, и ещё. С каждым стежком дверь темнела, как старый шрам.

Лицо матери дрогнуло. На миг оно стало его настоящей матерью — усталой, мягкой, с тем самым взглядом, каким она смотрела, когда он болел. И от этого было почти нестерпимо.

— Прости, — прошептал Билли, не зная, кому именно говорит.

Шов сомкнулся. Последний стежок вошёл в камень с резким щелчком.

И дверь, как раненое животное, содрогнулась всем корпусом.

Изнутри раздался крик — высокий, резкий, оборванный на середине. Потом тишина.

Пол под ногами перестал дрожать.

Иней на камне начал медленно таять.

Билли тяжело дышал, опираясь ладонью о стену. Рука, в которую вцепилось существо, пульсировала болью, но держалась. Оса стояла рядом, бледная, но живая, и смотрела на дверь с таким видом, будто та могла в любой миг снова вздохнуть.

— Получилось? — спросил Билли, не сразу веря собственному голосу.

Оса не ответила сразу. Потом очень тихо сказала:

— Да. Но не так, как хотелось бы.

Он поднял глаза на Джейка.

Тот стоял неподвижно, словно всё это время ждал именно этого момента. Лицо его было спокойным, почти печальным.

— Теперь ты выбираешь — сказал он.

Билли с трудом выпрямился.

— Выбираю что?

Джейк чуть кивнул на дверь

— Оставить её запертой. Или открыть, чтобы посмотреть, что осталось.

Оса резко обернулась к Билли.

— Не надо. Если дверь снова открыть после такого, мы можем выпустить всё, что ещё держится внутри.

Билли посмотрел на неё, потом снова на дверь.

В тишине было слышно, как где-то далеко в камне капает вода. Всё остальное будто замерло, ожидая его решения.

И тогда он понял: дело уже не только в том, что лежит за дверью. И не только в Джейке. Это был последний выбор — между незнанием и правдой, между тем, что можно выдержать, и тем, что нельзя забыть.

Он сделал шаг к двери.

Глава 25. Последняя дверь

Билли остановился в одном шаге от двери.

Она уже не дрожала. Стояла тихо, почти смирно, как будто всё, что было внутри, наконец устало сопротивляться. Но именно эта тишина пугала сильнее любого крика.

Оса не сводила с него глаз.

— Не делай этого — сказала она. Без злости. Просто как человек, который уже видел, чем заканчивается любопытство.

Джейк стоял по другую сторону трещины в воздухе, бледный и неподвижный.

— Ты не обязан, — тихо сказал он.

Билли провёл ладонью по лицу. Голова гудела, рука ныла, а в груди было странное, тупое чувство — не страх, не решимость, а усталость от слишком долгого сна, который никак не кончался.

— Я уже слишком далеко зашёл — сказал он. — Если там есть хоть что-то, что объяснит...

Он не договорил. Не смог.

Потому что понял: объяснение уже не обязательно. Он хотел правду не ради мира. Ради себя. Ради того, чтобы знать, что всё это было не бессмысленно.

Оса шагнула ближе.

— Иногда правда не лечит, Билли.

Он посмотрел на неё

— Зато она остаётся.

Эти слова повисли между ними.

Джейк отвёл взгляд, словно не хотел мешать.

Билли протянул руку к двери и положил ладонь на холодное дерево. На этот раз оно не отвечало холодом — наоборот, было почти тёплым, как кожа живого человека.

— Если ты откроешь — сказала Оса очень тихо, — назад пути не будет.

— А он и так не особо радовал, — буркнул Билли.

Даже в таком моменте на секунду получилось почти улыбнуться. Но улыбка быстро умерла.

Он нажал.

Дверь поддалась.

Всего на ладонь. Этого хватило, чтобы в щель хлынул свет — не слепящий, а мягкий, золотистый, как утро над прерией. Билли замер.

За дверью была комната.

Небольшая. Пустая. И очень знакомая.

Кухня.

Не настоящая — слишком узкая, слишком чистая, но узнаваемая до боли. Стол у окна. Старая скатерть. Кружка с отбитым краем. На спинке стула висела детская куртка.

И у плиты стояла его мать.

Настоящая? Или настолько настоящая, насколько это вообще возможно здесь — Билли уже не знал.

Она обернулась.

Лицо её было усталым, мягким и удивлённым, будто она и правда ждала его к ужину.

— Уильям, — сказала она.

Билли не двинулся.

Оса резко схватила его за рукав.

— Это не она.

Но Билли видел: нечто внутри комнаты было сложнее, чем ловушка. В воздухе чувствовалась память — не поддельная, а сохранённая. И всё же к ней примешивалось что-то чужое, тонкое, как запах гнили в цветах

— Мам?.. — вырвалось у него.

Женщина улыбнулась.

И в улыбке он увидел то, что искал всё это время.

Нет, не ответ.

Предупреждение.

Она подняла руку и показала на стол. На нём лежала папка. Та самая, о которой он не знал, пока не увидел. Старая, облезлая, с потрёпанным краем. На обложке — его имя. Полное.

Уильям Джейкоб Кинн.

Билли шагнул в комнату.

Оса резко дёрнулась вперёд.

— Билли!

Но дверь за его спиной захлопнулась сама.

Тишина стала абсолютной.

Мать не двигалась. Только смотрела на него — печально, как смотрят на ребёнка, который слишком поздно понял предупреждение.

— Ты нашёл — сказала она.

— Что это? — спросил Билли, с трудом узнавая собственный голос.

Она кивнула на папку.

— То, что осталось до того, как тебя начали звать иначе.

Билли медленно подошёл к столу и взял папку. Внутри — листы, фотографии, записи. Ещё не открывая, он уже чувствовал: это не только о нём. И не только о Джейке. Это было про всё, что происходило здесь до них.

Он посмотрел на мать.

— Ты... настоящая?

Она улыбнулась очень грустно.

— Достаточно.

Позади что-то шевельнулось. Билли обернулся и увидел, что Оса и Джейк остались по другую сторону двери — теперь будто за стеклом, хотя никакого стекла не было. Их лица становились всё дальше, как отражение в воде.

— Билли, — сказал Джейк, и голос его был уже очень тихим. — Не задерживайся.

— Что значит...

Но он не успел договорить.

Мать протянула ему ладонь.

— Если хочешь выйти — сказала она, — тебе нужно решить, что из этого ты берёшь с собой.

Билли опустил взгляд на папку.

И впервые за всё время понял: возможно, он не просто искал ответы. Возможно, именно ответы были тем, от чего ему следовало унести ноги.

Глава 26. Что брать с собой

Билли держал папку обеими руками, будто она могла рассыпаться в пыль, если сжать слишком сильно.

Комната была тихой. Слишком тихой. Кухонный свет тёплым пятном лежал на столе, но от него не становилось спокойнее — только яснее, насколько всё здесь не так.

Мать стояла у плиты и смотрела на него с усталой нежностью. Не так, как смотрят призраки в балаганных историях. Не так, как смотрят ловушки. Скорее как человек, который знает, что разговор уже опоздал на много лет.

— Что внутри? — спросил Билли.

Она кивнула на папку.

— То, что ты не хотел помнить.

Он открыл её.

Внутри были выцветшие документы, карта, газетные вырезки, несколько фотографий, и сверху — лист, исписанный аккуратным почерком, который он смутно узнал. Не Джейка. Отца.

На первой странице было: «Если со мной что-то случится, спрячьте это. Не отдавайте Уильяму, пока он не будет готов.»

Билли замер.

— Это... от него?

Мать опустила глаза.

— Да.

Он листнул дальше. Дата. Название каньона. Упоминание раскопок. Чужие имена. Потом записи о странных исчезновениях, о камне, о знаке в виде глаза, о «голосах, которые начинают отвечать, если долго спрашивать»

Чем дальше он читал, тем тяжелее становился воздух.

Отец знал.

Знал куда больше, чем говорил. И, судя по заметкам, пытался закрыть это место задолго до того, как Джейк туда полез.

— Почему мне не сказали? — тихо спросил Билли.

Мать долго молчала.

— Потому что ты уже был в списке.

Билли поднял голову.

Она не отвела взгляд.

— Когда такие вещи трогаешь слишком рано, они начинают использовать тебя как дверь. Твой брат понимал меньше, чем хотел. Ты — больше, чем нужно. Мы пытались уберечь хотя бы одного.

Он почувствовал, как внутри что-то проваливается.

— И Джейка вы тоже не уберегли.

Это было сказано почти без обвинения. От этого больнее.

Мать закрыла глаза на миг.

— Нет.

Билли перевёл взгляд на листы. Там был и его собственный почерк — старый, подростковый, неровный. Короткие строки, записанные, видимо, по приказу отца или из любопытства, которое уже было слишком близко к беде.

«Сегодня снова слышал стук в стене. Джейк смеётся, говорит, что это мыши. Но я знаю: это не мыши.»

Он помнил это.

Не как событие — как чувство. Неприятное, липкое. От которого тогда отмахнулись.

Билли закрыл глаза.

— Так вот почему...

— Да, — сказала мать. — Ты был рядом с этим раньше, чем думаешь.

Он снова посмотрел в папку. На дне лежал ещё один лист. Сложенный вдвое. На нём был рисунок: дверь без ручки. И под ней — одно слово.

«Выход»

Билли резко выпрямился.

— Это выход?

Мать не ответила сразу.

— Это был выход — сказала она. — Для одного.

Он смотрел на лист, потом на неё.

— Для меня?

Она кивнула очень медленно.

— Или для того, кого ты приведёшь вместо себя.

Это прозвучало как удар в живот.

Билли резко поднял голову. За его спиной, за тонкой границей комнаты, будто пошёл холодок.

В стеклянной, нереальной глубине он увидел силуэты Осы и Джейка. Оса выглядела напряжённой, Джейк — печальным.

— Что это значит? — спросил Билли.

Мать смотрела на него с той самой печалью, которая бывает у тех, кто знает слишком много.

— Чтобы уйти отсюда — сказала она, — кто-то должен остаться. Так было всегда.

Билли сжал лист.

— Нет.

— Да.

Он резко захлопнул папку.

— Я не собираюсь никого оставлять.

Мать мягко покачала головой.

— В этом месте не спрашивают, согласен ты или нет.

За дверью, где стояли Оса и Джейк, что-то стукнуло. Один раз. Потом второй. Не в дверь — в саму комнату. И Билли понял, что это место не ждёт его решения бесконечно.

Он перевёл взгляд на лист с надписью «Выход».

Потом на мать.

Потом снова на папку.

И вдруг вопрос, от которого всё зависело, пришёл сам:

— Если я уйду один... что случится с ними?

Мать посмотрела на него очень прямо.

— Не знаю. Но если ты останешься, случится то, что уже случалось раньше.

Билли застыл.

А за спиной, совсем близко, раздался знакомый голос Джейка:

— Билли, не слушай её. Смотри на знак.

Глава 27. Знак

Билли медленно обернулся.

Джейк стоял по ту сторону странной прозрачной границы — не совсем стекла, не совсем воды.

Его фигура дрожала, как отражение в жаре. Оса рядом с ним держалась за посох обеими руками и явно с трудом сохраняла спокойствие.

— Какой знак? — спросил Билли.

Джейк не ответил сразу. Он смотрел не на него, а на стены комнаты. На кухню. На старую плиту. На дверной косяк. И только потом — на стол.

— Под скатертью — сказал он.

Билли нахмурился и опустил взгляд.

Под кружевной скатертью, едва заметный, на деревянной столешнице был вырезан знак — тот самый глаз, но не один. Внутри него — ещё одна линия, похожая на трещину. И ещё одна. Как будто глаз смотрел не наружу, а внутрь себя.

— Я видел его раньше, — тихо сказал Билли.

Оса кивнула.

— Конечно. Ты был рядом с этим с детства.

Мать не вмешивалась. Только молча смотрела, как Билли медленно касается вырезанного символа кончиками пальцев.

Дерево было тёплым.

— И что он значит?

Джейк наконец сделал шаг вперёд, насколько позволяла граница.

— Это не просто знак. Это метка выхода. Но не для всех

— Для кого тогда?

— Для того, кто готов назвать не только своё имя, — ответил Джейк. — Но и цену.

Билли поднял глаза.

— Какую цену?

Оса мрачно усмехнулась.

— Вот это и есть самый плохой вопрос.

Билли перевёл взгляд на мать. Она стояла неподвижно, как будто ожидала, что он сам поймёт.

— Сколько ещё у меня вариантов? — спросил он.

— Два, — сказала мать. — И оба плохие.

Джейк резко кивнул на папку.

— Посмотри на последнюю страницу.

Билли открыл папку снова и достал последнюю бумагу. Это был не документ и не записка. Скорее короткое письмо. Почерк был отцовский, но дрожащий.

«Если дверь откроется, не смотри на того, кто попросит остаться. Он будет похож на меня. Или на Джейка. Или на мать. Это не важно. Важно, чтобы ты помнил: ни один из нас не должен быть причиной твоего выбора.»

Он перечитал ещё раз. И ещё.

Потом поднял голову.

— Кто это написал?

Мать закрыла глаза.

— Твой отец.

— Он знал, что это произойдёт?

— Он знал достаточно, — тихо сказала она.

Билли снова посмотрел на знак. Глаз смотрел из дерева, будто ждал, когда он догадается сам.

— И что значит цена?

Джейк ответил вместо всех

— Кто-то должен остаться здесь вместо тебя. Или ты забираешь место того, кто уже остался.

Оса резко напряглась.

— Нет.

— Это не вопрос — сказал Джейк. — Это правило.

Билли почувствовал, как по спине проходит холод. Он посмотрел на Осу, затем на Джейка, затем на мать. И вдруг понял, что они все — по-своему — говорят правду. Просто каждый знает только часть.

— Остаться кто? — спросил он.

Тишина.

Потом мать сказала очень тихо:

— Тот, кто ближе всех к двери.

Билли замер.

Оса побледнела.

— Не смей, — прошептала она.

Джейк закрыл глаза.

— Вот почему я сюда пришёл.

Билли посмотрел на него резко, почти зло.

— Что ты имеешь в виду?

Джейк поднял взгляд.

— Я уже остался однажды, Билли. Просто ты этого не помнишь.

И в этот момент пол под кухней дрогнул так сильно, что чашка на столе звякнула, а по стене прошла трещина.

Где-то совсем рядом что-то поднималось.

Глава 28. Тот, кто остался

Трещина на стене росла медленно, как живая.

Сначала тонкая нить. Потом развилка. Потом несколько ветвей, уходящих к потолку и полу. Билли смотрел на неё и понимал: это не просто камень трещит. Это место сдаёт позиции.

Оса резко отступила от невидимой границы и вцепилась в посох.

— Всё рушится — сказала она. — Билли, слушай меня внимательно: если кухня начнёт исчезать, не пытайся удержать её. И не хватайся за первого, кто позовёт.

— Отличный совет, — буркнул он, но голос сорвался.

Мать стояла неподвижно, только в глазах у неё появилась тревога.

— Времени мало — сказала она.

Билли перевёл взгляд на Джейка.

— Ты сказал, что уже остался однажды.

Джейк кивнул.

— Да.

— Где?

— Здесь. На этой стороне. Вместо тебя.

Билли нахмурился.

— Что это значит?

Джейк посмотрел на него усталым, почти виноватым взглядом.

— Когда всё началось, я пошёл первым. Ты был слишком молод. Отец пытался вытянуть нас обоих, но я — он сделал короткую паузу. — Я не вышел тогда. Не сразу.

Билли медленно покачал головой.

В памяти вдруг шевельнулось что-то неприятное: каньон, холод, крик, Джейк, который тянет его за руку, и затем — пустота. Но детали распадались.

— Ты врёшь.

— Нет, — тихо сказал Джейк. — Ты просто помнишь не ту версию.

Оса выругалась.

— Это место переписывает всё, что плохо закреплено.

Билли стиснул зубы.

— Тогда зачем вы мне это показываете?

Мать шагнула ближе к столу и провела пальцами по краю папки.

— Потому что, если ты уйдёшь сейчас, кто-то из нас должен остаться здесь, чтобы закрыть путь.

— И кто? — спросил Билли.

Ответ был слишком тихим, чтобы сразу поверить.

— Я, — сказал Джейк.

Билли резко поднял голову.

— Нет.

Джейк даже не моргнул.

— Да.

— Ты уже умер.

— Это не мешает.

— Хватит!

Билли ударил ладонью по столу. Папка подпрыгнула, листы разлетелись. В комнате стало ещё холоднее. По стенам пробежала новая трещина, и с той стороны, где стояли Оса и Джейк, пространство начало мерцать, словно ткань вот-вот порвётся.

— Я не позволю тебе снова остаться вместо меня — сказал Билли, тяжело дыша. — Ни в каком смысле.

Джейк улыбнулся — очень слабо, очень грустно.

— А я думал, ты наконец повзрослел.

— Не испытывай судьбу.

Оса вдруг резко шагнула вперёд и указала на знак на столе.

— Смотрите.

Билли и Джейк одновременно опустили взгляд.

Глаз в дереве изменился. Трещины внутри него сложились в буквы. Кривые, почти незаметные, но вполне читаемые: «НЕ ТОТ ОСТАЛСЯ.»

Билли похолодел.

— Что это значит?

Мать отступила на шаг, и впервые на её лице появилась настоящая тревога.

— Нет... — прошептала она.

Джейк резко обернулся к ней.

— Ты знала?

Она не ответила.

Билли посмотрел то на одного, то на другую.

— Что я пропустил?

Оса побледнела ещё сильнее.

— Если знак говорит правду... тогда твой брат не был тем, кто остался здесь вместо тебя.

Билли медленно перевёл взгляд на Джейка.

Тот стоял неподвижно. Слишком неподвижно.

— Джейк?.. — осторожно спросил Билли.

Брат поднял глаза.

И в них уже не было того уставшего тепла.

Только тьма.

— Наконец-то, — сказал он.

Глава 29. Наконец-то

Комната словно выдохнула.

Не воздухом — чем-то другим, тяжёлым и древним, как будто всё скрытое до этого наконец перестало притворяться. Билли отступил на шаг и тут же упёрся спиной в край стола.

Оса резко подняла посох.

— Назад, — сказала она. — Сейчас же.

Джейк — или то, что только что носило его лицо, — не двинулся.

Но теперь Билли видел разницу. Небольшую, почти незаметную, от которой становилось только страшнее: улыбка была чуть слишком ровной. Плечи — чуть слишком расслабленными.

А глаза... в них больше не было усталости. Только терпение.

— Ты не он, — тихо сказал Билли.

Существо улыбнулось шире.

— А ты наконец заметил.

Мать закрыла глаза, будто ей стало больно.

— Я пыталась..

— Не надо, — прервало её существо мягко. Голос всё ещё был джейков. — Ты и так достаточно долго держала меня здесь.

Билли сжал кулаки.

— Где мой брат?

Ответом было короткое молчание. Потом существо чуть наклонило голову.

— Там же, где и твоя память. В том, что ты назвал собой.

Оса резко ударила посохом в пол. По комнате разошлась белая трещина света, и фигура на миг дрогнула. Но не отступила.

— Оно вошло в него, — прошептала Оса. — Давно. Возможно, тогда же, когда Джейк пропал.

Билли покачал головой, не веря.

— Нет...

— Да, — сказал голос, уже не притворяясь мягким. — Он был удобен. Близок. Уязвим. И, главное, ты бы поверил именно его лицу.

Билли почувствовал, как внутри всё холодеет.

— Ты всё это время...

— Учился, — ответило существо. — На тебе. На ней. На твоём отце. На этом доме. На боли. На том, что вы называете любовью.

Мать вдруг шагнула вперёд.

— Хватит.

Существо посмотрело на неё с почти насмешливой нежностью.

— Ты устала — сказала оно. — Я помню.

Билли резко повернулся к матери.

— Ты знала, что это не Джейк?

Она не ответила сразу. И этого хватило.

— Мама...

— Я знала, что он изменился — сказала она тихо. — Но я надеялась...

— Надеялась на что?

— Что это ещё он. Хотя бы часть

Существо усмехнулось.

— Вот поэтому вы и проигрываете.

Стены зазвенели. Кухня начала расплываться по краям, как картина, которую мочат водой.

Стол растворялся в светлом тумане. Плита мерцала, скатываясь в пустоту.

Оса схватила Билли за руку.

— Всё начинает распадаться. Нужно уходить.

— Нет, — сказал он, не отводя глаз от существа. — Не без правды.

Существо сделало шаг вперёд, и Билли увидел в нём уже не только Джейка. В его лице проступили черты других: отца, матери, самого Билли в детстве. Оно собирало их, как колоду карт.

— Правда проста, Уильям — сказало оно. — Твой брат не спас тебя. Твой отец не всё знал. Твоя мать не смогла выбрать. А ты... ты всегда приходил последним.

Эти слова ударили, как нож.

Билли побледнел, но не отвёл взгляда.

— Тогда почему ты не уничтожил меня сразу?

Существо улыбнулось.

— Потому что ты был ключом.

Тишина.

Даже Оса замерла.

— Что? — прошептал Билли.

— Ты думаешь, тебя сюда привели случайно? — Существо наклонило голову. — Ты был нужен, чтобы открыть то, что не открывалось десятилетиями. Ты носил имя, которое связывает.

Ты был тем, кого можно позвать домой.

Мать закрыла лицо руками.

— Нет...

— Да, — ответило существо. — И теперь дверь снова открыта.

Билли почувствовал, как земля под ногами уходит. Не буквально — хуже. Как будто всё, что он считал собой, стало рыхлым.

Оса тихо, почти с отчаянием, сказала:

— Билли, если хочешь выбраться, сейчас.

Он посмотрел на неё, потом на мать, потом на существо. И понял, что выбора почти нет. Почти.

Глава 30. Ключ

Билли стоял посреди распадающейся кухни и чувствовал, как всё вокруг теряет форму.

Скатерть на столе уже превратилась в бледный туман. Край окна дрожал, будто был нарисован углём на мокрой бумаге. Мать выглядела всё более далёкой — не физически, а как человек, которого уносит из памяти во сне.

Существо в лице Джейка смотрело на него спокойно.

Слишком спокойно.

— Ты можешь закрыть это — сказал Билли, больше утверждая, чем спрашивая. — Поэтому ты и держал меня здесь.

Существо улыбнулось.

— Да. Ты был ключом. Но ключ — это не просто вещь. Ключ может и запереть, и впустить.

Оса шагнула ближе.

— Он пытается заставить тебя сделать то, что ему нужно.

— Разумеется, — сухо ответил Билли. — Впервые за день кто-то сказал мне что-то полезное.

Оса почти улыбнулась, но тут же снова стала серьёзной.

— Билли, у нас мало времени. Если эта штука расползётся дальше, ты уже не поймёшь, где выход.

Билли посмотрел на свои руки. Дрожали.

Потом — на папку, лежавшую на полу. На имя отца. На заметки. На последние строки про дверь.

«Если придётся выбирать, не выбирай того, кто просит остаться.»

Он поднял взгляд на существо.

— Ты говорил, что Джейк был удобен.

— Самый удобный из всех, — согласилось оно. — Близкий. Живой. Недолгий.

Мать резко вдохнула, будто эти слова ранили её сильнее, чем самого Билли.

— Не слушай его — сказала она. — Он хочет, чтобы ты поверил, будто всё было заранее.

— А разве нет? — спросил Билли.

Она молчала слишком долго.

И этого хватило, чтобы понять: не всё, но многое действительно было связано заранее. Не обязательно по чьему-то злому умыслу — иногда жизнь просто падает туда, где её легче сломать.

Оса вдруг подняла голову.

— Смотрите.

У самой дальней стены, там, где кухня уже почти растворилась в белом тумане, проступила новая дверь. Низкая. Узкая. Без ручки.

Билли нахмурился.

— Ещё одна?

— Это не дверь, — прошептала Оса. — Это выход.

Существо в лице Джейка резко повернуло голову к стене.

Впервые за всё время его спокойствие дрогнуло.

— Нет, — тихо сказал он.

Билли это заметил. И сразу понял: если оно боится, значит, там действительно есть путь.

— Что там? — спросил он.

Существо посмотрело на него, и в этот раз в его голосе впервые прозвучало раздражение.

— То, что заберёт тебя у меня.

Билли медленно выпрямился.

— У тебя?

Существо усмехнулось, но уже не так уверенно.

— У всего этого.

Оса шагнула к Билли и быстро, почти шёпотом, сказала:

— Если это выход, он будет стоить чего-то. И, возможно, очень дорогого.

— Я понял, — ответил он.

— Нет, — сказала она. — Ты только начинаешь понимать.

Стены кухни треснули ещё сильнее. Со стороны ложной двери потянуло воздухом — настоящим, холодным, пахнущим землёй и мокрой травой. Не тьмой. Не пеплом. Землёй.

Билли почувствовал, как сердце ударило сильнее.

Существо отступило на шаг.

— Не смей.

— Почему? — спросил Билли. — Бояшься потерять меня?

— Боюсь потерять дверь.

Этого было достаточно.

Билли кивнул Осе.

— Если это выход — я иду.

Она смотрела на него долго, потом коротко кивнула в ответ.

— Тогда идём вместе, пока он не успел закрыть.

Существо резко шагнуло вперёд, и кухня вздрогнула от этого движения. Лицо Джейка искажилось, будто под кожей что-то рвалось наружу.

— Ты не уйдёшь, — прошипело оно.

Билли поднял револьвер.

— Смотри внимательно.

И, не сводя глаз с существа, он сделал первый шаг к низкой двери в стене.

Глава 31. Дверь в землю

Билли шёл к низкой двери медленно, не отводя взгляда от существа в лице Джейка.

Тот не двигался. Только стоял посреди разваливающейся кухни, и с каждым мгновением его силуэт становился всё более неровным, как будто он не успевал удерживать форму.

Оса шла слева от Билли, посох держала наперевес.

— Не смотри на него долго, — тихо сказала она. — Он будет пытаться вспомнить тебя раньше, чем ты вспомнишь себя.

— Обнадёживающе.

— Я стараюсь.

Дверь в стене была почти вровень с полом. Узкая, тёмная, без ручки и без щели — только тонкая линия по краям, как если бы её закрывали не для людей, а для чего-то, что умеет просачиваться сквозь камень.

Подойдя ближе, Билли почувствовал запах сырой земли. Настоящей. Не той, что была внизу. Свежей.

Существо заметно напряглось.

— Не открывай — сказала оно уже другим голосом. Голосом Джейка, но с натянутой, странной ноткой страха. — Ты не знаешь, что там.

Билли остановился.

— А ты знаешь?

Молчание.

Оса тоже уловила это.

— Вот именно — сказала она. — Раз ты начал бояться, значит, тебе тоже не всё известно.

Существо подняло подбородок.

— Если он уйдёт, ты никогда его не найдёшь.

Билли нахмурился.

— Кого?

— Себя, — ответило оно. — Здесь ты хотя бы был связан.

Слова были мерзкие. Но в них была доля правды, от которой хотелось плюнуть и отойти. Билли сжал зубы.

— Мне хватит связи.

Он присел и нащупал край двери пальцами.

Она была тёплой.

Сзади раздался резкий вдох Осы.

— Подожди.

Он обернулся.

Она смотрела не на дверь, а на пол рядом с ней. На кухонный деревянный настил, который уже почти исчез в тумане. Там, где раньше ничего не было, теперь проступали следы.

Две пары.

Одна — его собственные.

Вторая — детские.

Билли замер.

— Что это?

Оса медленно опустилась на корточки и коснулась следа кончиками пальцев.

— Тебя здесь уже выводили.

Существо резко повернулось к ним.

— Не трогай это.

Билли смотрел на следы, не понимая.

— Кто?

Мать, стоявшая всё это время у плиты, наконец заговорила:

— Я.

Билли поднял голову.

Она выглядела усталой. Очень усталой. Но в её глазах не было лжи.

— Когда ты был маленьким, — тихо сказала она, — я уже однажды нашла эту дверь. И вывела тебя к ней. Не до конца. Только до порога.

— Что? — Билли нахмурился. — Зачем?

Она опустила взгляд.

— Чтобы ты не остался здесь, когда всё началось.

Оса посмотрела на Билли.

— Ты был ребёнком. Значит, эта штука уже знала тебя.

Билли медленно выпрямился.

В памяти что-то шевельнулось: холодная ночь, мать за руку, тяжёлый запах земли, маленькая дверь у подвала. И крик Джейка где-то далеко.

— Почему я этого не помню?

Мать ответила почти шёпотом:

— Потому что ты выбрал забыть.

Билли моргнул.

— Я?

— Ты плакал. Кричал, что не пойдёшь, если там Джейк. А потом... — она замолчала.

Существо вмешалось, резко и зло:

— А потом он попросил оставить дверь закрытой.

Билли повернулся к нему.

— Нет.

— Да, — прошипело оно. — Твой брат сам попросил. Потому что уже слышал, что живёт за ней.

В комнате стало ещё холоднее.

Оса медленно поднялась.

— Если это правда...

— Это правда — сказал Джейк-не-Джейк, и теперь его голос звучал почти человечески.

Почти печально. — Билли знал. Когда-то.

Билли смотрел на него, как на незнакомца.

— Тогда кто ты сейчас?

Существо улыбнулось очень устало.

— Последнее, что ты оставил рядом с собой.

Туман вокруг начал густеть, будто кухня снова пыталась закрыться. Дверь в стене тихо дрогнула.

Оса быстро шагнула вперёд.

— Билли, сейчас.

Он опустил ладонь на дверь.

И услышал оттуда — не голос, не стук, а знакомое дыхание. Спокойное, тяжёлое, живое.

Глава 32. Дыхание под землёй

Билли не сразу убрал руку с двери.

Дыхание за ней было спокойным. Не человеческим в привычном смысле, но и не совсем чужим. Ровное, медленное, как у спящего зверя, который давно знает запах того, кто стоит снаружи.

Оса стояла рядом, не мешая, но и не уходя.

— Чувствуешь? — тихо спросила она.

Билли кивнул, не отрывая ладони от тёплого дерева.

— Да.

— Тогда не обманывай себя. Что бы там ни было, оно ждало именно тебя.

Существо в лице Джейка стояло в нескольких шагах и уже не пыталось притворяться спокойным. Лицо его дрожало по краям, как плохо закреплённая маска.

— Не открывай, — повторило оно. Но теперь в голосе не было приказа. Только просьба. Почти отчаяние.

Билли медленно повернул голову.

— Почему ты боишься?

Существо не ответило сразу.

Потом тихо, будто через силу, сказала:

— Потому что там то, что я не смог сдержать.

Оса резко сжала посох.

— То есть ты знаешь, что там.

— Я знаю, что это было заперто не просто так.

Билли посмотрел на дверь. На следы у порога. На свою ладонь, на которой остался тёплый след дерева.

— Мама, — сказал он, не оборачиваясь, — ты правда выводила меня сюда раньше?

Она стояла у плиты, но теперь казалась совсем не частью комнаты — будто воспоминание, которому дали голос.

— Да, — ответила она.

— И я попросил оставить дверь закрытой?

Молчание длилось слишком долго.

— Да.

Билли закрыл глаза.

Это было хуже, чем если бы она солгала. Потому что часть его уже знала ответ. И от этого у него внутри всё холодело.

— Что было за дверью? — спросил он.

Мать ответила не сразу.

— Тогда я не вошла достаточно глубоко, чтобы увидеть всё. Но я слышала... стук. И голос Джейка. А потом твой. И ещё чей-то. То, что было там, умело говорить так, как нужно.

Оса тихо сказала:

— Оно уже тогда училось.

Существо резко дёрнуло головой.

— Хватит.

Билли открыл глаза и посмотрел на него.

— Ты ведь не мой брат.

— Нет.

— Но ты был рядом.

Существо замолчало.

И этого хватило.

Билли резко выдохнул.

— Значит, ты и есть то, что осталось после него?

— После него, — ответило оно глухо. — После тебя. После того, как ты ушёл и забыл.

Оса резко шагнула к нему.

— Хватит говорить загадками.

Существо повернулось к ней.

— Ты думаешь, он выбирал забыть сам? — тихо спросило оно. — Нет. Он выбрал не помнить, чтобы жить.

Билли почувствовал, как сердце пропускает удар.

— Что это значит?

Мать прикрыла рот ладонью.

Оса медленно повернулась к нему.

— Билли...

Он посмотрел на неё.

— Что?

Она с трудом подбирала слова.

— Есть воспоминания, которые не просто больно помнить. Они ломают саму форму человека.

И иногда... чтобы выжить, человек сам просит это у него забрать.

Билли долго молчал.

Потом произнёс очень тихо:

— Я сам это сделал?

Никто не ответил.

За дверью снова дыхание. Уже ближе. Потом лёгкий стук, как будто кто-то внутри подался вперёд.

Существо в лице Джейка внезапно отступило на шаг.

— Ты не должен открывать это — сказал он. — Не сейчас.

— Почему?

Существо подняло на него глаза.

— Потому что, если это увидишь, больше не сможешь делать вид, что был просто жертвой.

Эти слова вошли глубже, чем нож.

Билли медленно опустил взгляд на дверь.

На самом краю, едва заметно, проступили буквы — выцарапанные не снаружи, а как будто изнутри дерева. Он наклонился ближе.

«Не открывай, если не готов вспомнить, что ты сделал.»

Билли отшатнулся.

Оса резко вдохнула.

— Что там? — спросила мать, и впервые в её голосе прозвучал настоящий страх.

Билли посмотрел на всех троих по очереди.

И понял, что ответ — хуже любого чудовища.

Глава 33. Что ты сделал

Билли смотрел на выцарапанную фразу и чувствовал, как по спине ползёт ледяной холод.

«Не открывай, если не готов вспомнить, что ты сделал.»

Он не сразу понял, что именно в этих словах так страшно. Не обвинение. Не угроза. Даже не сам факт, что они были оставлены изнутри. Страшнее было то, что они звучали как предупреждение, которое он когда-то мог сказать сам.

Оса медленно подошла ближе, не сводя глаз с двери.

— Это не просто надпись — сказала она тихо. — Это якорь.

— Якорь чего?

— Памяти. Воли. Вины. Иногда такие места оставляют себе шрамы, чтобы люди не смогли выйти слишком легко.

Существо в лице Джейка стояло в стороне и молчало.

Слишком молчало.

Билли резко повернулся к нему.

— Ты знал об этом.

Существо не ответило сразу.

Потом тихо произнесло:

— Да.

— И не сказал.

— Потому что ты бы не дошёл.

Билли сжал кулаки.

— До чего?

— До правды, — ответило оно. — До того, что ты спрятал сам.

Мать закрыла глаза, будто ей было больно слышать всё это.

— Билли, — прошептала она, — не обязательно открывать дверь, если...

— Нет, — резко сказал он. — Уже обязательно.

Он сам удивился своему голосу. В нём была усталость, но уже не растерянность. Что-то в нём сломалось и, наконец, перестало гнить внутри. Если он действительно сделал что-то, что пришлось забыть, он должен знать. Иначе всё это — не путь, а бегство.

Оса медленно кивнула, будто поняла.

— Тогда делай это осторожно.

Билли снова положил ладонь на дверь.

Холод не пришёл. Вместо него возникло ощущение давления — как если бы с другой стороны стоял целый мир и ждал, когда он решится.

— Если я открою — спросил он, не отрывая руки, — что будет с тем, что внутри?

Существо ответило сразу:

— Оно выйдет.

— В каком виде?

Молчание.

Потом оно сказала:

— В том, который сумеет пройти.

Билли закрыл глаза.

— Прекрасно.

Оса положила ладонь ему на плечо.

— Ты не обязан делать это один.

Он посмотрел на неё.

— Здесь вообще кто-то может быть «не один»?

Она не ответила.

И тогда Билли понял главное: дверь не просто отделяет комнату от чего-то под землёй. Она отделяет его нынешнего от того, кем он был раньше.

Он потянул за край.

Дверь открылась на ладонь.

И в ту же секунду из щели ударил запах — не сырости, не земли, а старой крови, дыма и железа. Билли резко отшатнулся, но уже успел увидеть внутри не тьму, а пространство.

Там была комната.

Не такая, как эта. Не кухня. Не пещера.

Пустая, каменная, с низким потолком. И в центре — стол.

На столе лежала связанная верёвкой тетрадь.

А рядом с ней — ржавый нож.

И ещё что-то.

Билли не сразу понял, что именно он видит в дальнем углу. Затем рассмотрел.

Там, в тени, сидел мальчик.

Маленький. Худой. С грязным лицом. Он поднял голову, и Билли узнал себя.

Себя — слишком молодого, слишком испуганного.

Мальчик посмотрел на него и прошептал:

— Ты всё-таки пришёл.

Глава 34. Мальчик в углу

Билли застыл, не веря собственным глазам.

Мальчик в углу был худой, грязный, с разбитыми коленями и слишком большими для лица глазами. Тот самый возраст, в котором страх ещё не умеет прятаться, а только торчит наружу, как обломок кости.

Он смотрел прямо на Билли.

На себя.

— Ты... — Билли сглотнул. — Это невозможно.

Мальчик не ответил сразу. Только чуть подтянул к себе колени, словно стараясь стать меньше.

— Ты и раньше так говорил, — тихо произнёс он.

Оса резко втянула воздух.

— Не входи дальше.

Билли не двигался.

Внутри комнаты было почти светло, но свет этот казался мёртвым. Не дневным и не лунным — каким-то выцветшим, будто его слишком долго держали под камнем.

На столе лежала тетрадь, перевязанная верёвкой. Рядом — ржавый нож, и Билли уже понимал: это не случайный набор предметов. Это место помнит что-то, что он сам когда-то вытеснил.

Существо в лице Джейка смотрело на комнату с напряжением, которого Билли не видел раньше.

— Не говори с ним, — коротко сказал оно.

— С кем?

Существо не ответило. Но Билли уже понял: оно говорит не о мальчике.

Мальчик в углу медленно поднялся на ноги. Его движения были странно знакомы — чуть хромающие, осторожные, как у самого Билли после старой травмы. Он провёл ладонью по лицу и сказал:

— Ты обещал, что вернёшься.

Билли нахмурился.

— Я не помню этого.

— Конечно, — ответил мальчик. Без упрёка. Просто констатируя факт. — Поэтому ты и смог уйти.

Оса посмотрела на Билли очень внимательно.

— Что он имеет в виду?

Билли молчал. В голове вдруг вспыхнуло ощущение — не картинка, а состояние. Глухая паника. Холод под землёй. Чужая ладонь на плече. И кто-то говорит: «Если оставишь это здесь, сможешь жить».

Он резко выдохнул.

— Нет...

Мальчик кивнул.

— Да.

Существо в лице Джейка шагнуло к двери и резко сказал:

— Не слушай его.

— Почему? — спросила Оса. — Кто он?

Ответа не последовало.

Мальчик же сделал шаг ближе к столу и посмотрел на тетрадь.

— Ты спрятал меня здесь, — тихо сказал он Билли. — Чтобы я держал дверь закрытой, пока ты не уйдёшь.

У Билли закружилась голова.

— Я...

— Ты был старше, — спокойно продолжил мальчик. — И ты очень боялся.

Слова резанули по памяти. Не картинкой — ощущением. Билли вспомнил дрожащие руки.

Нож. Кровь на пальцах. И голос Джейка, который кричит где-то за стеной.

Он сделал шаг назад.

— Нет.

Оса схватила его за рукав.

— Билли, посмотри на меня. Дыши. Не дай этому тебя затянуть.

Но он уже смотрел внутрь комнаты, и там всё складывалось слишком быстро, слишком болезненно. Тетрадь на столе. Нож. Мальчик. Запах железа. Не чужая смерть — собственный выбор.

— Что я сделал? — хрипло спросил он.

Мальчик в углу поднял глаза.

И впервые в них было не только детское испуганное лицо. Там была усталость кого-то, кто слишком долго сидел в темноте.

— Ты оставил меня вместо себя — сказал он.

Билли почувствовал, как пол уходит из-под ног.

Оса медленно, почти шёпотом, произнесла:

— Билли...

Существо в лице Джейка вдруг закрыло глаза, будто это признание ему тоже было тяжело.

А из комнаты за дверью донёсся тихий звук — не стук и не дыхание. Смех.

Глухой, довольный, совсем не детский.

Глава 35. Тот, кто смеётся

Смех шёл не из комнаты.

Он шёл из глубины самого звука, из щели между камнем и памятью. Как будто кто-то слушал всё это давно и наконец получил то, что хотел.

Билли резко обернулся к темноте внутри двери. Мальчик в углу не шевелился. Только смотрел на него так, словно знал, что будет дальше.

— Что это? — спросил Билли, и голос у него сорвался.

Никто не ответил сразу.

Оса побледнела так, что стала почти серой.

— Вот почему нельзя было открывать до конца, — прошептала она.

Существо в лице Джейка стояло неподвижно, но Билли увидел, как по его шее пробежала тонкая тёмная трещина.

— Оно слышало — сказал он.

Билли нахмурился.

— Кто?

Ответ пришёл не словами. Из двери потянуло холодом, и мальчик в углу отступил назад, впервые явно испугавшись.

— Не смотри вглубь, — быстро сказал он Билли. — Не туда.

Но Билли уже смотрел.

За каменной комнатой, за столом, за тетрадью и ножом был ещё один слой темноты. И в нём — движение. Медленное, терпеливое. Как если бы кто-то очень большой сидел, поджав ноги, и всё это время ждал приглашения.

Смех повторился.

На этот раз ближе.

И Билли вдруг понял: это не просто звук. Это ответ.

Оса резко схватила его за плечо.

— Отступи от двери!

Он подчинился, но не от страха, а потому что понял: то, что внутри, уже знает о нём всё, что нужно. И больше смотреть туда — значит дать ему ещё один крючок.

— Что там? — спросил он, переводя дыхание.

Оса с трудом заставила себя заговорить:

— То, что было внизу до всех нас. До ящика. До знака. До твоего отца.

— Ты шутишь.

— Хотела бы.

Мальчик в комнате прижал ладони к ушам.

— Не надо, — прошептал он. — Если услышит твоё имя, оно начнёт искать тебя.

Билли обернулся к нему.

— Моё имя оно уже знает.

Мальчик покачал головой.

— Не это.

В ту же секунду существо в лице Джейка резко подняло голову.

— Закрой дверь! — выкрикнуло оно.

Но было слишком поздно.

Изнутри комнаты, из-за стола, из глубины тьмы, что-то сделало шаг.

Не человек.

Не тень.

Скорее сама форма голода, натянутая на слишком старую память.

В проёме промелькнула тонкая белая рука, потом ещё одна. И затем — лицо. Длинное, вытянутое, с улыбкой, от которой хотелось выдернуть себе глаза. Оно было почти пустым.

Почти без черт. Только рот — слишком широкий, будто ему всю жизнь приходилось смеяться, чтобы не развалиться.

И оно посмотрело прямо на Билли.

— Наконец, — произнесло оно голосом, который был сразу и его собственным, и голосом отца, и Джейка, и матери, и кого-то ещё, кого он не помнил, — ты открыл.

Мальчик в углу закричал.

Оса выхватила посох и ударила по краю двери. По стенам пошла белая трещина света, но существо внутри только усмехнулось.

— Слишком поздно — сказала оно.

Билли почувствовал, как изнутри что-то тянется к нему — не рукой, а вниманием. Как будто само его присутствие уже было приглашением. И тогда он увидел в комнате не только стол и тетрадь. На столе, под верёвкой, лежал ещё один лист.

На нём было написано:

«Если прочтёшь это, значит, ты — тот, кто остался.»

Глава 36. Тот, кто остался

Билли смотрел на лист и не дышал.

Слова на нём будто всплывали сами, проступали сквозь старую бумагу, как если бы кто-то писал их прямо сейчас — не чернилами, а страхом.

«Если прочтёшь это, значит, ты — тот, кто остался.»

— Нет, — прошептал он.

Голос вышел тихим, почти беззвучным, но в комнате его слышали все.

Существо за дверью улыбнулось шире.

— Да.

Оса резко шагнула вперёд, удерживая посох наготове.

— Билли, не читай дальше. Что бы это ни было, оно хочет, чтобы ты сам в это поверил.

Но было поздно. Билли уже видел следом ещё строки — неровные, торопливые, будто писавший спешил до того, как его прервут:

«Ты не просто ушёл. Ты согласился. Ты взял на себя то, что не мог вынести никто другой. Ты стал дверью.»

Билли отшатнулся, как от удара.

Мальчик в углу закрыл лицо руками.

— Не надо... — прошептал он.

Существо в лице Джейка выдохнуло.

— Теперь понимаешь?

Билли поднял взгляд.

— Нет.

— Это ты оставил меня здесь — сказал мальчик тихо. — Не наоборот.

Всё внутри Билли сопротивлялось этому. Но вместе с сопротивлением поднималось и другое — страшное, тяжёлое чувство узнавания. Не картинки. Не воспоминания. А знание, которое всегда было где-то глубоко, под всеми слоями забвения.

Он сам когда-то сделал выбор.

Не героический. Не красивый. Отчаянный.

Оставить часть себя, чтобы дверь не открылась.

И тогда стало понятно, почему он всё это время чувствовал, что за ним кто-то идёт. Почему голоса знали его. Почему Джейк был то рядом, то не рядом. Почему мать не могла смотреть ему прямо в глаза.

Он был не только тем, кого вытолкнули наружу.

Он был тем, кто заперся вместе с тем, что смеётся.

Оса медленно опустила посох, впервые за всё время не зная, что сказать.

— Билли...

Но он уже не слышал её толком.

Комната внутри двери начала шевелиться. Стол дрогнул. Тетрадь распахнулась. Нож на столе сам собой повернулся лезвием кверху.

Существо внутри наклонило голову.

— Ты вспомнил достаточно — сказала оно почти ласково. — Теперь решай: возвращаешься ли

ты ко мне... или берёшь своё место до конца.

Билли сжал кулаки.

— Я не твой.

Существо улыбнулось.

— Нет. Ты мой выход.

Тишина стала оглушительной.

И вдруг мальчик в комнате поднял голову. Его глаза были красными, заплаканными, но в них уже не было только страха.

— Если ты уйдёшь — сказал он Билли, — оно выйдет.

Билли смотрел на него.

— А если останусь?

Мальчик не ответил сразу.

Потом очень тихо сказал:

— Тогда ты наконец вспомнишь, почему попросил меня забыть всё это.

Глава 37. Почему ты попросил

Билли медленно опустился на одно колено у порога, не сводя глаз с мальчика в комнате. Тот стоял бледный, с заплаканным лицом, и всё в нём — дрожь рук, сжатые губы, испуганные плечи — было до боли знакомым. Не как воспоминание. Как вина.

— Почему? — тихо спросил Билли. — Почему я попросил забыть?
Мальчик смотрел на него так, будто ответ был и прост, и невыносим.

Оса не вмешивалась. Даже Джейк-существо молчало. Впервые за всё это время в комнате стало так тихо, что слышно было, как где-то далеко, под камнем, капает вода.

Мальчик сглотнул.

— Потому что ты понял, что не сможешь вынести правду и остаться собой.

Билли закрыл глаза.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который ты бы тогда принял.

Существо внутри двери усмехнулось, но теперь без радости — с чем-то похожим на старую, вьющуюся усталость.

— Он всегда был упрямым — сказало оно. — Даже когда ломался.

Билли резко открыл глаза и посмотрел на него.

— Заткнись.

Существо подняло руки, будто признавая его право на злость.

— Ты хочешь услышать правду? Хорошо. Ты сам привёл нас сюда. Не сразу, не по собственной воле в привычном смысле — но ты был тем, кто понял, что дверь нельзя держать силой. Нужно было отдать ей часть себя, чтобы она перестала брать всё.

Оса тихо прошептала:

— Ужасный способ.

— Но рабочий, — ответило существо.

Билли медленно перевёл взгляд на мальчика.

— Ты... это я?

Тот кивнул.

— Тогдашний.

— И ты остался здесь?

— Не весь, — ответил мальчик. — Только то, что ты не смог унести.

Билли почувствовал, как по спине пробежал озноб.

Всё складывалось слишком страшно. Слишком логично. Он помнил обрывки: крики, нож, каменную комнату, собственный голос, который просит Джейка не смотреть, не входить, не звать его по имени. И ещё — решение. Холодное, отчаянное, почти безумное.

— Я сам... — он не смог договорить.

Мальчик кивнул.

— Ты попросил оставить меня здесь, чтобы ты мог выйти и закрыть дверь снаружи.

Оса закрыла глаза.

Джейк-существо вдруг отвернулось, будто это признание задело даже его.

— Но тогда... — Билли не мог собрать мысль. — Тогда почему вы все врётё? Почему я помнил другое?

Мать заговорила наконец. Очень тихо:

— Потому что никто из нас не смог сказать тебе это после.

Билли повернулся к ней.

— Почему?

— Потому что, если бы ты вспомнил слишком рано, ты бы вернулся сюда добровольно. А мы... — голос её дрогнул. — Мы не могли снова потерять тебя.

Эти слова ударили сильнее, чем всё остальное.

Он посмотрел на мать, на Джейка, на Осу, на мальчика, и впервые в жизни почувствовал не просто боль — а странную, чёрную ясность. Он был не просто жертвой и не просто спасителем.

Он был частью механизма, который все они пытались удержать от повторного запуска.

Существо внутри двери постучало пальцем по столу.

— Время, — сказала оно.

Тётрадь на столе перевернулась сама собой. Из неё вылетел лист, и Билли увидел ещё одну строку, написанную уже другим почерком — детским, неровным, но его собственным:

«Если я забуду, значит, я ещё смогу уйти.»

Билли долго смотрел на эти слова.

И наконец понял, что это и было главным обманом.

Не то, что он забыл.

А то, что забывание когда-то казалось спасением.

Глава 38. Цена памяти

Билли смотрел на свою детскую строку и чувствовал, как внутри всё медленно сжимается.

«Если я забуду, значит, я ещё смогу уйти.»

Слова были его. Но теперь они звучали как чужая, слишком мудрая для ребёнка ложь. Ложь, которую он когда-то придумал не из наивности, а от ужаса.

Оса осторожно подошла ближе к порогу.

— Память здесь не просто воспоминание — сказала она. — Это крепёж. Если вытащить один гвоздь, начинает шататься всё.

Билли кивнул, не отрывая глаз от листа.

— Значит, я сам себя тут замуровал.

— Чтобы выжить, — тихо сказала мать.

Он резко повернулся к ней.

— И это, по-твоему, нормально?

Она выдержала его взгляд.

— Нет. Но иногда единственный способ не умереть — оставить часть себя там, где тебя не смогут достать.

Существо внутри двери усмехнулось.

— Красиво сказано. Почти правдиво.

Билли почувствовал, как злость поднимается волной, горячей и ясной.

— Ты заткнёшься, если я скажу?

— Возможно, — ответило существо. — Но тогда ты не узнаешь, кто из вас правда меня создал.

Тишина повисла тяжело.

Оса резко обернулась к Билли.

— Не поддавайся. Оно сейчас делает то, что умеет лучше всего: смешивает правду с ядом.

Но Билли уже думал не о нём.

Кто создал это место? Кто впервые назвал его дверью? Кто привёл сюда страх? Отец? Мать? Джейк? Он сам?

Он посмотрел на мальчика в комнате.

— Если я — тот, кто остался, почему ты здесь?

Мальчик медленно опустил взгляд.

— Потому что ты не смог взять с собой всё.

— Что именно?

Мальчик поднял глаза.

И в них была такая усталость, что Билли стало холодно.

— Вину.

Этого слова хватило, чтобы воздух стал тяжелее.

Оса замерла.

Мать закрыла рот ладонью.

Даже существо внутри двери на миг перестало улыбаться.

— Что я сделал? — спросил Билли очень тихо.

Ответил не мальчик. Ответила мать.

— То, что не должен был делать никто из нас.

Он смотрел на неё.

— Скажи.

Она долго молчала. Потом произнесла почти шёпотом:

— Когда всё пошло не так, ты остался с Джейком внизу, чтобы запереть дверь. Но дверь не брала только страх. Ей нужна была цена. И ты... ты выбрал не себя.

Билли нахмурился.

— О чём ты?

Оса побледнела, как будто уже поняла, к чему идёт разговор.

Мать продолжила, голос сорвался:

— Ты сделал так, чтобы оно взяло не тебя. А твоего брата.

Время остановилось.

Билли не сразу понял слова. Просто смотрел. Смотрел на мать, на Джейка-существо, на мальчика, на тетрадь, и мозг отказывался складывать это в смысл.

— Нет, — сказал он наконец. Очень спокойно. Почти беззвучно.

Мать закрыла глаза.

Джейк-существо повернулось к нему.

И в его лице впервые проступило что-то настоящее — не маска, не игра, не тень. Боль.

— Билли, — тихо сказал он. — Ты не хотел.

Но именно это было хуже всего.

Потому что, возможно, он правда не хотел. А значит, сделал это, не желая. По-детски. В отчаянии. По логике человека, который считает, что спасая одного, можно потерять другого и всё равно остаться хорошим.

Билли почувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Я — он не смог продолжить.

Мальчик в комнате прижал ладони к груди.

— Ты попросил забыть — сказал он. — Потому что иначе ты бы навсегда остался здесь.

Существо внутри двери тихо засмеялось. — Теперь уж точно.

И тогда Билли понял: дверь никогда не была просто дверью. Она была местом, куда сгрузили всё невыносимое. И он сам однажды выбрал быть тем, кто это выдержит — ценой брата, ценой памяти, ценой себя.

Но за этим осознанием пришло другое.

Если он всё это сделал, значит, он не просто жертва. Значит, у него есть право попытаться исправить.

Он поднял голову.

— Где Джейк на самом деле?

Глава 39. Где Джейк

На этот раз никто не ответил сразу.

Даже существо внутри двери молчало, и от этого тишина стала ещё тяжелее. Билли чувствовал, как все взгляды — живые, мёртвые, чужие — уперлись в него.

Он повторил, уже жёстче:

— Где Джейк на самом деле?

Оса медленно повернулась к матери.

Мать не выдержала первой. Её лицо дрогнуло, и Билли понял: ответ страшнее, чем он успел себе представить.

— Не здесь — сказала она наконец.
Билли нахмурился.
— Это не ответ.
— Это единственный, который у меня есть.
Существо в лице Джейка закрыло глаза.
— Она права.
Билли резко шагнул вперёд, забыв о пороге.
— Хватит. Либо вы мне сейчас скажете, либо я сам вытащу это из стен.
Оса быстро положила ладонь ему на плечо.
— Спокойно.
— Не сейчас.
— Именно сейчас.
Она говорила тихо, но твёрдо. И это, как ни странно, помогло.
Билли выдохнул, пытаясь не сорваться.
— Хорошо. Говорите.
Мать посмотрела на него долгим, болезненным взглядом.
— Джейк не умер в тот день полностью — сказала она. — Но и не выжил так, как должен был.
Часть его осталась здесь. Часть ушла с тобой. А часть... — она замолчала.
— Где? — спросил Билли.
Ответил мальчик в комнате.
— Внутри двери.
Билли замер.
— Что?
Мальчик смотрел прямо на него, и в его голосе уже не было детского дрожания.
— Ты оставил там не только вину. Ты оставил его имя. И пока оно лежало здесь, Джейк не мог вернуться целиком.
Билли почувствовал, как сердце ударило слишком тяжело.
— Ты хочешь сказать, что я запер его?
Мальчик кивнул.
— Не один. Но ты был последним, кто это сделал.
Существо в лице Джейка усмехнулось печально.
— Вот почему я всё время был «почти».
Билли закрыл глаза.
Всё, что он видел раньше, вдруг стало выстраиваться в другую линию: Джейк, который появлялся не до конца; голос за дверью; силуэт в зеркале; следы на земле; невозможность понять, что реально. Всё это было не просто игрой. Это была расплата за разделённое имя.
— Тогда почему он не вышел раньше? — спросил Билли, открыв глаза.
Мать ответила:
— Потому что дверь держалась не только на замке. На вашем соглашении тоже.
Билли уставился на неё.
— Соглашении?
Оса тихо сказала:
— Когда человек соглашается забыть, он часто ещё и соглашается не возвращаться.
Билли посмотрел на пол, на следы, на тетрадь, на нож. Руки у него дрожали уже не от холода.
— И что, теперь всё?
Существо внутри двери медленно улыбнулось.
— Нет, — сказала оно. — Теперь ты можешь выбрать, кого вернуть первым.

Билли резко поднял голову.

— Что?

Мальчик в комнате опустил взгляд.

— Если дверь откроется полностью — сказал он, — кто-то выйдет. Но не все сразу.

Оса сжала челюсти.

— Вот почему оно тянет время.

Билли смотрел на них, и ему казалось, что мир окончательно распадается на плохо склеенные части.

— Выходит, Джейк всё ещё где-то там.

Мать закрыла глаза.

— Да.

Билли перевёл взгляд на тёмную щель двери.

И впервые за долгое время почувствовал не только ужас. Ещё и надежду. Маленькую, хрупкую, опасную.

Если Джейк всё ещё где-то там, значит, он не совсем потерян.

Но чтобы дойти до него, придётся снова открыть то, что они закрывали годами.

Глава 40. Последний выбор

Билли стоял у порога и чувствовал, как надежда и страх рвут его в разные стороны.

Джейк всё ещё был там.

Не целиком. Не так, как раньше. Но достаточно, чтобы это меняло всё.

Оса смотрела на него с тревогой, понимая, что он уже почти принял решение — и потому боясь его сильнее, чем самой двери.

— Если ты откроешь её полностью, — тихо сказала она, — назад дороги может уже не быть.

Билли не сводил глаз с тёмной щели.

— А если не открою, он так и останется там.

Мать закрыла лицо ладонями.

Мальчик в комнате стоял неподвижно, будто знал: всё, что будет дальше, уже давным-давно случилось. Существо в лице Джейка улыбалось очень слабо.

— Вот и он, — пробормотало оно. — Твой любимый вопрос.

Билли медленно поднял голову.

— Что?

— Кого ты выбираешь на этот раз.

Оса резко шагнула вперёд.

— Не начинай.

Но существо не отступило.

— Он уже однажды выбрал. И теперь хочет знать, можно ли выбрать иначе.

Билли почувствовал, как злость поднимается вместе с болью.

— Я не выбирал смерть брата.

— Нет, — сказала существо. — Ты выбрал себе жизнь.

Эти слова ударили молчанием.

Билли ничего не ответил. Потому что где-то в самой глубине, под ужасом и отрицанием, он понимал: это, возможно, и есть правда. Не жестокая и не простая. Но его правда.

Он перевёл взгляд на мать.

— Если я открою дверь, Джейк выйдет?

Мать медленно опустила руки.

— Может быть.

— Не «может быть». Да или нет.

Она долго молчала. Потом очень тихо сказала:

— Да. Но не весь.

Оса выдохнула сквозь зубы.

— И всё же лучше, чем ничего.

Существо в лице Джейка резко посмотрело на неё.

— Ты слишком быстро принимаешь решения для человека, который не платил этой ценой.

Оса не дрогнула.

— Я уже платила. Просто не твоими глазами.

Билли опустил взгляд на свои руки. На них ничего не было, кроме трещин, царапин и следов чужого холода. И всё же именно они должны были решить.

Он вспомнил мальчика в углу. Себя. Маленького, напуганного, оставленного в темноте ради того, чтобы можно было выйти. И понял, что больше не хочет никого оставлять. Ни себя. Ни Джейка. Ни того, что было спрятано за дверью.

— Хорошо, — сказал он.

Оса напряглась.

— Билли...

Он поднял руку.

— Если есть шанс вернуть его, я его беру.

Существо в лице Джейка улыбнулось — и в этой улыбке было почти облегчение.

— Тогда открой.

Билли подошёл ближе и положил ладонь на дверь.

С другого стороны дыхание стало резче.

Мальчик в комнате сделал шаг назад.

— Когда дверь распахнётся, — тихо сказал он, — не задерживайся на том, что увидишь первым.

Билли медленно кивнул, хотя не был уверен, что понял.

Потом он потянул дверь на себя.

И в тот миг, когда щель стала шире, изнутри вырвалось нечто, что ожидало слишком долго.

Глава 41. Что вышло первым

Дверь распахнулась резко, будто её дёрнули с той стороны.

Изнутри ударил не холод — воздух. Настоящий, сырой, пахнувший землёй, мокрым камнем и чем-то давно забытым, почти домашним. Билли едва не сделал шаг назад, но удержался.

Первым наружу вышел свет.

Не яркий, не слепящий — бледный, рваный, как утренний туман над каньоном. Он залил порог, скользнул по полу и на мгновение сделал всё вокруг нереальным, как во сне.

Потом вышел мальчик.

Тот самый, маленький Билли. Он споткнулся на пороге, но не упал. На секунду поднял голову и посмотрел на взрослого Билли с таким выражением, будто сам не до конца верил, что это он.

Оса тихо выдохнула.

— Это...

— Я, — сказал взрослый Билли хрипло.

Мальчик кивнул, словно это было самым важным подтверждением на свете.

За ним из темноты показалась ещё одна фигура.

Джейк.

Но не тот, что стоял рядом с ними раньше. Этот был бледнее, прозрачнее по краям, как если бы его собрали из дыма, памяти и упрямства. Он зацепился рукой за край двери, посмотрел на Билли и вдруг улыбнулся — по-настоящему, устало и живо.

— Ты всё-таки пришёл — сказал он.

У Билли перехватило дыхание.

Он не знал, смеяться или говорить что-то, и потому просто шагнул вперёд и вцепился в плечо брата. Тот был холодным, но не мёртвым. Это было важнее всего.

— Чёрт тебя дери, — выдохнул Билли. — Чёрт тебя дери, Джейк.

Джейк коротко рассмеялся, и этот смех был как глоток воздуха после долгого утопления.

— Я тоже рад тебя видеть.

Мальчик стоял рядом, глядя то на одного, то на другого.

Мать прикрыла рот ладонью. В её глазах блеснули слёзы — впервые за всё время не от страха, а от того, что что-то наконец стало возможным.

И только Оса не расслаблялась.

Она смотрела в открытую дверь.

— Это ещё не всё, — тихо сказала она.

Билли, всё ещё держась за Джейка, обернулся. Внутри комнаты за дверью не было пустоты. Там стояла тень. Высокая. Неподвижная. И на этот раз не пытающаяся скрываться.

Существо, которое раньше носило лица, теперь стало собой. Без масок, без подмен. Лицо у него всё ещё менялось, но уже не скрывало голод — только усталую, древнюю злобу.

— Наконец-то, — произнесло оно. — Ты открыл не только дверь.

Билли медленно выпрямился.

— Не подходи.

Существо усмехнулось.

— Ты всё ещё думаешь, что контролируешь это?

Оса подняла посох, но существо не обращало на неё внимания.

— Ты вернул брата — сказала оно Билли. — И с ним часть того, что держало меня здесь.

Джейк напрягся.

— Билли, не слушай.

Но Билли уже понял главное: открыв дверь, он не просто выпустил Джейка. Он развязал узел окончательно. И теперь всё, что было заперто за ним, могло попытаться выйти.

— Что ты такое? — спросил он.

Существо улыбнулось.

— То, что вы называли ошибкой. То, что вы кормили страхом. То, чему дали слишком много имён, пока не забыли настоящее.

Оса тихо сказала:

— Оно не должно выйти.

— Я знаю, — ответил Билли.

Он перевёл взгляд на брата.

Джейк был слаб, но жив. Настолько жив, насколько вообще возможно после того, что с ним сделали. И этого хватало, чтобы Билли не отступил.

Существо сделало шаг к порогу.

И Билли понял: либо сейчас, либо никогда.

Глава 42. Имя для тьмы

Существо остановилось на пороге, будто само не решалось пересечь черту.

Оно смотрело на Билли так, как смотрят на дверь, которую наконец-то научились открывать с другой стороны.

— Ты всё ещё не сказал моего имени — произнесло оно.

Билли нахмурился.

— Потому что у тебя его нет.

Существо тихо, почти терпеливо усмехнулось.

— Ошибаешься. У всего, что живёт в памяти, есть имя. У страха — тоже.

Оса шагнула вперёд.

— Не разговаривай с ним. Оно хочет закрепиться в тебе снова.

— Уже пробовало, — сухо ответил Билли.

Джейк стоял рядом, опираясь одной рукой на стену. Мальчик-Билли держался чуть позади, глядя на тень в дверном проёме так, будто понимал её лучше, чем хотел.

Мать не вмешивалась. Только стояла, белая и тихая, с видом человека, который наконец увидел, что долго не решался назвать.

Существо чуть наклонило голову.

— Ты дал мне столько лиц, что почти забыл главное. Я — не ошибка. Я — место, куда складывают то, что невозможно удержать.

Билли сжал челюсть.

— Тогда я тебя закрою.

— Нет, — спокойно ответило оно. — Ты уже открыл. И это важнее.

Оса резко ударила посохом по полу. По камню побежала светлая линия, разрезая пространство между комнатой и тем, что было внутри двери.

— Билли, если собираешься что-то сделать, делай сейчас.

Он посмотрел на Джейка. На мальчика. На мать. На тень, которая всё ещё оставалась внутри.

Потом на свои руки.

И вдруг понял: оно ждёт не просто силы. Не ярости. Не выстрела. Оно ждёт, что он снова выберет забыть. Снова откажется от части правды, чтобы пережить происходящее.

Нет.

На этот раз — нет.

Билли шагнул к порогу и сказал очень отчётливо:

— Ты — не я.

Существо замерло.

— И не Джейк. И не мать. И не то, что я потерял.

Тень в дверях дрогнула.

— Я знаю, — продолжил Билли, чувствуя, как голос становится твёрже с каждым словом.

— Ты просто то, что осталось, когда мы перестали говорить правду.

На миг в тени промелькнуло что-то похожее на лицо — искажённое, голодное, обиженное.

Оно явно не ожидало такого ответа.

Оса поняла первой.

— Да, — прошептала она. — Не давай ему имени. Лиши его формы.

Билли кивнул и продолжил, не сводя глаз с существа:

— У тебя нет имени. Нет места. Нет лица. Ты не часть нас.

Тень затряслась.

Холод ударил по комнате, но теперь уже бессильно — будто воздух сопротивлялся.

Джейк поднял голову.

— Билли... ещё.

Билли понял. И сказал последнее:

— Я больше не ношу тебя.

Тень изогнулась, как пламя на ветру.

И затем — впервые — издала звук, похожий не на угрозу и не на смех, а на голый, лишённый формы крик.

Порог вспыхнул.

Свет изнутри двери ударил белым огнём, и тень начала сжиматься сама в себя, как ткань, которой больше не за что держаться.

Билли отступил на шаг, прикрыв глаза.

Когда он снова посмотрел вперёд, тень уже была меньше. Намного меньше. Не исчезла, но потеряла плотность.

Оса тяжело выдохнула.

— Получилось.

Билли не ответил. Он смотрел на дверь.

И на то, что всё ещё оставалось внутри.

Глава 43. Что осталось внутри

В комнате за дверью стало тихо.

Не мёртво тихо — по-настоящему тихо, как бывает после долгой грозы, когда воздух ещё дрожит, но уже не угрожает. Тень, которую Билли только что лишил формы, сжалась до узкого, беспомощного пятна в дальнем углу. Она больше не казалась древней и всесильной. Скорее испуганной.

Джейк стоял у порога и смотрел на неё без ненависти, но и без жалости.

— Ты не должен был говорить это вслух, — тихо сказал он Билли.

— Почему?

Джейк кивнул на тень.

— Потому что теперь она знает, что её можно не бояться.

Билли медленно перевёл взгляд на брата.

— Это плохо?

— Для неё — да.

Оса, всё ещё удерживая посох, оглядела комнату.

— Что осталось внутри? — спросила она.

Ответом стал мальчик-Билли.

Он стоял чуть позади взрослых, маленький и бледный, но с удивительно спокойным лицом.

Словно после всего, что произошло, он наконец перестал бояться задать правильный вопрос.

— То, что не ушло — сказал он.

Билли посмотрел на него.

— Ты?

Мальчик покачал головой.

— Не совсем.

Мать закрыла глаза, будто уже знала, что сейчас будет сказано.

Мальчик подошёл к столу и коснулся тетради.

— Здесь была не только дверь. Здесь был договор.

Билли нахмурился.

— С кем?

— С тем, что под ней, — ответил мальчик. — С тем, что ты попытался удержать, когда всё разваливалось.

Существо в углу задрожало, словно это слово его задело.

Оса мгновенно напряглась.

— Значит, оно не просто паразит. Оно связано.

Мать тихо кивнула.

— Да.

— С чем? — спросил Билли.

На этот раз ответил Джейк.

— С тем, что живёт под нами давно. С тем, что любая семья в этом месте называет своим, но на самом деле не знает, что это. Ящиком. Хозяином. Сном. Пустотой.

Билли слушал и чувствовал, как внутри снова поднимается холод.

— И ты это всё время знал?

— Частями, — сказал Джейк. — Не до конца. Как и все.

Тень в углу вдруг шевельнулась.

Она не пыталась напасть. Просто дрожала, как огонь перед ветром.

— Если договор ещё здесь, — тихо сказала Оса, — его можно расторгнуть?

Джейк посмотрел на Билли.

— Да. Но не без последствий.

Билли не отводил глаз.

— Каких?

Джейк ответил честно:

— Кто-то должен занять место договора. Или под ним что-то снова начнёт подниматься.

В комнате стало очень тихо.

Слишком тихо.

Билли почувствовал, как все смотрят на него. Не требуя. Не заставляя. Просто понимая, что выбор снова близко.

Он посмотрел на маленького себя. На брата. На мать. На Осу.

И понял, что вся эта история не о том, как кого-то вернуть. А о том, как перестать платить одним и тем же.

Тень в углу начала шевелиться сильнее.

Слишком сильно.

Будто что-то под ней просыпалось.

Глава 44. Под договором

Тень в углу дрогнула и поползла по полу, как разлитая чернилами вода.

Билли напрягся.

Оса подняла посох, но Джейк остановил её коротким жестом.

— Не надо — сказал он. — Это не атака.

— А что тогда? — резко спросила она.

Джейк не сводил глаз с тени.

— Это ответ.

Маленький Билли сделал шаг назад, вцепившись пальцами в край рукава. Мать побледнела ещё сильнее и смотрела в пол так, будто там проступали давно забытые имена.

Существо больше не было похоже на прежнюю маску. Оно сжалось до темного, дрожащего сгустка, почти бесформенного — но именно в этом виде стало ещё страшнее. Как если бы, потеряв лицо, оно решило показать то, что было под ним всегда.

Билли спросил тихо:

— Ответ на что?

Джейк повернулся к нему.

— На то, что под нами действительно просыпается.

— Ты говоришь о Хозяине?

— О том, что люди называли этим словом, когда не знали другого.

Оса нахмурилась.

— И это что-то слышит нас?

Джейк кивнул.

— Всегда слышало. Но теперь — особенно.

Из-под пола донёсся низкий, почти неразличимый гул. Не звук. Скорее ощущение, как дрожь в зубах перед ударом грома. Камень под ногами Билли едва заметно сдвинулся.

Мальчик-Билли поднял голову.

— Оно не любит, когда его называют.

Билли посмотрел на него.

— Почему ты говоришь об этом так спокойно?

Мальчик долго молчал.

— Потому что я уже был здесь дольше, чем ты думаешь.

Это было сказано без драмы, и от этого прозвучало страшнее.

Билли медленно перевёл взгляд на брата.

— Джейк...

Тот опустил глаза.

— Я тоже не всё помню. Но кое-что знаю точно: когда договор был заключён, кто-то согласился держать дверь закрытой изнутри. Не просто сторожить. Быть частью замка.

Билли почувствовал, как по позвоночнику проходит холод.

— Кто?

Джейк поднял взгляд.

— Ты.

Ничего не случилось сразу. Не было вспышки, крика, удара. Только густая, почти физическая тишина, в которой это слово стало тяжелее камня.

Билли долго смотрел на него.

Потом очень медленно спросил:

— Я?

Джейк кивнул.

— Да. Но не весь ты.

Мать закрыла глаза.

Оса выругалась шёпотом.

Маленький Билли смотрел то на взрослого себя, то на дверь, будто боялся, что сейчас кто-то из них исчезнет.

— Это значит, — тихо сказала Оса, — что часть Билли до сих пор является частью замка.

Джейк кивнул.

— И пока он здесь, договор держится.

Билли почувствовал, как всё внутри него сжимается в один узел.

Существо в углу, услышав это, вдруг тихо засмеялось.

Теперь его смех был слабым, но очень довольным.

— Вот почему ты не можешь уйти, — прошептало оно. — Вот почему дверь всегда знает твой голос.

Билли резко посмотрел на него.

— Заткнись.

Но уже было поздно. Всё сложилось.

Он не просто возвращал брата. Не просто раскрывал старую правду. Он распутывал место, частью которого оставался сам.

И если договор сломается окончательно, придётся решить: освободить себя — или удержать всё это дальше.

Из-под пола снова поднялся гул.

На этот раз громче.

Глава 45. Часть замка

Гул под полом стал глубже.

Он не просто звучал — он давил. Камень под ногами Билли еле заметно вибрировал, словно где-то внизу медленно проворачивалась огромная, проржавевшая шестерня.

Билли стоял неподвижно, пытаясь переварить услышанное.

«Ты часть замка.»

Эта мысль не укладывалась ни в страх, ни в память. Но тело, похоже, знало раньше головы: в груди у него всё сжалось, дыхание стало коротким и болезненным, а ладони вдруг вспотели.

Оса осторожно шагнула ближе.

— Билли...

Он не ответил. Только смотрел на Джейка.

— Ты знал это с самого начала? — тихо спросил он.

Джейк покачал головой.

— Не всё. Только то, что ты был связан с договором сильнее, чем мы.

— И ты молчал.

— Я... — Джейк запнулся. — Я думал, что если ты не вспомнишь, то не вернёшься сюда снова.

Билли медленно кивнул.

— Прекрасно. Просто великолепно.

Мать, стоявшая всё это время почти без движения, наконец заговорила:

— Мы все молчали.

Он перевёл взгляд на неё.

— Да. Я заметил.

В её глазах было столько вины, что злость на неё на секунду стала бессмысленной.

Мальчик-Билли тихо подошёл ближе и остановился рядом с дверью.

— Если ты часть замка — сказал он, — то ты можешь его закрыть.

Билли посмотрел на него.

— А если закрою, что будет со мной?

Мальчик не отвёл взгляда.

— Тогда ты останешься тем, кем был, когда согласился.

Оса резко выдохнула.

— То есть опять жертвовать собой?

Джейк ответил вместо него:

— Не совсем. Если Билли удержит договор, то может не исчезнуть. Но он перестанет быть... свободным.

Билли усмехнулся без радости.

— А когда я вообще был свободным?

Никто не ответил.

И это было, пожалуй, самым честным ответом.

Гул под полом усилился. Из тени в углу, где ещё оставалось существо, посыпались мелкие каменные крошки. Оно начало сжиматься, будто что-то снизу тянуло его обратно.

— Оно просыпается быстрее, чем мы думали — сказала Оса.

Джейк кивнул.

— Да. И если оно поднимется, оно не станет ждать наших споров.

Билли посмотрел на дверь, на комнату, на маленькую версию себя. На брата. На мать. На Осу.

И понял, что выбор уже не между собой и кем-то другим. Выбор между тем, чтобы снова всё запереть ценой части себя, и тем, чтобы наконец разрушить это место — с риском выпустить то, что было внизу.

Он медленно выдохнул.

— Что мне делать?

Джейк посмотрел на него очень прямо.

— Войти в дверь полностью.

Оса резко повернулась к нему.

— Ты с ума сошёл?

— Возможно, — спокойно сказал Джейк. — Но это единственный способ занять место в замке снова. По-настоящему. И не дать тому, что внизу, выбраться.

Билли чувствовал, как гул превращается в ритм. Как будто что-то огромное внизу уже просыпалось и прислушивалось.

Он посмотрел на маленького себя.

— Ты этого хочешь?

Мальчик кивнул.

— Я уже давно жду, когда ты перестанешь убегать.

Эти слова ударили сильнее, чем он ожидал.

Билли медленно шагнул к порогу.

И впервые за всю историю он не чувствовал, что идёт к ловушке.

Он чувствовал, что идёт домой.

Глава 46. Дом под землёй

Билли вошёл в дверной проём не сразу — сперва остановился на пороге, будто проверяя, выдержит ли его собственное решение.

Воздух внутри был странно знакомым. Не кухонным и не пещерным, а каким-то третьим: запах сырого камня, старого дерева и чего-то человеческого, давно запертого без света.

Гул под полом стих. Не исчез — просто замолчал, как зверь, который почувствовал, что на него смотрят.

Оса стояла снаружи, напряжённая, как натянутая нить.

— Если что-то пойдёт не так — сказала она, — не геройствуй.

— Постараюсь, — хмуро ответил Билли.

Джейк стоял рядом с Осиным плечом и выглядел необычно собранным. Впервые за всё время он не казался ускользающей тенью. Скорее человеком, который наконец-то решил не отступать.

Маленький Билли прошёл следом за взрослым и остановился у стола.

Мать осталась по ту сторону двери. Не потому, что не хотела входить — Билли видел это по её лицу. Просто, кажется, знала: если она сейчас перейдёт порог, что-то окончательно изменится.

Существо, сжавшееся в углу, перестало дрожать.

Оно уже не смеялось.

Оно наблюдало.

— Ты вернулся — сказала оно Билли.

Билли повернулся к нему.

— Нет. Я пришёл посмотреть, что ты спрятал.

Существо медленно подняло голову.

— То, что ты спрятал сам.

Это место и правда было странным: чем глубже Билли смотрел на стены, тем сильнее ему казалось, что он уже здесь бывал. Не как взрослый. Как мальчик. Как тот, кто когда-то дрожал в этом же самом воздухе и клялся себе, что больше никогда.

Стол в центре комнаты стал казаться не просто столом, а чем-то вроде алтаря. На нём лежала тетрадь, нож, и теперь — ещё одна вещь, которой раньше не было: маленький ключ, ржавый, с зубцами в форме глаза.

Оса нахмурилась, заглядывая в комнату снаружи.

— Я его не видела раньше.

Джейк тихо сказал:

— Потому что он появился, когда Билли вошёл.

Билли взял ключ.

Он был холодным, тяжёлым и абсолютно реальным.

— Что он открывает? — спросил он.

Мальчик-Билли ответил первым:

— То, что ты закрыл последним.

Существо в углу резко напряглось.

Билли посмотрел на него.

— Это о чём?

Существо впервые не захотело отвечать.

И этого хватило.

Билли пошёл вдоль стены. В камне едва заметно проступали линии — старые метки, зарубки, следы рук. На одной из плит он увидел знакомый символ: глаз, перечёркнутый трещиной.

Под ним была небольшая замочная скважина.

— Вот оно, — тихо сказал он.

Оса сразу напряглась.

— Не вставляй, пока не поймём, что это.

Джейк смотрел на символ слишком внимательно.

— Это не обычный замок — сказал он. — Это запор на договоре.

Билли обернулся.

— И если я его открою?

Джейк помолчал.

— Тогда договор ослабнет.

Маленький Билли шагнул к нему и очень спокойно сказал: 130

— Или закончится.

В комнате стало очень тихо.

Билли посмотрел на ключ в своей руке, потом на каменную плиту, потом на брата.

Ему казалось, что любой выбор сейчас будет неправильным. Но, возможно, неправильность и была частью этого места с самого начала.

И тогда он сделал то, чего от себя не ждал.

Он не вставил ключ.

Он положил его на стол.

Существо в углу сразу дёрнулось.

— Что ты делаешь?

Билли посмотрел прямо на него.

— Прекращаю играть по твоим правилам.

И, не отводя взгляда, он протянул руку к тетради.

Глава 47. Тетрадь

Билли взял тетрадь обеими руками и почувствовал, как бумага дрожит.

Не от ветра — от чего-то внутри. Словно страницы помнили, что их слишком долго не открывали.

Существо в углу напряглось так резко, будто Билли схватил его за горло.

— Не надо, — тихо сказала оно.

Билли поднял глаза.

— Вот как. Значит, это важно.

Оса из-за порога резко выдохнула.

— Билли, осторожнее.

Он кивнул, но уже открыл первую страницу.

Почерк был неровный, знакомый и в то же время нет. Как будто писал человек, которому приходилось торопиться, пока не передумал. На полях — даты, символы, короткие фразы. Не дневник. Скорее попытка удержать систему от распада.

На первой странице было: «Если ты это читаешь, значит, ты всё ещё часть замка.»

Билли медленно выдохнул.

— Ну конечно.

Он перевернул страницу.

«Договор держится на памяти, вине и имени. Имя — твоё. Вина — не только твоя. Память — то, что ты оставил себе в качестве замка. Если вернёшь всё сразу, откроется не только дверь.»

Оса резко напряглась.

— Там что-то про способ закрыть?

Билли листнул дальше.

Было ещё хуже.

«Чтобы расторгнуть договор, нужно вернуть не только то, что забрал. Нужно назвать того, кто первым предложил обмен.»

Билли нахмурился.

— Кто это писал?

Джейк ответил слишком быстро:

— Отец.

Билли поднял глаза.

— Уверен?

Джейк замолчал на полсекунды. Этого хватило, чтобы Билли понял: нет.

Маленький Билли подошёл ближе и заглянул через плечо.

— Это писал не он один, — тихо сказал он. — Здесь есть и твой почерк.

Билли посмотрел на страницу внимательнее. И правда: кое-где среди строчек проступали более грубые, детские, наклонные буквы. Его собственные. Как будто тетрадь собиралась из нескольких рук.

На следующей странице он увидел фразу, написанную его рукой:

«Я предложил Джейка.»

Билли застыл.

Воздух будто выскочил из груди.

Оса тихо сказала:

— Билли...

— Нет, — прошептал он.

Но строки продолжались:

«Не хотел. Не знал, что иначе нельзя. Мне сказали, что, если кто-то останется с дверью, остальные смогут выйти. Я поверил. Я выбрал Джейка, потому что думал, что так спасу всех.»

Комната качнулась.

Существо в углу улыбнулось — впервые с облегчением.

— Теперь ты помнишь.

Билли медленно опустил тетрадь.

Всё вставало на место — и от этого было ещё страшнее. Он не просто забыл. Он когда-то сам принял решение, которое стало началом всего. И уже тогда был достаточно взрослым, чтобы понимать цену.

Оса смотрела на него с болью.

— Ты был ребёнком.

Билли не ответил.

Потому что это не меняло факта.

На последней странице был ещё один текст. Короткий. Почти приговор.

«Если хочешь всё закрыть, нужно, чтобы тот, кто предложил обмен, отказался от своей части добровольно.»

Билли поднял взгляд на тень в углу.

Теперь он понимал, почему та так боялась.

Глава 48. Добровольно

В комнате стало настолько тихо, что Билли слышал собственное дыхание.

«Тот, кто предложил обмен, должен отказаться от своей части добровольно.»

Он перечитал фразу дважды. Потом ещё раз. Словно от повторения она могла изменить смысл.

Но нет — смысл был именно таким мерзким, каким казался сначала.

Оса первой нарушила тишину.

— И кто это был? — спросила она.

Билли молча поднял глаза на существо в углу.

Существо смотрело на него без улыбки.

— Ты думаешь, это был я? — спросило оно.

Билли не ответил.

— Нет, — продолжило оно. — Я был только тем, что приняло предложение.

Мальчик-Билли резко повернулся к нему.

— Но кто первым сказал «можно»? — тихо спросил он.

Существо медленно подняло взгляд — не на Билли, а чуть выше, будто туда, где комната, стена и потолок сходились в одну точку.

— Твой отец — сказала оно.

Мать, стоявшая за дверью, тихо ахнула.

Джейк резко выпрямился.

— Нет.

Существо продолжило, уже спокойнее:

— Он нашёл способ удержать дверь. Но не смог сделать это сам. Он предложил обмен.

А потом долго убеждал себя, что это временно.

Билли чувствовал, как внутри всё окаменевает.

— И ты согласился — сказал он.

Существо кивнуло.

— Я был голоден. Мне было легко согласиться.

Джейк сделал шаг вперёд, словно хотел войти, но остановился на пороге.

— А Билли? — спросил он. — Где он в этой истории?

Существо посмотрело на взрослого Билли почти с жалостью.

— Он пришёл последним. И потому стал самым удобным местом для шва.

Маленький Билли резко обернулся к взрослому.

— Это правда?

Билли не смог сразу ответить.

Потому что память снова начала собираться — кусками. Отец. Ночь. Джейк. Крик. Слова о том, что «если кто-то останется здесь добровольно, остальные смогут уйти». И его собственный отчаянный выбор, сделанный слишком быстро, чтобы понять последствия.

Он медленно кивнул.

Маленький Билли побледнел.

— Ты меня тоже оставил?

Эта фраза попала в самую болезненную точку.

Билли шагнул к нему.

— Нет. Я оставил не тебя. Я оставил ту часть, которая не могла выдержать.

Мальчик смотрел на него долго, потом очень тихо сказал:

— Это почти одно и то же.

Билли закрыл глаза.

Да. Почти.

Существо в углу зашевелилось.

— Добровольно, — повторило оно. — Так что же теперь? Кто из вас откажется?

Оса шагнула ближе к Билли.

— Не слушай его. Оно хочет, чтобы ты снова принял решение, которое разрушит вас всех.

Джейк посмотрел на Билли.

— Есть другой путь.

Билли открыл глаза.

— Какой?

Джейк помолчал.

— Если тот, кто предложил обмен, сам откажется от своей части, договор может схлопнуться без жертвы. Но для этого ему придётся признать, что он был не прав.

Билли усмехнулся горько.

— И это всё?

— Для некоторых — нет — сказала Оса.

Существо смотрело на них спокойно, почти с интересом.

— Признание — тоже цена.

Билли перевёл взгляд на тетрадь. На собственные строки. На имя брата. На всё, что было замуровано под слоями страха.

И понял, кого именно нужно спросить.

Он посмотрел на Джейка.

— Это ведь ты был рядом, когда я это придумал.

Джейк не отвёл взгляд.

— Да.

— Ты знал, что я сделал.

— Да.

— И всё равно остался.

Джейк замолчал. Потом очень тихо сказал:

— Потому что это был ты.

Билли почувствовал, как горло перехватывает.

Существо в углу медленно начало пятиться к стене, будто понимая, что разговор стал опасным не для Билли, а для него самого.

Оса тихо сказала:

— Билли, если ты хочешь закрыть это, тебе придётся сказать вслух то, что ты сделал. И, возможно, то, что ты хотел сделать тогда.

Билли посмотрел на брата. На маленького себя. На мать. На Осу.

И понял: добровольность — это не про согласие системы. Это про ответственность.

Глава 49. Сказать вслух

Билли стоял, не двигаясь, и чувствовал, как воздух в комнате становится тяжёлым от ожидания.

Даже тень в углу больше не пыталась шевелиться. Существо слушало. Ждало. Оно понимало: теперь всё зависело не от силы, а от слова.

Оса стояла рядом, но не мешала. Джейк молча смотрел на него с тем выражением, которое бывает у людей перед прыжком: не страх, не вера — неизбежность. Мать за дверью прикрыла рот рукой. Маленький Билли смотрел снизу-вверх, с тихой, почти взрослой усталостью.

Билли медленно вдохнул.

И выдохнул.

— Я — голос сорвался. Он попробовал снова. — Я предложил обмен.

Слова прозвучали глухо, но достаточно чётко. По камню прошёл низкий толчок, словно где-то далеко ответили.

Существо в углу вздрогнуло.

Билли продолжил, уже тише, но твёрже:

— Я думал, если кто-то останется здесь, остальные смогут уйти.

Маленький Билли закрыл глаза.

— Я выбрал Джейка — сказал взрослый Билли. — Не потому что хотел его потерять. А потому что решил, что так будет легче.

На последнем слове голос снова дрогнул. Но он не остановился.

— И я ошибся.

Комната содрогнулась.

Не сильно — как если бы кто-то внизу перевернулся во сне. Пыль посыпалась с потолка.

Тетрадь на столе раскрылась сама собой на нужной странице.

Оса резко выдохнула.

— Работает.

Джейк смотрел на Билли неотрывно. И в его глазах было нечто очень простое и страшное: подтверждение.

— Ещё, — тихо сказал он. — Скажи всё.

Билли кивнул.

Он чувствовал, что, если остановится, всё снова застынет на прежнем месте. А если продолжит, мир начнёт меняться. Не обязательно мягко. Но честно.

— Я хотел забыть — сказал он. — Я попросил забрать память, потому что не мог вынести того, что сделал.

Существо в углу издало низкий, раздражённый звук.

Билли повернулся к нему.

— И я больше не собираюсь прятаться за этим.

Эти слова были как удар по стеклу.

По стенам комнаты побежали тонкие белые линии. Не трещины — свет. Договор начал расплзаться.

Существо резко поднялось, его форма впервые стала почти цельной.

— Нет, — прошипело оно. — Не так.

Но Билли уже не слушал.

Он смотрел на Джейка.

— Я не хотел оставлять тебя там.

Джейк долго молчал. Потом очень тихо сказал:

— Я знаю.

Это было хуже любого прощения.

Потому что в этих словах не было упрёка. Только правда.

Маленький Билли вдруг сделал шаг к порогу.

— Тогда почему я всё ещё здесь? — спросил он.

Билли посмотрел на него.

И понял: часть его, оставленная здесь, не просто свидетель. Она держала шов. И если договор разваливается, этот ребёнок тоже может исчезнуть.

Он сделал шаг вперёд.

— Потому что я тебя ещё не забрал.

Оса резко повернулась к нему.

— Билли, осторожно.

Но он уже протянул руку к маленькому себе.

Существо в углу вскрикнуло так, будто это касалось его самого.

И в тот же миг свет по стенам вспыхнул ярче.

Глава 50. Забрать себя

Когда Билли коснулся плеча маленького себя, мир не взорвался — он дрогнул.

Это было хуже.

Потому что дрожь прошла по всему: по полу, по стенам, по воздуху, по памяти. Всё в комнате на миг стало неуверенным, как отражение в воде после брошенного камня.

Мальчик-Билли замер и поднял на него глаза.

В них не было страха. Только ожидание.

— Пойдёшь со мной? — тихо спросил взрослый Билли.

Мальчик не ответил сразу.

Оса резко вдохнула.

— Билли, если это привязка, то, возможно, у него нет отдельного выхода.

— Знаю, — сказал он.

Джейк шагнул ближе, но остановился у порога.

— Если заберёшь его целиком — сказал он, — часть замка уйдёт вместе с ним.

— Именно этого я и хочу.

Существо в углу зашевелилось так резко, будто его ударили.

— Нет, — выдохнуло оно. — Ты не понимаешь.

Билли повернулся к нему.

— Так объясни.

Тень дрогнула и стала плотнее, почти человеческой. В ней на секунду проступило что-то очень старое — не лицо, а усталость.

— Если ты заберёшь эту часть себя, — прошептало оно, — дверь перестанет знать тебя.

Билли нахмурился.

— Хорошо.

— Нет, — с нажимом сказал Джейк. — Не «хорошо». Это значит, что ты уже не сможешь закрывать её так, как раньше.

Оса сжала посох.

— И если она останется открытой?

Джейк не ответил. Ответ был очевиден.

Из-под пола снова поднялся тот самый гул. Глубже. Ближе. Теперь он шёл уже не просто из-под камня — он шёл из пространства между ударами сердца.

Мать за дверью тихо сказала:

— Билли, не спеши.

Он не обернулся.

— Я слишком долго спешил не туда.

Мальчик-Билли посмотрел на него внимательно и вдруг очень спокойно спросил:

— Ты правда хочешь меня вернуть?

Вопрос ударил сильнее, чем любой упрёк.

Билли сжал зубы. И не стал врать.

— Да. Но не так, как раньше. Не чтобы спрятать. А чтобы закончить.

Мальчик кивнул, будто это было именно то слово, которое он ждал.

Потом он сам взял Билли за руку.

И в тот же миг взрослый Билли понял: это не он забирает часть себя. Это часть себя выбирает идти.

Тетрадь на столе хлопнула страницами. Свет по стенам вспыхнул ослепительно. Существо в углу закричало — не от боли, а от потери контроля.

Оса резко шагнула ближе.

— Делай это!

Билли крепче сжал ладонь мальчика.

— Идём.

Комната вокруг них на секунду стала прозрачной.

А потом мальчик-Билли начал растворяться — не в дым, не в свет, а в самого Билли, как возвращение дыхания после долгой нехватки воздуха.

Билли зажмурился.

И услышал, как далеко-далеко, внизу, что-то огромное и старое впервые по-настоящему проснулось.

Глава 51. Проснувшееся внизу

Когда свет погас, Билли едва удержался на ногах.

Мир не исчез, но стал другим. Тяжелее. Чище. Как будто из него вытащили долго сидевшую занозу, оставив после себя боль, с которой можно было хотя бы жить.

Он открыл глаза.

Мальчик-Билли больше не стоял рядом отдельно. Его не было видно — но он ощущался внутри, как шрам, который перестал быть чужим.

Оса смотрела на Билли с осторожной надеждой.

— Ты это почувствовал? — спросила она.

Он медленно кивнул.

— Да.

Под полом что-то двигалось.

Не гул уже. Не дрожь. Именно движение. Огромное, сонное, просыпающееся. Камень под ногами стал слегка теплеть, будто где-то ниже разгорались старые угли.

Джейк напрягся.

— Поздно, — тихо сказал он.

Билли поднял голову.

— Что поздно?

Джейк смотрел в пол, а не на него.

— То, что мы держали, больше не держится на старой связке. Теперь оно знает, что часть замка ушла.

Оса резко выругалась.

— То есть мы освободили Билли и разбудили то, что под нами?

— В общих чертах, да, — сухо ответил Джейк.

Билли хотел злиться, но сил уже почти не осталось. Всё внутри него дрожало от того, что теперь он снова был целым — и это было почти невыносимо.

Мать за дверью слабо улыбнулась, хотя в этой улыбке было слишком много грусти.

— Ты вернул себе то, что потерял — сказала она. — Теперь не отдай это снова.

Он посмотрел на неё.

— Что будет с тобой?

Она не ответила сразу

Потом тихо сказала:

— Я здесь не так, как ты думаешь. Но пока дверь открыта, я могу быть рядом.

Этого было достаточно, чтобы Билли почувствовал, как в груди снова поднимается что-то человеческое. Не радость — но тепло.

Существо в углу вдруг дёрнулось и стало ещё меньше. Оно явно теряло силу.

— Нет, — прошипело оно. — Нет, нет...

Оса направила посох на тень.

— Оно слабеет.

— Потому что договор рушится — сказал Джейк. — Но вместе с ним просыпается то, на чём он держался.

Билли шагнул к столу и схватил тетрадь. Перелистнул несколько страниц. В последних записях почерк становился всё хуже, торопливее. И наконец он увидел строку, от которой у него похолодело:

«Если замок ослабнет, Хозяин начнёт искать того, кто сможет заменить меня.»

Билли медленно поднял голову.

— Заменить тебя?

Джейк не смотрел на него.

И это было ответом.

Оса побледнела.

— Джейк...

Тот наконец поднял взгляд.

— Я не просто остался внутри однажды, — тихо сказал он. — Я всё ещё держал это на себе. И теперь, когда Билли вернул себя, оно может попробовать взять меня.

Билли резко шагнул вперёд.

— Нет.

Джейк улыбнулся устало.

— Не спорь со мной. Это место любит выбирать слабое звено. И сейчас это я.

Из-под пола раздался новый звук.

Похожий на стон.

Похожий на имя.

Глава 52. Имя, которое зовут снизу

Звук повторился.

Не стон даже — скорее протяжное, влажное, тяжёлое произнесение чего-то, что пыталось быть словом. Билли почувствовал, как у него по коже пошли мурашки.

Оса резко подняла голову.

— Оно зовёт.

Джейк напрягся.

— Да.

Мать за дверью побледнела.

— Билли, не слушай, — быстро сказала она. — Что бы ты сейчас ни услышал, не отвечай.

Но было уже поздно.

Из-под пола поднялся едва различимый шёпот. Сначала бесформенный, потом всё более знакомый. Голос был похож сразу на несколько голосов, спаянных в один: отца, Джейка, маленького Билли — и ещё кого-то, кого он не мог вспомнить, но почти узнал.

«Иди сюда.»

Билли стиснул зубы.

Оса вцепилась в его рукав.

— Не смотри вниз.

— Я и не смотрю.

— Не отвечай.

— Я понял.

Но шёпот не прекращался. Он становился настойчивее, будто тот, кто говорил снизу, знал, как именно достать человека изнутри.

«Ты уже был здесь.»

«Ты уже выбирал.»

«Ты уже обещал.»
Джейк шагнул к Билли и резко сказал:
— Это не для тебя.
Билли посмотрел на него.
— Тогда для кого?
Джейк не ответил сразу.
И этого хватило.
Оса перевела взгляд с одного брата на другого.
— Для тебя, — тихо сказала она Джейку.
Он молча кивнул.
Мать закрыла глаза.
Билли почувствовал, как что-то внутри него снова поднимается — злость, страх, упрямство.
Нет. Не снова. Не ещё одна жертва.
— Нет, — сказал он.
Джейк посмотрел на него почти с благодарностью и почти с болью.
— Билли...
— Я сказал нет.
Голос снизу изменился. Слово «иди сюда» растворилось в новом шёпоте, низком и липком.
«Тогда пришли другого.»
Оса резко обернулась к двери, потом к Билли.
— Оно пытается найти обход.
Существо в углу, теперь почти прозрачное, слабо дёрнулось.
— Я же говорил, — прошипело оно. — Оно всегда ищет замену.
Билли почувствовал, как сердце стучит слишком быстро. Под ногами камень стал тёплым, почти горячим.
И вдруг он понял: это не просто зов. Это выбор, который пытаются навязать снизу. Если кто-то откликнется — дверь начнёт закрываться сама. Или открываться навсегда.
Джейк выпрямился.
— Если оно возьмёт меня, замок снова соберётся.
— Нет, — резко сказала Оса. — Не смей даже думать о таком.
Он посмотрел на неё очень спокойно.
— А у тебя есть лучшее решение?
Тишина.
Билли шагнул вперёд.
— Есть.
Все посмотрели на него.
Он сам не до конца знал, что скажет дальше, но чувствовал: решение уже где-то рядом. Не из тех, что красивы. Из тех, что не хочется произносить вслух.
— Если снизу нужен заменяющий... — Билли медленно перевёл взгляд на тень, на брата, на тетрадь. — То, может, мы перестанем выбирать одного.
Оса нахмурилась.
— Что ты имеешь в виду?
Билли посмотрел на камень под ногами.
— Что я больше не дам этому месту брать кого-то одного целиком.

Глава 53. Не одного
Оса смотрела на Билли так, будто пыталась понять, шутит он или уже начал сходить с ума.
— Это не ответ — сказала она.

— Нет, — спокойно ответил Билли. — Это начало.

Шёпот снизу усилился, словно он услышал их разговор и разозлился.

«Иди сюда.»

«Один.»

«Один должен остаться.»

Билли стиснул зубы.

— Нет.

Джейк повернулся к нему.

— Если ты хочешь сломать схему, нужно понять, на чём она держится. Это место любит одиночество. Разрыв. Оставление одного вместо остальных.

Оса кивнула медленно.

— Поэтому оно всегда выбирало жертву, которую можно отделить.

Билли посмотрел на тень в углу. Та уже почти исчезла, но ещё держалась — будто чувствовала, что исход решается не в её пользу.

— Тогда не надо отделять — сказал он.

Мать за дверью слегка приоткрыла глаза.

— Билли...

Он повернулся к ней.

— Я серьёзно. Если оно хочет замену, то получит не одного человека. И не чужого. Мы все станем частью одного решения. Вместе.

Тишина.

Даже снизу будто стало тише.

Оса первой поняла, к чему он ведёт.

— Ты хочешь сделать из этого общий замок?

Билли кивнул.

— Если место держится на том, что кого-то одного можно утащить и заменить, то пусть не сможет.

Джейк медленно вдохнул.

— Это рискованно.

— Всё, что мы делали до этого, тоже было рискованно, — сухо ответил Билли.

Маленький Билли внутри него — в памяти, в груди, где бы он ни был — тихо шевельнулся, как согласие.

Оса посмотрела на Джейка.

— Если попробовать связать это на нескольких якорях, оно может не выбрать одного хозяина.

— Может, — сказал Джейк. — Но тогда всем придётся удерживать часть веса.

Существо в углу издало тихий, злой звук.

— Вы не понимаете, что делаете.

Билли обернулся к нему.

— Тогда объясни.

Тень содрогнулась.

— Если вы свяжете всё вместе, граница перестанет знать, где кончается один и начинается другой.

Оса нахмурилась.

— И что?

Существо подняло на неё взгляд.

— А значит, вы не сможете больше разделить то, что живёт под землёй, и то, что живёт в вас.

Билли почувствовал, как холод пробежал по позвоночнику.

— То есть это будет жить в нас?
Ответом было молчание.
И этого было достаточно.
Джейк тихо сказал:
— Не полностью. Но след останется.
Оса медленно выдохнула.
— Плата всё равно есть.
— Конечно, — ответил Билли. — Но я устал платить поодиночке.
Снизу снова раздался зов. На этот раз не шёпот — удар. Глухой, тяжёлый, как если бы кто-то огромный ударил изнутри по самому основанию комнаты.
Пол под их ногами едва заметно качнулся.
Мать резко подняла голову.
— Оно пробует поднять дверь.
Джейк шагнул к порогу.
— Тогда решайте быстрее.
Билли посмотрел на Осу.
— Ты с нами?
Она выругалась — коротко, сердито, по-настоящему.
— К сожалению, да.
Он кивнул Джейку.
— Ты?
Джейк чуть улыбнулся.
— Я уже слишком далеко, чтобы отступать.
Билли перевёл взгляд на мать.
Она стояла в дверном проёме, бледная и уставшая, но в её взгляде было что-то почти твёрдое.
— Я тоже — сказала она.
Билли глубоко вдохнул.
— Хорошо. Тогда давайте сделаем это так, чтобы оно больше не смогло выбирать.
И внизу, под полом, что-то огромное впервые по-настоящему ответило.
Глава 54. Когда отвечает земля
Ответ пришёл не сразу.
Сначала была тишина — тяжёлая, странная, будто всё под землёй замерло и прислушалось.
Затем камень под ногами Билли чуть вздрогнул, и по полу прошла низкая вибрация.
Оса резко сжала посох.
— Вот оно.
Из-под пола поднялся глухой звук. Не голос. Не стон. Что-то между ударом сердца и далёким, огромным дыханием. «Да.»
Слово не прозвучало во рту. Оно пришло прямо в кости.
Билли замер.
Джейк напрягся.
— Не отвечай, — быстро сказал он.
Но уже было поздно. Не потому что Билли сказал что-то вслух — потому что место услышало, что он готов.
Мать за дверью резко побледнела.
— Оно признало вас.
Оса повернулась к ней.
— И что это значит?

Мать долго молчала.

Потом тихо сказала:

— Теперь оно может попробовать говорить через любого из нас.

Тень в углу дрогнула, как если бы именно этого и ждала. Но она уже была слишком слабой, почти без формы.

Билли медленно выдохнул.

— Отлично. То есть у нас не просто проблема под полом. У нас проблема в голове, в памяти и в голосе.

— Да, — сухо сказала Оса. — И это ещё не худший вариант.

Джейк шагнул ближе к порогу.

— Если мы хотим связать это вместе, нужно выбрать общий якорь. Что-то, что есть у всех нас.

Билли нахмурился.

— И что это?

Оса посмотрела на него странно.

— Семья.

Билли коротко усмехнулся.

— Замечательно. Самый нестабильный материал.

Но в этой шутке было слишком много правды, и никто не улыбнулся.

Мать медленно подняла руку и коснулась дерева дверного косяка.

— Семья уже держала это место раньше — сказала она. — Не потому что была идеальной.

А потому что была связана болью, которая не давала забыть.

Билли задумался.

— Значит, если мы привяжем это к нам всем...

— Оно не сможет вытащить одного, не затронув остальных, — закончила Оса.

Джейк кивнул.

— Но, если кто-то дрогнет, всё может пойти наизнанку.

— Как обычно, — пробормотал Билли.

Внизу раздался новый толчок. Сильнее. Уже явно не ответ, а нетерпение.

Стены комнаты за дверью чуть дрогнули, и тень в углу наконец совсем растаяла, оставив после себя только чёрное пятно на камне.

Билли посмотрел на него и понял, что времени больше нет.

— Что нужно сделать? — спросил он.

Оса подняла взгляд на тетрадь.

— Там должно быть указание. Что-то про совместный шов.

Джейк быстро взял тетрадь и пролистал к последним страницам. Его взгляд остановился на одной из записок, и он резко выдохнул.

— Здесь.

Он повернул страницу к остальным.

На ней было написано:

«Чтобы удержать то, что снизу, каждый должен назвать то, что он потерял. Не как жертву. Как признание.»

Билли долго смотрел на строки.

— И всё?

Джейк кивнул.

— Похоже на то.

Оса нахмурилась.

— Это не просто слова. Если назвать вслух то, что потерял, ты фиксируешь себя в общей ткани.

Мать закрыла глаза.

— И больше не сможешь сделать вид, что этого не было.

Билли опустил голову.

Ну конечно.

Не сила. Не ритуал. Не нож. Правда.

Он поднял взгляд на всех.

— Тогда начнём.

Глава 55. Что мы потеряли

Билли стоял в центре комнаты, а остальные — полукругом вокруг него, как будто собрались не для обряда, а для суда.

Тишина была такой плотной, что каждому слову предстояло пробивать её, как лёд.

Оса первой взяла себя в руки.

— Я начну — сказала она и, не глядя ни на кого, добавила: — Я потеряла дом. Не стены. Не крышу. Дом — как место, где тебе верят. Где тебя не требуют объяснять то, что ты ещё сама не поняла.

Билли посмотрел на неё и впервые увидел не только холодную собранность, но и то, что она прятала за ней.

Джейк кивнул.

— Я потерял время — сказал он тихо. — Ту часть себя, которая могла бы вернуться раньше. И, возможно, шанс всё исправить без этой цены.

Мать стояла очень прямо.

— Я потеряла уверенность, что могу защитить своих детей — произнесла она. — И потом потеряла одного из них. Или почти потеряла. Это не одно и то же, но иногда ощущается одинаково.

Билли почувствовал, как в груди что-то сжимается.

Теперь все смотрели на него.

Он долго молчал.

Потом медленно сказал:

— Я потерял брата. Сначала — так, что не мог это вынести. Потом — так, что не мог это вспомнить. И ещё я потерял право делать вид, будто это случилось без меня.

Последние слова вышли тяжелее всего.

Воздух в комнате дрогнул.

Не резко. Как ткань, по которой провели рукой.

Из-под пола поднялся низкий отклик. Не звук даже — чувство подтверждения.

Оса медленно выдохнула.

— Работает.

Билли ещё не успел ответить, как почувствовал это сам: что-то в комнате менялось. Границы, казавшиеся раньше разрозненными, начали проступать яснее. Не стены, не дверь — связь.

Джейк положил ладонь на каменный косяк.

— Теперь я.

Он закрыл глаза.

— Я потерял себя в чужой тени. И долго считал это ценой, которую надо просто пережить.

Мать тоже коснулась двери.

— Я потеряла иллюзию, что молчание спасает.

Оса добавила:

— Я потеряла веру, что можно пройти через это чистой.

Слова ложились друг на друга, как стежки.

И вдруг Билли понял: это и есть шов. Не магия. Не заклятие. Признание утрат, которые не дают этим людям разойтись в разные стороны. Под полом что-то снова шевельнулось. На этот раз не агрессивно. Скорее удивлённо. Будто оно не ожидало, что его можно удерживать не страхом, а общим названным горем.

Билли почувствовал, как по рукам проходит лёгкое покалывание — от кончиков пальцев до плеч.

Мать открыла глаза.

— Ещё один круг — сказала она. — И нужно назвать не только потерю. Нужно назвать то, ради чего мы всё ещё здесь.

Оса коротко кивнула.

— Согласна.

Джейк посмотрел на Билли.

— Начинай ты.

Билли вдохнул.

И впервые за долгое время не почувствовал, что слова — враг.

Глава 56. Ради чего мы здесь

Билли стоял, чувствуя, как по рукам всё ещё бегут остаточные покалывания после признаний.

Комната изменилась. Не сильно, но достаточно: воздух стал плотнее, а в камне под ногами появилось едва заметное ощущение устойчивости, будто их слова действительно что-то закрепили.

Оса первой нарушила молчание.

— Ну? — спросила она, глядя на Билли. — Ради чего?

Он медленно перевёл взгляд с неё на Джейка, потом на мать, потом — на дверь, за которой уже почти ничего не было видно, кроме серого света и глубины.

И ответ пришёл не сразу.

Не красивый. Не героический. Но честный.

— Ради того, чтобы больше никого не оставлять одного.

Тишина после этого была другой.

Не пустой, а собранной.

Джейк очень медленно кивнул.

— Хорошо.

Мать закрыла глаза, как будто это слово ударило ей в сердце сильнее, чем она ожидала.

Оса же только коротко выдохнула и, почти не улыбаясь, сказала:

— Наконец-то что-то человеческое.

Билли не обиделся. Впервые за долгое время это даже прозвучало как поддержка.

Джейк поднял руку и коснулся косяка двери.

— Ради чего я здесь? — тихо повторил он. — Ради того, чтобы не дать этому месту снова забрать тебя.

Билли нахмурился.

— Меня?

— И тебя, и нас всех, — ответил Джейк. — Но тебя — особенно.

Мать положила ладонь на дерево рядом с его рукой.

— Ради того, чтобы помнить — сказала она. — Не всё. Не так, чтобы ломало. Но достаточно, чтобы не повторять.

Оса чуть помедлила, а потом тоже коснулась косяка.

— Ради того, чтобы закончить дело, а не просто пережить его.

Теперь очередь дошла до самого Билли. Он уже знал, что сказать, но всё равно выдохнул это с трудом:

— Ради Джейка.

Брат резко поднял глаза.

Билли продолжил, глядя прямо на него:

— И ради того, чтобы вернуть то, что я однажды потерял из-за страха. Не имя. Не память.

А его.

На секунду в комнате стало совсем тихо.

Потом под полом раздался мягкий, низкий отклик. Не угрожающий. Скорее признательный.

Стены слегка дрогнули.

И вместе с дрожью Билли почувствовал — замок перестраивается.

Не разваливается. Не рушится. Перестраивается.

Оса это тоже поняла.

— Вот оно — сказала она негромко. — Шов держится.

Джейк закрывал глаза на миг, словно усталость, копившаяся годами, наконец начала отпускать.

Но затем — из глубины, далеко внизу, пошёл другой звук. Не стон. Не гул. Смех. Тонкий, злой, далекий.

Билли резко напрягся.

— Это ещё что?

Мать побледнела.

— Нет...

Оса вцепилась в посох.

— Оно не сдалось.

Джейк открыл глаза.

— Конечно, нет.

Смех стал громче. Не здесь — ниже. Гораздо ниже. И в нём было что-то новое: не сила, а обещание.

«Вы связали одно. Но не всё.»

Билли почувствовал, как холод снова ползёт по спине.

Потому что он понял: теперь они удержали дверь. Но то, что смеётся снизу, по-прежнему знает их имена.

Глава 57. Нижний смех

Смех не был громким.

В этом и была проблема.

Он приходил снизу тонкой, почти ласковой вибрацией, от которой холодело в зубах. Не угроза — обещание. Не удар — напоминание, что удар ещё возможен.

Оса встала так, чтобы видеть и дверь, и пол.

— Оно всё ещё там — сказала она тихо. — И оно смеётся не потому, что проиграло.

Джейк медленно выдохнул.

— Оно смеётся, потому что теперь знает, как мы держим шов.

Билли нахмурился.

— И что это значит?

Мать ответила первой, не отводя глаз от камня.

— Что мы дали ему форму.

Эти слова повисли в воздухе тяжело, как мокрая ткань.

Билли почувствовал, как внутри снова поднимается знакомое чувство — не страх даже, а усталое раздражение от того, что борьба, похоже, никогда не заканчивается.

— Прекрасно, — сказал он. — То есть мы не только удержали его, но и научили.

Оса коротко кивнула.

— Похоже на то.

Из-под пола пошла новая дрожь. На этот раз более ритмичная. Как если бы что-то огромное внизу проверяло, где у него теперь слабое место.

Джейк резко посмотрел на Билли.

— Оно не сможет взять одного, пока шов цел. Но может пытаться подточить связь.

— Каким образом? — спросил Билли.

Ответ был неприятно очевиден.

Мать сжала пальцы.

— Сомнением.

Тишина.

Потом Оса тихо выругалась.

— Логично. Гадость любит голову.

Билли устало потер лицо.

— Значит, чтобы держать всё это, нам нужно не просто быть вместе. Нужно ещё и не развалиться на подозрениях.

Джейк кивнул.

— Да.

Смех снизу снова шевельнулся, будто услышал их разговор и обрадовался.

«Не верьте друг другу.»

Слова не прозвучали напрямую. Они возникли у каждого в голове по-разному, но смысл был один.

Билли резко посмотрел на Джейка.

И тот, конечно, это заметил.

— Нет, — сразу сказал Джейк. — Не начинай.

— Я ничего не начинал.

— Вот именно. И это подозрительно.

Оса прикрыла глаза ладонью.

— Чудесно. Оно уже работает.

Мать, несмотря на всё, едва заметно усмехнулась

— Мы всегда были ужасной командой.

Билли тоже почти улыбнулся. Почти.

И в этом «почти» было главное: смех снизу не взял их сразу, не развалил их за минуту. Только подбросил зерно. А значит, они ещё могли сопротивляться.

Билли шагнул к центру комнаты.

— Тогда вот что — сказал он. — Если оно хочет нас разъединить, мы будем делать наоборот.

Всё, что оно шепчет, будем говорить вслух. Всё, что пугает, — проговаривать. Всё, что ломает, — не скрывать.

Оса посмотрела на него с редким одобрением.

— Неплохо.

Джейк кивнул.

— Это может помочь.

Мать медленно подошла ближе.

— Но не долго.

Билли посмотрел на неё.

— Почему?

Она взглянула вниз, на едва заметную трещину в полу.

— Потому что шов — это не тюрьма. Это переговоры. И то, что под нами, тоже это понимает.

Снизу снова донёлся смех. На этот раз чуть тише.

Почти довольный.

И Билли понял: что бы они ни делали, игра только началась.

Глава 58. Переговоры

Билли смотрел на трещину в полу и понимал: слово «переговоры» здесь звучит почти издевательски.

С другой стороны камня сидело что-то древнее, голодное и терпеливое. И всё же мать была права: их шов не был тюрьмой. Он был условием. Временем, купленным на общей правде.

Оса стукнула концом посоха по полу.

— И что теперь? Мы с ним садимся за стол?

— Если бы, — сухо сказал Билли.

Джейк стоял неподвижно, словно прислушивался не к комнате, а к чему-то гораздо более далёкому.

— Оно изучает нас — сказал он. — Как мы говорим. Как реагируем. Что скрываем.

Билли кивнул.

— Тогда надо дать ему меньше пищи.

Мать посмотрела на него с усталой гордостью.

— Наконец-то ты говоришь, как человек, который понял, что слова — это тоже замки.

Он почти фыркнул.

— Только сейчас заметил?

В другой ситуации это бы даже сработало как шутка. Но сейчас смех не мог стать лёгким — слишком плотная была тишина после него.

Оса присела у стены и стала рассматривать камень, словно искала ещё одну скважину или трещину.

— А если оно начнёт воздействовать не на нас, а на дом? — спросила она.

Джейк ответил сразу:

— Уже начинается.

По полу прошла новая, тонкая дрожь. Лампы — если можно было так назвать ту бледную кухонную светимость — мигнули. Стена у двери чуть повела себя странно, словно пыталась вспомнить, чем она была раньше.

Билли быстро понял, о чём он.

— Оно может менять место?

— Медленно, — сказал Джейк. — Но да.

Мать тихо добавила:

— И, если мы не удержим форму дома, оно найдёт щель.

Билли поднял взгляд.

— А если закрыть дверь?

Оса ответила раньше всех:

— Она уже не закроется так просто

Снизу донёлся тихий, почти вежливый стук. Тук. Тук. Тук.

Как будто кто-то снизу стучал по дну стола, прося его услышать.

Билли замер.

— Оно что, стучит?

Джейк побледнел.

— Нет.

— Тогда что это?

Мать закрыла глаза.

— Это не стук. Это счёт.

Оса резко подняла голову.

— Счёт чего?

Но ответ стал ясен почти сразу.

В комнате стало холоднее. Воздух словно начал стекать вниз. На стене, рядом с тетрадю, проступила новая строка. Не чернилами — инеем.

«Один уже назвал потерю.»

Под ней появилось второе:

«Один уже назвал ради чего.»

Третье возникло мгновенно.

«Теперь назовите, что вы не отдадите.»

Билли почувствовал, как всё внутри него напряглось.

Джейк посмотрел на строку и тихо выругался.

Оса усмехнулась без радости.

— Ну вот. Переговоры

Мать погладила деревянный косяк, как будто успокаивала дом.

— Оно хочет границу. Последний пункт.

Билли уставился на слова.

И понял: если они назовут это — они закрепят. Если промолчат — оно начнёт выбирать само.

— Что не отдадите? — спросил он тихо, больше у себя самого, чем у остальных.

Ответ был трудным. Потому что это была не вещь и не жизнь.

Это было самое личное.

И самое важное.

Глава 59. Не отдадим

Строка на стене ждала.

Не просто висела — ждала, как ждут ответа на вопрос, который уже слишком долго откладывали. Билли смотрел на неё и чувствовал: это не ловушка в привычном смысле. Это попытка заставить их самим определить границу.

Оса первой нарушила молчание.

— Ну? — тихо спросила она. — Что мы не отдадим?

Джейк стоял, скрестив руки, и выглядел так, будто его сейчас стошнит от самой идеи отвечать.

Мать провела пальцами по стене, будто проверяя, не дрожит ли камень.

— Я не отдам память о своих детях — сказала она наконец. — Ни ту, что причиняет боль. Ни ту, что спасает.

Билли медленно кивнул.

Оса задумалась всего на миг.

— Я не отдам своё имя тем, кто хочет использовать его как ключ.

Джейк поднял глаза.

— Я не отдам возможность выбраться ценой чужого исчезновения.

Билли слушал и чувствовал, как внутри него что-то выстраивается.

Потом пришла его очередь.

— Я не отдам Джейка — сказал он.

Тишина.

Даже смех снизу на мгновение исчез.

Джейк резко посмотрел на него.

Билли не отвёл взгляда.

— Не снова. Не как цену. Не как замену. Не как часть, которую можно оставить для удобства.

Мать закрыла глаза, и по её лицу пробежало облегчение, смешанное с болью.

Оса тихо сказала:

— Хорошо.

Но строка на стене не исчезла.

Вместо этого появилась новая: «Названо.»

И сразу под ней: «Принято.»

Пол под их ногами едва заметно качнулся.

Билли нахмурился.

— Это хорошо или плохо?

— И то, и другое, — ответила Оса. — В зависимости от того, кто принимает.

Из-под пола поднялся знакомый, низкий гул. Но теперь он был не агрессивным — скорее внимательным. Как будто что-то действительно услышало их и теперь проверяло, насколько серьёзно они это сказали.

Джейк медленно выдохнул.

— Оно будет пытаться толковать это по-своему.

— Пусть попробует, — сухо сказал Билли, хотя сам не был уверен, хватит ли у них сил выдержать следующую волну.

Стена у двери затрещала. Сначала чуть слышно. Потом громче. Мать напряглась.

— Что-то меняется.

Оса шагнула ближе к Билли.

— Билли, если это правда что-то закрепило, значит, мы можем использовать это.

Он повернулся к ней.

— Использовать как?

Она медленно подняла глаза на дверь.

— Как ответный ход.

Глава 60. Дверь остаётся

Трещина на стене росла уже не как угроза, а как след.

Билли смотрел, как камень меняется: не рушится, не распадается — отзывается. Дом под землёй, дверь, шов, память, всё это наконец перестало быть ловушкой и стало тем, чем было с самого начала: выбором, за который слишком долго платили молчанием.

Оса стояла рядом, с посохом опущенным, но не убраным. Джейк держался у порога, уже не как тень и не как призрак, а как человек, который прошёл слишком далеко, чтобы снова исчезнуть без следа. Мать — бледная, усталая, настоящая — всё ещё оставалась по ту сторону, но теперь между ними не было расстояния, которое нельзя было бы вынести.

И тогда Билли понял: им не нужно победить это место. Им нужно перестать отдавать ему себя по частям.

Снизу снова поднялся тот древний холодный зов. Но на этот раз он не был сильнее их слов.

Оса первой шагнула к двери.

— Если оно хочет договор — сказала она, — пусть услышит его до конца.

Джейк коротко кивнул.

— Без обмена.

Мать коснулась косяка ладонью.

— Без лжи.

Билли посмотрел на них и вдруг очень ясно почувствовал, что всё, что было потеряно, не обязано остаться потерянным навсегда. Не всё. Не так, как в сказках. Но достаточно, чтобы жить дальше не в тени собственного страха.

Он сделал шаг вперёд и сказал вслух то, что было важнее всего:

— Я никого больше не оставляю

Слова прозвучали просто. Без пафоса. Но именно они заставили комнату вздрогнуть.

Стена у двери вспыхнула тонкой белой линией, будто шов, который держали десятилетиями, наконец затянулся. Где-то глубоко внизу раздался последний, глухой удар — не яростный, а почти обиженный. Потом ещё один. И тишина.

Не пустая. Настоящая.

Оса медленно выдохнула.

— Кажется, это сработало.

— «Кажется»? — устало спросил Билли.

Она посмотрела на него с неожиданно мягкой улыбкой.

— После всего, что было, это уже почти гарантия.

Джейк опустил глаза и усмехнулся.

— Я бы не назвал это надёжным планом.

— Зато честным — сказала мать.

Мальчик-Билли — уже не отдельный, уже почти растворившийся в нём, но всё ещё ощущаемый как часть самого себя — тихо шевельнулся внутри, как напоминание: помнить не значит тонуть.

Билли подошёл к двери и провёл пальцами по дереву.

Оно было тёплым.

Не живым в страшном смысле. Живым так, как бывает жива вещь, пережившая тех, кто её создал.

Дверь оставалась.

Но теперь она больше не была угрозой. Она была границей. Памятником. Предупреждением. И, возможно, обещанием.

Мать тихо сказала:

— Ты знаешь, что теперь будет тяжело.

Билли кивнул.

— Да.

— И ты не всё вспомнишь сразу.

— Знаю.

— И, возможно, часть тьмы всё равно останется.

Он посмотрел на неё, на брата, на Осу.

— Пусть. Лишь бы не одна.

Оса хмыкнула.

— Вот теперь ты правда начинаешь понимать.

Джейк шагнул ближе и впервые за долгое время не отвёл взгляд.

— Ты справился, Билли.

Билли слабо улыбнулся.

— Не в одиночку.

— Именно, — сказала мать.

За дверью, наверху, где-то далеко существовал нормальный мир. Слишком обычный, чтобы когда-нибудь полностью понять, что случилось здесь. И всё же Билли знал: он туда вернётся.

Не как тот, кто всё забыл. Не как тот, кто всё простил.

Как тот, кто наконец перестал отдавать себя тьме по кускам.

Он повернулся к остальным и тихо сказал:

— Пора домой.

И на этот раз это не было обещанием, которое нужно было заслужить. Это было просто правдой.

Дверь осталась за спиной.

Но больше она не держала его.

А впереди был путь — долгий, тяжёлый, человеческий.
И этого было достаточно.

Эпилог

Дом наверху выглядел почти так же, как и прежде. Почти.

Это «почти» Билли замечал во всём: в скрипе ступеней, в слишком тихих углах, в том, как свет утром ложился на кухонный стол. Ничто больше не было совершенно прежним, но и не казалось сломанным. Скорее — заново собранным из того, что удалось спасти.

Он не вспоминал всё сразу.

Некоторые вещи возвращались обрывками: запах сырой земли, тетрадь, рука Джейка, голос матери, собственный детский страх. Иногда память приходила во сне. Иногда — в самый неподходящий момент, когда он просто пил кофе или смотрел в окно. Но теперь это не ломало его. Теперь это было частью жизни, а не пропастью под ней.

Джейк остался.

Не как раньше. Не как тень, не как призрак, не как постоянное присутствие. Но достаточно, чтобы иногда сидеть рядом молча, пока Билли чинил забор или перебирал старые бумаги.

Иногда они говорили о пустяках. Иногда — о том, о чём говорить было труднее всего. И этого хватало.

Оса уехала не сразу.

Она задержалась на несколько дней, потом на неделю, а потом просто стало ясно, что она слишком часто появляется в их жизни, чтобы это называлось гостевым визитом. Она не признала это вслух, конечно. Но Билли подозревал, что именно так у неё и выглядело что-то вроде дома.

Мать стала тише, но не слабее.

Она больше не пыталась удержать всё молчанием. Это, пожалуй, было самым важным изменением. Иногда она садилась за стол и просто смотрела на сыновей, словно проверяя, что они правда здесь. Иногда плакала, когда думала, что никто не видит. Иногда смеялась — тихо, коротко, почти виновато. И каждый такой звук был ценнее любого объяснения.

А дверь под землёй всё ещё оставалась.

Её не засыпали. Не сожгли. Не уничтожили. Билли сам настоял на этом. Дверь заперли, укрепили, отметили и оставили как есть — как границу, которую нужно помнить, а не стирать.

Потому что есть вещи, которые не исчезают только оттого, что ты перестал на них смотреть.

Потому что некоторые замки существуют не для того, чтобы прятать чудовищ.

А для того, чтобы напоминать: однажды их уже не побоялись назвать.

В тот вечер, когда всё немного успокоилось, Билли вышел на крыльцо и посмотрел на закат.

Воздух был тёплым, обычным, почти скучным. И это казалось чудом.

Джейк вышел следом.

— О чём думаешь? — спросил он.

Билли долго смотрел на небо.

Потом ответил:

— О том, что больше не хочу забывать, если можно не забывать.

Джейк кивнул.

— Это, наверное, и есть взрослая жизнь.

Билли усмехнулся.

— Если да, то она чертовски переоценена.

Из дома донёсся голос Осы:

— Я всё слышала!

Билли и Джейк переглянулись и одновременно рассмеялись.
И впервые за очень долгое время этот смех не был защитой.
Он был настоящим.

КНИГА ВТОРАЯ: ЭХО ЧЁРНОЙ ЗМЕИ.

Пролог. Сон о пепле

Он стоял на краю обрыва, и ветер нёс с собой пепел. Не горячий — холодный, сухой, как старая пыль. Под ногами не было земли, только тьма, уходящая в бесконечность. Где-то внизу, в глубине, горела одинокая искра, но он не мог разглядеть её как следует.

— Билли, — позвал кто-то.

Голос был знакомым. Тёплым.

Он обернулся, но вокруг была только пустота. Ветер шептал имя, которое он не мог вспомнить.

— Кто ты? — спросил он в темноту.

В ответ — молчание.

Искра внизу мигнула, погасла, и в тот же миг холод поднялся по ногам, сковал грудь, заставил дышать часто и тяжело.

Он проснулся в холодном поту.

Комната была тихой. В окне стоял лунный свет, рядом — пустая кровать. Билли сел, провёл рукой по лицу и долго смотрел на собственные ладони, которые всё ещё помнили тепло, но не могли удержать его.

— Джейк, — прошептал он в пустоту.

Слово повисло в воздухе, как дым, не знающий, куда ему стелиться.

Он не помнил лица.

Помнил только имя.

Глава 1. Прикосновение к пустоте

Прошло три недели с того дня, как Билли закрыл ящик в каньоне Чёрной Змеи. Техас жил своей обычной жизнью: салун работал, лавка старика Маккензи торговала как прежде, а шериф Харпер с утра до ночи разбирал жалобы на пропавших кур и потравленные поля. Всё вернулось в привычное русло — кроме самого Билли.

Он сидел на крыльце своего дома, который наскоро привёл в порядок после погрома, и держал в руках старый потёртый нож. Харпер принёс его накануне и сказал, что нашёл его в ящике стола в своём офисе, когда разбирал старые бумаги.

— Может, он твой, — сказал шериф. — Или его. Посмотри сам.

Билли взял нож. Кожаная рукоять хранила следы пальцев, лезвие было наточено до блеска. Он провёл большим пальцем по металлу и ничего не почувствовал — только лёгкое покалывание в кончиках пальцев, как будто коснулся старой, давно погасшей искры.

Просто вещь. Обычный нож. И всё же что-то внутри него шевельнулось — смутно, как тень на стене, — но тут же исчезло, не успев оформиться.

Он сидел и смотрел на закат, сжимая нож в руке, и чувствовал только пустоту, в которой время от времени вспыхивали обрывки ощущений: будто он когда-то слышал этот нож — как он выскальзывает из ножен, как им режут хлеб у костра. Но лиц, голосов, контекста не было.

Только звук, от которого щемило сердце.

Он убрал нож за пояс и пошёл в дом.

Вечер тянулся медленно. Билли снова и снова перебирал в памяти всё, что мог вспомнить о брате. Ничего. Только имя и странное чувство, что он должен был кого-то защищать.

Наутро приехала Оса. Она спешила, привязала лошадь и села рядом с ним на крыльцо.

— Ты выглядишь как человек, который потерял что-то важное — сказала она.

— Я потерял брата, — ответил Билли, не глядя на неё. — И не могу вспомнить, каким он был.

Это как дыра в груди. Боль есть, а причины нет. Иногда я слышу его голос во сне, но просыпаюсь — и остаётся только ветер.

Оса кивнула и помолчала.

— То, что ты чувствуешь, — это эхо. Ты отдал ящику не просто книгу, Билли. Ты отдал саму связь. Теперь твоя память — как река, которая пересохла. Она есть, но вода ушла. Чтобы вернуть её, нужно идти по руслу: по вещам, по местам. Но это будет медленно. И не всегда приятно.

— Я хочу попробовать — сказал он.

— Тогда начни с малого. У него была подкова, которую он всегда носил с собой. Говорил, что она приносит удачу. Я видела её у него перед смертью — она лежала в седельной сумке. Ты её не находил?

Билли покачал головой.

— Значит, она где-то в каньоне, или в амбаре, или там, где он её обронил. А пока попробуй вот это.

Она протянула ему маленький кожаный мешочек.

— Я сохранила его трубку. Он сам просил меня, если что. Возьми, поддержи. Может, она скажет тебе что-то ещё.

Билли открыл мешочек. Внутри лежала глиняная трубка с вырезанным именем «Джейк».

Он сжал её в ладонях, и на этот раз ощущение стало ярче. Он почувствовал запах дыма, смешанный с полыньёю, и на миг услышал чей-то смех — но он оборвался так же внезапно, как начался. Словно кто-то захлопнул дверь у него перед носом.

— Я почти... — начал он, но голос сорвался. — Я почти слышу его. Но не могу разобрать слов.

— Это начало — сказала Оса. — Теперь ты знаешь, что он смеялся. Это уже что-то. Иди дальше. Поезжай на старую ферму, где вы выросли. Там, среди вещей, ты можешь найти ещё.

Глава 2. Комната, где не осталось теней

На рассвете Билли выехал на Громе в сторону старой фермы. Она стояла в сорока милях к юго-востоку, давно заброшенная, с провалившейся крышей и заросшим двором. Он ехал медленно, вдыхая запах сухой травы и полыни, и в голове крутились обрывки ощущений: смех, запах дыма, тёплый нож в руке — но ни одного цельного образа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.